

Владимир А. Киеня

Реабилитация

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67274088

Реабилитация: Издательство «Перо»; М.; 2022

ISBN 978-5-00204-013-1

Аннотация

В 1989-1992 годах группа оперативных работников УКГБ СССР по Свердловской области занималась реабилитацией жертв политических репрессий. Информация о ходе реабилитации, ее правовых вопросах и конкретных материалах широко освещалась с разрешения заместителя начальника УКГБ СССР по Свердловской области полковника В.П. Кондратьева членом группы В.А. Киеней в местных СМИ. Частично документы, с которыми В.А. Киеня тогда лично работал, собраны в настоящем издании.

События книги разворачиваются на фоне действительной истории с участием реальных личностей. Автор с помощью художественных средств, личных эмоций, рассуждений и анализа, показывает историю страны глазами действующих лиц.

Первым редактором материалов по реабилитации был Казанцев Сергей Иванович, секретарь правления Свердловского творческого Союза журналистов, член Федерации космонавтики

России. Именно его настойчивые требования к автору рассказать людям правду стали целью этой книги.

Книга предназначена широкому кругу читателей.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Реабилитация	7
Первые встречи с репрессиями	17
Можно ли остаться равнодушным?	27
Дело семьи Альтбаум	32
Причины и механизм репрессий	46
Ладыжников Петр Павлович	60
Шубин Семен Петрович	77
Карпеко Кирилл Григорьевич	105
Как капитан НКВД Шариков «разоблачил» царского поручика Булгакова	123
Капралов Михаил Иванович	126
«Руководствуясь революционной совестью, предлагаю расстрелять». Лунегов и Абрамов	145
Долги наши тяжкие	157
Спектакли 1937 года	167
Чекисты	191
Репрессии в Уральском военном округе	236
Сталин	257

Владимир Киеня

Реабилитация

*Безвинным жертвам политических репрессий
посвящается. Помнить вечно, не допустить
повторения.*

© В.А. Киеня, 2022

Автор выражает глубокую признательность

ХРИСТОФОРОВУ Василию Степановичу, специалисту в области истории Великой Отечественной войны и органов государственной безопасности, доктору юридических наук, профессору, члену-корреспонденту РАН, генерал-лейтенанту ФСБ России;

КАПУСТИНУ Александру Александровичу, руководителю Центра микрографии и реставрации архивных документов Свердловской области, начальнику управления архивами Свердловской области;

СМЫКАЛИНУ Александру Сергеевичу, заведующему кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктору юридических наук, профессору, академику военно-исторических наук;

МОСКВИНОЙ Раисе Тимофеевне, доценту кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета, кандидату исторических наук;

АЛТУШКИНУ Игорю Алексеевичу, меценату, российскому предпринимателю, главе «Русской медной компании»;

БОРИСОВУ Олегу Владимировичу, ветерану военной контрразведки ФСБ России,

без которых эта книга не вышла бы.

Реабилитация

Уважаемый читатель, книгу эту я сердцем выстрадал, когда более тридцати лет назад начал писать в местных газетах о политических репрессиях в стране. Она о далеком времени, которое нам с Вами никогда уже не изменить, это ведь не партия в шахматы, которую можно еще раз переиграть. Прошлое, как мне думается, можно и нужно анализировать и делиться собственным мнением, которое может и не совпадать с общепринятым. В книге – мои сугубо личные эмоции и воспоминания о коротком четырехлетнем периоде военной службы в подразделении Управления Комитета государственной безопасности СССР по Свердловской области, которое в начале 90-х годов прошлого века занималось работой с архивными делами репрессированных и реабилитированных советских граждан.

Рассказываю о судьбах обычных советских граждан: рабочих Арамильской суконной фабрики, военнослужащих Рабоче-Крестьянской Красной Армии, работников Свердловской железной дороги, об артистах Свердловского театра музыкальной комедии, о талантливом ученом физике-теоретике С.П. Шубине, о сломленных Молохом несправедливости политических репрессий и о тех, кто не согнулся, кто выстоял. Их архивные дела я изучил досконально, встречался и вел переписку с их родственниками.

Настоящая книга о реальном и значительном вкладе современных сотрудников органов госбезопасности в дело реабилитации жертв политических репрессий, так как именно на них легла тяжелейшая и физически, и психологически работа не только по пересмотру десятков тысяч дел невинно осужденных граждан нашей страны, но и работа с родственниками реабилитированных.

Моя задача – вернуть из безвестности имена конкретных людей – жертв необоснованных политических репрессий, восстановить историческую справедливость и отдать им дань уважения.

Немного о себе: родился в СССР в начале Великой Отечественной войны на территории оккупированной фашистами Белоруссии. Подполковник в отставке ФСБ России. Служил на Крайнем Севере, где часты свирепые морозы и злющая пурга. Затем, после нескольких рапортов, добровольно – на «Крайнем Юге», в невыносимо знойном для нас северян воюющем Афганистане, то есть там, где была необходимость Родину защищать военным путем. За два года спецкомандировки в Афганистане на разных автомобилях в колоннах, бронетранспортерах, в ходе Кунарской боевой операции в марте 1984 года, на вертолетах, самолетах налетал и наездил тысячи километров по заминированным дорогам страны. Подвергался реальной смертельной опасности, неоднократно по мне прицельно стреляли снайперы, гранатомет-

чки и крупнокалиберные пулеметы. Было очень трудно, но наша работа в Афганистане была необходима государству. Вспоминаю об этом сейчас только потому, что не знал тогда, какое еще предстоит впереди жестокое жизненное испытание.

Оно оказалось самым тяжелым в моей жизни. Нигде и никогда раньше я не испытал того, что испытал в начале 90-х годов прошлого века, когда мое поколение сотрудников Комитета госбезопасности СССР «андроповского призыва» столкнулось с фактами массовых незаконных политических репрессий, имевших место в 20-50-е годы XX века. Наше подразделение было создано для рассмотрения заявлений родственников репрессированных граждан о реабилитации и ее технического исполнения. В начале 90-х годов заявления стали поступать не десятками, как в конце 80-х, а многими тысячами. На нас ураганом обрушились слезы и горе, мольбы, боль, стенания, порой и незаслуженные оскорбления...

Начальник подразделения Плотников Леонид Александрович брал на себя самые тяжелые и ответственные заявления. Помню отчетливо два случая. Пришли две простые женщины, чтобы узнать о судьбе пропавших много лет назад отца, матери и двух братьев. Пришли с надеждой, что «так как им всем дали наказание «двадцать лет без права переписки», они, наверно, живы, где-то в далеких лагерях и хочется срочно найти и передать им весточку».

Леонид Александрович взял необходимые документы и ушел в приемную комнату. Таких приемных в начале 90-х в здании УКГБ по Свердловской области сразу стало более десяти вместо одной. Вернулся через час бледный, его шатало. Вскрыл служебную аптечку,пил таблетки и долго сидел в кабинете. Позже поделился со мной, что ему пришлось объявить заявителям, что их отец, мать и оба брата расстреляны много лет назад, и точное место их захоронения неизвестно. Пришлось рассказывать женщинам-заявительницам об этом в четыре приема. Как только он сказал об отце, обе лишились сознания, их отпаивали лекарствами. Потом это было еще три раза...

Помню еще, как Леонид Александрович в приемной объявлял о расстреле отца известному советскому кинорежиссеру Ярополку Лапшину. Тот прочитал свидетельство о смерти отца, полистал тонкое дело, молча встал и произнес Плотникову в глаза с искаженным ненавистью лицом: «Все вы здесь в дерьме по шею!». И, не подав руки, громко хлопнув дверью, ушел...

В.А. Киеня в архиве за разбором уголовных дел. Фото из архива автора

Это был непрерывный болевой шок для многих граждан страны, в том числе и для нас – офицеров Комитета госбезопасности СССР. Мы вдруг узнали в большом объеме совершенно неожиданные омерзительные и страшные факты нашей истории, о которых большинство ничего не знало и не представляло подобного совершенно. Я и многие советские люди вокруг меня тогда чувствовали себя свободными. Мы искренне пели: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Книг, газетных публикаций на тему политических репрессий в открытом доступе не было. Многочисленные фильмы: «Чапаев», «Операция «Трест», «Подвиг разведчика», «Семнадцать мгновений весны» и многие другие, – прославляли государственный патриотизм и героизм чекистов. Именно под воздействием этих фильмов и я, и многие мои коллеги пошли служить Родине в органы государственной безопасности.

Уважаемый читатель! Эти строки я пишу в 2022 году. Ничего даже отдаленно похожего на описываемые ниже события в нашей стране не происходило уже многие десятки лет, поэтому вам потребуется мужество для дальнейшего чтения книги. Это жестокая, но настоящая правда нашей истории. Пишу о подлинном, страшном для осознания нормального человека плановом механизме и о масштабах политических

репрессий в Свердловской области и стране, о часто незаконных арестах, пытках и расстрелах в застенках НКВД. Многие обвинения людей тогда в совершении «контрреволюционных преступлений» были абсурдны по своей сути.

Вот пример обычной для тех дел справки на основании ареста: некий красноармеец строительного батальона, «проходя мимо портрета товарища Сталина, сплюнул и антисоветски улыбнулся»¹. Эти действия могли квалифицироваться по статье 58 пункт 10 Уголовного кодекса РСФСР как «антисоветская агитация и пропаганда» – очень серьезное обвинение. Еще один вариант вменяемых деяний: «...является активным участником контрреволюционной повстанческой шпионской диверсионной организации: вредительски уморил голодом бычка по имени Комсомолец».

Или такая формулировка: «Ассенизатор Петров, проезжая по центру города Красноуфимска, с контрреволюционной целью распространял зловоние». Сегодня звучит дико и абсурдно, но в 37-м за это приговаривали к лишению свободы, а за бычка даже расстреляли...

Потрясенный до глубины души, опираясь на архивные документы, я тридцать с лишним лет назад по собственной инициативе, получив одобрение руководства, много писал в местных газетах, выступал по радио и телевидению по во-

---

¹ *Впервые опубликовано: Куеня В.А. Вернуть из безвестности. Кровавые страницы одного архивного дела полувековой давности // Вечерний Свердловск. 02.06.1990. № 177.*

просам реабилитации, рассказывал о судьбах репрессированных и реабилитированных обычных советских граждан и о честных, порядочных офицерах госбезопасности, о сломленных несправедливостью и о тех, кто не согнулся, кто выстоял и остался Человеком.

Сегодня, в начале третьего десятилетия XXI века, некоторые соотечественники, особенно молодое поколение, как мне кажется, часто однобоко трактуют историю советской России: либо видят в ней сплошной негатив, либо возвеличивают сталинскую эпоху. Понятно, что социализм в новой России уже невозможно реставрировать, это было простое время нашей истории: оно действительно было героическим и созидательным, но одновременно жестоким и трагическим.

Эта книга о людях, безвинно загубленных государством, а ведь человеческая жизнь уникальна и неповторима. наших расстрелянных сограждан не воскресить, но память о них должна стать вечной, как и их архивные уголовные дела. Будущее всегда вытекает из прошлого. Не понимая прошлого, не понять будущего. Мне думается, что надо каждому школьнику и современному сотруднику службы государственной безопасности знать подлинную историю своего государства и идти вперед, сделав правильные выводы из прошлых ошибок и трагедий. В первую очередь эта книга для них.

Очень хочу, чтобы мое искреннее слово дошло до серд-

ца каждого, эту книгу читающего. Хочу, чтобы человек, молодой или уже поживший, стал чаще заглядывать в себя, в свою душу, очеловечивать себя постоянно; а для меня результатом станет положительное изменение сознания каждого, особенно молодого читателя.

В любое время жизни, при любом политическом строе надо строго соблюдать Закон, оставаться порядочным человеком, не подличать, не унижать, не предавать.

Первые встречи с репрессиями

В 1977 году я проживал с семьей в поселке Кольцово Свердловской области, там был и есть сегодня большой аэродром гражданской авиации, с примыкающей к нему военной площадкой. Носил я тогда форму капитана авиации; служил старшим оперуполномоченным Особого отдела КГБ СССР по Уральскому военному округу; оперативно курировал все воинские части закрытого военного городка. Как-то раз мне позвонила женщина-библиотекарь из штаба части и попросила подойти в библиотеку, там она обратилась с просьбой подписать акт об изъятии и уничтожении ряда книг, отобранных на списание. Приближалась юбилейная годовщина – 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции, и в канун юбилея проводилась чистка книжного фонда, изъятие и уничтожение ветхой и невостребованной литературы. Стопка таких книжек была уже подготовлена, составлен акт об уничтожении их путем сожжения. Под актом должен был расписаться и я. Стал перебирать книги, многие из которых действительно просто рассыпались от ветхости.

Мое внимание привлекла толстая книга с надписью: «Стенографический отчет XX съезда КПСС». Я попросил ее на несколько дней почитать и унес в свой кабинет. Сейчас уже точно не помню, по-моему, она была с грифом «Для служебного пользования», то есть не для широкого распростране-

ния.

За несколько вечеров в служебном кабинете я прочитал эту книгу, вернул библиотекаря, и книга была сожжена. Впечатление от чтения отчета съезду было ошеломляющим: Первым секретарем ЦК КПСС Хрущевым Н.С. приводились конкретные многочисленные факты расстрелов в ходе политических репрессий в сталинское время. Больше недели после этого ходил, словно ударенный чем-то тяжелым, меня покачивало.

Нигде и никогда ранее, в том числе и в школе КГБ, где мы изучали историю органов госбезопасности страны, ни на служебных совещаниях, ни на последующих обязательных политинформациях в таком объеме и в такой конкретике подобные факты не приводились. Впервые с горечью подумал тогда, что попал служить в очень непростую военную спецслужбу, к моему удивлению и даже ужасу, так запятнавшую себя кровью народа. И это было омерзительно, выбивало из колеи, заставляло постоянно думать, куда же я попал...

Время шло, и, ежедневно наблюдая, как настойчиво и очень строго относится наш действующий председатель КГБ СССР и будущий руководитель страны Юрий Владимирович Андропов к соблюдению законности, я постепенно стал забывать об этом страшном эпизоде своей жизни. Тем более, что никто из моих ближних и дальних родственников никогда, насколько я знаю, не проходил через суд. Перед поступлением на службу в органы госбезопасности меня, как

я узнал потом, долго и тщательно проверяли. Помню, что в анкете, которую я заполнял, вопрос был не только, были ли мои родственники на оккупированной территории, но и был ли я...

Долго потом расспрашивал маму и заполнял анкету, в т. ч. и о себе лично, потому что с момента рождения в августе 1941 года и до октября 1943 года в течение чуть более двух лет действительно находился на оккупированной фашистами территории СССР...

Через несколько лет, в 1983 году, я был назначен старшим следователем Особого отдела КГБ СССР по Краснознаменному Уральскому военному округу. Секретной почтой ко мне попал запрос по архивному уголовному делу 1937 года. Поднял дело в архиве областного УКГБ СССР и отправил его запросившему следователю. Дело было тонкое, листов на 20–30, на несколько десятков фигурантов. Я познакомился с этим делом: по нему было расстреляно несколько десятков человек, большинство из которых позднее были реабилитированы. Читая документы обвинения и реабилитации, я вновь испытал шок от чудовищности того, что было в нашей истории...

И снова заболел душой, у меня даже несколько дней кружилась голова, и ни о чем другом просто не мог думать. Испытал сильнейший стыд, что служу в конторе, где так обращались с нашими людьми, в ходе реабилитации которых выяснилось, что практически все они оказались заслуженными,

порядочными и ни в чем не повинными... Был в потрясении больше недели и круглосуточно думал о несправедливости. Мелькнула даже мысль, не застрелиться ли... Как смотреть людям в глаза, как жить и служить с этим дальше? Но стремление служить Родине и людям честно, желание искупить вину перед народом, да и заботы по работе, а их было множество, и мысли о семье снова постепенно привели меня в рабочее состояние, хотя боль от прочитанного навсегда осталась...

Тогда я дал себе слово нести службу только честно, только по закону, никогда не обижать людей и быть всегда справедливым к ним. Как говорил тогда наш начальник, генерал-майор Багнюк Владимир Борисович, боевой генерал, честнейший и порядочнейший человек: «Не знаешь, как поступить? Поступай по закону!». Это стало нормой всей моей жизни, в том числе и в Афганистане, где я из двух лет службы следователем год провел в «боевых» командировках, вел расследования по особо опасным государственным преступлениям, принимал непосредственное участие в боевых действиях, допросах душманов, выявлению среди них агентуры противника...

Особый отдел КГБ (военная контрразведка) по Уральскому военному округу в 1980-х годах включал в себя огромную территорию пяти областей: Свердловской, Пермской, Тюменской, Челябинской и Курганской и двух автономных республик – Коми и Удмуртии. Это больше, чем несколь-

ко европейских государств, а я по штату один. Работы было много, приходилось часто бывать в командировках и по округу, и по Союзу. Когда вернулся из Афганистана, был очень изможден, одежда болталась на мне, как на вешалке. Уже в 10.00 утра понедельника, через час с начала рабочего дня недели, испытывал сильнейшую усталость и слабость. Нестерпимо хотелось прилечь, закрыть глаза и просто отдохнуть. Здоровье было подорвано, приходилось часто обращаться в санчасть и военный госпиталь. В следственном отделении в Кабуле служили со мной подполковник Соколовский Борис Николаевич из Баку, майоры Мальцев Евгений Петрович из Саратова, Бадякаев Владимир Бутураевич из Кирова, Еремин Александр, кажется, из Москвы, Закиров Олег Закирович из Смоленска. Все они моложе меня, но на сегодня уже ушли из жизни из-за подорванного войной здоровья. А я, родившийся в начале войны с фашистской Германией в Белоруссии, прожил тяжелейшее военное и послевоенное голодное и холодное детство, Крайний Север и Крайний Юг, но пока держусь...

Рядом с центральной площадью Свердловска находилось областное управление КГБ (оно и сейчас на своем месте). Без особой надобности в это здание редко кто приходил. Слишком опасным казалось оно любому гражданину нашего государства. Но в конце 80-х годов XX века с объявлением в стране «перестройки и гласности» сюда все чаще стали заглядывать «посторонние», как раз те, кто хотел бы этот

дом забыть, как страшный сон, это были незаконно репрессированные и их дети. Дела десятков тысяч человек, безвинно оговоренных, живых и мертвых, пересматривались специально созданным подразделением по реабилитации жертв политических репрессий при областном управлении Министерства безопасности, как в тот период переименовали КГБ СССР.

После приезда в Союз из Афганистана изможденным и больным был я старшим оперуполномоченным, затем стал замначальника отделения оперативного отдела УКГБ по Свердловской области. Эта работа морально и физически очень ответственная, настойчиво просился на техническую, кабинетную, посильную для себя работу. Наконец, почти через три года, в конце октября 1988, меня перевели в архивное подразделение, где и прослужил больше четырех лет до увольнения с военной службы.

Но, как говорится, попал из огня да в полымя. Такой оказалась работа в подразделении по реабилитации жертв политических репрессий. Начался вместо ожидаемой легкой работы период сильнейших стрессов, ежедневной психологической пытки, и только в конце этого четырехлетнего периода – самоуважение от преодоления трудностей и моральное очищение. Я и мои коллеги открывали себе и нашим людям долго скрываемую, страшную, кровавую правду, и эта работа делала Родину и нас всех морально чище и здоровее.

В.А. Киеня работает с заявлениями граждан о реабилитации. Фото из архива автора

Сначала работа была технически однообразной. Надо было под подпись в секретариате получить заявления граждан, расписанные мне на исполнение, подготовить ответы, которые подписывал начальник подразделения, передать ответы в секретариат для отправки почтой по назначению. Вопросы были однотипными: сообщить подробно о судьбе конкретного человека, арестованного органами НКВД, за что аресто-

вали, где он сейчас, есть ли какие-либо личные документы, фото, где остальные члены семьи и т. п.

Получив заявление, я через длинный темный переход проходил из основного здания УКГБ в трехэтажное мрачное здание бывшей внутренней тюрьмы НКВД, где в 1930-х годах сидели арестованные люди. Уже несколько десятков лет в здании располагался архив Управления КГБ по Свердловской области.

КГБ в последние годы тоже арестовывал людей, но, конечно, не тысячами, как в тридцатые годы, а единицами; арестованные за преступления против государства содержались в следственном изоляторе № 1 на улице Репина напротив центрального стадиона Свердловска. Как-то мне попала в руки справка, что за последние тридцать лет (данные на 1990 год – *прим. автора*) Управление КГБ СССР по Свердловской области возбудило и вело следствие по 24 уголовным делам своей компетенции. Были указаны и конкретные лица, сейчас их всех, конечно, не помню. Помню только про братьев Пестовых, которые 1 мая 1960 года разбросали с моста на перекрестке улиц Ленина и Восточной в Свердловске антисоветские листовки... Получается, что в 60-е, 70-е и 80-е годы не было у нас массовых репрессий или каких-то массовых враждебных проявлений. Мы жили в спокойной стране. История истинного далекого прошлого была закрыта, в том числе и для сотрудников госбезопасности на большие замки и засовы с грифом «Хранить вечно».

Стены и пол перехода в бывшую внутреннюю тюрьму НКВД и внутри ее были покрашены в темно-зеленый и темно-коричневый цвет, деревянные полы зловеще скрипели при каждом шаге. Открывал массивную дверь со смотровым окошком и громоздким металлическим тюремным звонком для надзирателя у входа, видел длинный мрачный коридор с закрытыми дверями в отдельные камеры.

Включал тусклый свет, осторожно входил в нужную камеру. В каждой из них были высокие до потолка стеллажи, на которых в картонных коробках по нескольку штук хранились архивные уголовные дела в желтоватых картонных обложках. В правом верхнем углу каждого дела стояли штампы: «Совершенно секретно» и «Хранить вечно». А ровно по середине – большими цифрами – длинный номер с окончанием на букву «К» (не реабилитированные) или «П» (реабилитированные). Каждая камера была размером примерно 4 на 5 метров. Потолки высокие. Тюрьма находилась во внутреннем закрытом дворе огромного здания Управления. В каждой камере под потолком небольшое окно с толстыми решетками. Если как-то забраться и посмотреть в него, кроме стен внутреннего здания ничего не видно. Каких-либо сигналов с воли не передашь и не получишь. Внутри тюрьмы, в ее камерах и на стенах висела в воздухе тяжелая, мрачная, зловещая и глухая тишина. Я словно ощущал на себе взгляды многочисленных узников. Из каждого сантиметра стен обрушивалось, и я тонул в нем, огромное человеческое горе и крики

О ПОМОЩИ...

Можно ли остаться равнодушным?

Формально реабилитация – это возвращение утраченных прав, снятие правовых ограничений, связанных с незаконным осуждением и лишением свободы невиновных граждан, восстановление их поправленных прав на будущее время. Первая волна реабилитации (1939–1940 годы) началась после двух лет «большого террора» 1937-38 годов. Нет, аресты не прекратились, но стали не такими массовыми. Ряд дел на невинно осужденных был пересмотрен. Из мест заключения было отпущено значительное число осужденных на небольшие сроки. Но на этом все дело и закончилось.

После смерти И. Сталина, в период 1953–1954 года, стали пересматриваться архивные уголовные дела граждан, осужденных по политическим мотивам в послевоенное время. Была создана специальная комиссия во главе с академиком П.Н. Поспеловым.

8 февраля 1956 года комиссия представила доклад о репрессиях против партийно-политического руководства и обвинениях в антисоветской деятельности. Однако полная картина репрессий не была дана. Реабилитация носила скорее личностный характер: особое предпочтение отдавалось старым большевикам, тем, кто вступил в партию до 1917 года. Все же процесс реабилитации ускорился: если на 1 января 1955 года в лагерях содержалось 309 тысяч политических за-

ключенных, на 1 января 1956 года – 114 тысяч, то к апрелю 1959 года – уже 11 тысяч или 1,5 % всего гулаговского населения.

Дел. № 0173
Лист № 87
149-155
когда
Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС

товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

В связи с поступающими сигналами в ЦК КПСС от ряда лиц с незаконном осуждении за контрреволюционные преступления в прошлые годы Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особим совещанием, Военной Коллегией, судами и военными трибуналами и в соответствии с Вашим указанием с необходимостью пересмотреть дела на лиц, ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах, докладываем.

По имеющимся в МВД СССР данным, за период с 1921 года по настоящее время было осуждено Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особим совещанием, Военной Коллегией, судами и военными трибуналами - 3.777.380 человек.

Из общего числа осужденных за контрреволюционные преступления по видам наказания распределяются:

- в ИМН - 642.980 человек,
- и содержащимся в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и выше - 2.369.220 человек,
- в ссылке и высылку - 765.180 человек.

Из общего количества арестованных, ориентировочно, осуждено: 2.900.000 человек - Коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особим совещанием и 877.000 человек - судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной Коллегией.

По данным ГУЛАГ'а Министерства юстиции и МВД СССР, в лагерях и тюрьмах в настоящее время содержится заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, - 474.950 человек и, кроме того, находится в ссылке после отбития наказания за

Докладная записка Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко, министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова

и министра юстиции СССР К.П. Горшенина о количестве осужденных коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, военной коллегией, судами и военными трибуналами за контрреволюционную деятельность в 1921–1954 гг. Фото из открытых источников

Настоящая реабилитация, как видим, начала отсчет с 1956 года, но материалы 20-го съезда КПСС, доклад Н.С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях» были практически засекречены, о колоссальных масштабах творившейся в 30-е годы трагедии граждане так и не узнали. И все же процесс до 1962–1963 годов шел активно. Были созданы комиссии для пересмотра дел тех, кто находился в заключении, многие из них были освобождены; но пересмотр дел шел только по конкретным заявлениям граждан. После отставки Н.С. Хрущева реабилитация практически остановилась.

До второй половины 1980-х годов не принято было думать, а тем более говорить о реабилитации жертв массовых политических репрессий как о процессе нравственного очищения общества, восстановления исторической справедливости. Лишь со второй половины 1980-х годов массовая реабилитация жертв незаконных политических репрессий стала осуществляться на чёткой правовой основе. На её волне по всей стране создавались объединения невинно пострадавших людей и их родственников. Издавались книги памяти

погибших в годы произвола. Осуществлялся поиск мест захоронений. Проводилось рассекречивание документов и материалов периода репрессий из архивов спецслужб.²

И в Управление КГБ СССР по Свердловской области каждый день стали поступать письма-заявления от репрессированных граждан и их родственников. Простые и заказные, короткие и пространные, отпечатанные на машинке и написанные неразборчивым почерком, они шли со всех концов страны. Люди спрашивали об отцах, матерях, братьях, сестрах, по судьбам которых прошел меч политических репрессий...

---

² https://vuzlit.ru/505849/reabilitatsiya_zhertv_massovyh_politicheskikh_repressiy

Дело семьи Альтбаум

Все без исключения заявления граждан, проходившие через руки сотрудников группы УКГБ Свердловской области по реабилитации, были пронизаны огромной болью о своих близких, искренними рассказами о том, какими преданными, замечательными людьми они были, сколько горя их арест и полное незнание дальнейшей судьбы принесли в каждую семью сотен тысяч людей.

И во всех письмах мольба сообщить правду, какая бы она ни была. Читал я эти письма и, как березовая кора на огне, корчился от сопереживания. Подумал тогда, что в новой России надо обязательно издать эти письма для широкого распространения, чтобы это было лекарством против подобного отношения к своим гражданам в будущем...

Вот одно из заявлений, воспроизвожу его по памяти, поэтому могут быть неточности. Написала учительница Сошина, кажется, из города Мариуполя. Она сообщила, что у ее хорошей знакомой Альтбаум Розы репрессировали отца и мать в 1937 году, и она ничего до сих пор не знает об их судьбе. Как и о судьбе брата и сестры, которых после ареста родителей распределили в разные детские дома.

Я нашел архивное уголовное дело на жителей Арамиля Свердловской области Альтбаум Сары Абрамовны и ее мужа, Альтбаум Янкеля Мошковича. Оба они работали на Ара-

мильской суконной фабрике. Простые рабочие, в семье было трое детей. Родителям было предъявлено стандартное обвинение в контрреволюционной деятельности. Супруги расстреляны в 1937 году, дети помещены в разные детские дома.

Архивные уголовные дела НКВД. Фото из открытых источников

Запомнил из материалов этого дела строчку: «Владеют мельницей». Оказалось потом, что ручной мельницей для помола зерна они владели: это когда на круглый чурбан с набитыми гвоздями ставят сверху такой же с ручкой. В отверстие между ними засыпают зерно и вручную крутят, получа-

ется мука. В детстве я точно такую же видел дома у своей бабушки и потом у соседей. И какое же это богатство или нарушение?

Подготовил тогда необходимые документы для реабилитации супругов Альтбаум, подписал их у руководителя подразделения Плотникова Леонида Александровича и справку о реабилитации подписал у старшего помощника прокурора Свердловской области Волкова Валентина Алексеевича. В деле были подшиты 9 или 10 заявлений их сына Александра Альтбаума из города Пласт Челябинской области. Он в течение многих лет безуспешно умолял органы НКВД ответить о судьбе родителей. Александр – шахтер, награжден орденом за ударную работу. В деле были подшиты копии ответов, что родители приговорены к 20 годам лишения свободы без права переписки. А ведь они уже были расстреляны...

Подготовил ответ Александру Альтбауму о действительной судьбе его родителей, рассказал Александру и о письме Сощиной от имени Розы. Через УКГБ по Челябинской области попросил коллег вручить ему наш ответ и поискать адрес третьего ребенка в семье – младшей сестры. А Сощину я попросил, чтобы Роза лично нам написала, и мы ей лично ответим.

Вскоре получил личный ответ Александра, что нашли их младшую сестру, по фамилии сейчас она Виноградова. Через некоторое время пришло и от Сощиной письмо, что Роза проживает в Израиле и попросила приятельницу обратиться

к нам, так как сама побоялась. А сейчас, конечно, обязательно напишет. Через некоторое время Роза Альтбаум написала нам в УКГБ Свердловской области и получила подробный ответ и о судьбе родителей, и адреса сестры и брата.

Так по этому уголовному делу с нашей помощью не только были реабилитированы супруги Альтбаумы, но и соединились все трое их детей. Об этом случае я написал в израильскую газету «Штерн» и рекомендовал всем жителям государства Израиль обращаться в УКГБ по месту ареста их родственников. Тогда сотрудники КГБ сообщат не только информацию о репрессированных, но и адреса разбросанных террором родственников. Подобных писем-запросов в конце 80-х годов в Управление КГБ Свердловской области по вопросам репрессий стало приходиться не по несколько десятков в год, как раньше, а многие-многие тысячи. Вместо одной небольшой комнаты приемной в здании УКГБ было организовано штук десять, точнее уже не помню. Люди сидели в очереди на подачу заявлений.

Семья, разлученная политическими репрессиями. Фото из открытых источников

В нашей морально очень тяжелой работе иногда случались курьезы. В этой части здания УКГБ напротив комнат заявителей в то время располагался и кабинет массажа. Сотрудникам с проблемами здоровья, а многие прошли Афганистан, разрешили поправлять его в рабочее время, не тратя много времени на ходьбу в санчасть, которая располагалась в городке чекистов. В Афганистане я неудачно прыгнул с

бронетранспортера, зацепившись каблуком за выступ брони и ударившись о камни, порвал на правой ноге мениск. Работы было выше крыши, лечиться тогда было некогда, и я долго хромал, пока мениск не зарос. Когда лежал в очередной раз в санчасти, мениск порвался снова, и меня увезли в окружной военный госпиталь, где сделали операцию. После госпиталя нога стала сохнуть, до конца не сгибалась и не разгибалась. Была опасность, что нога высохнет совсем, поэтому меня направили к массажисту Лесникову. Тот пообещал, что ногу спасет, но надо к нему походить не на 10 обязательных сеансов, а хотя бы месяца полтора-два и потерпеть боль. Это был грузный, за сто килограммов, мужчина с плохим зрением. Во время массажа, а он иногда залезал на меня целиком, от боли у меня текли слезы и хотелось громко выть...

Репрессированные дети. Фото из открытых источников

Как-то раз, в связи с этим кабинетом массажа, я стал свидетелем следующего случая. Принимал заявление у пожилой

сухонькой старушки в одной из комнат приемной. Вдруг из-за двери в коридоре со стороны кабинета массажиста раздался протяжный женский стон, потом еще и еще раз. Моя заявительница стала лихорадочно складывать свои вещи в сумочку. Желая ее успокоить, я сказал, что там делают массаж и никакой опасности он нам не представляет. Судя по ее тревожному взгляду, она мне не поверила. Вдруг из-за двери раздался дикий вопль: «Что вы делаете, что вы делаете, больно же... Ой больно!!!». Моя заявительница, забыв свою авторучку и платочек, метнулась бегом на выход. Открыв дверь, я увидел, что и из других кабинетов выбегают граждане-заявители и, оглядываясь, со страхом выбегают на улицу. После этого случая кабинет массажа убрали вовнутрь здания.

Убедившись через некоторое время, что заявители задают одни и те же вопросы, я подготовил статью «Реабилитация – трудная дорога к справедливости. УКГБ комментирует, информирует и отвечает на вопросы»³. Тогда у нас в Управлении не было своей пресс-группы, и Кондратьев лично рассматривал все мои материалы, подготовленные для печати. Читал он материалы внимательно, практически не вносил никаких серьезных изменений.

«Прошу Вас выслать мне копию справки о моем пребывании и освобождении после отбытия срока в восемь лет в ИТЛ

---

³ Впервые опубликовано: Киеня В.А. Реабилитация – трудная дорога к справедливости. УКГБ комментирует, информирует и отвечает на вопросы/Киеня В.А.//газета «Право» – апрель 1990. 6(10)

(исправительно-трудовом лагере – *прим. автора*), с указанием даты ареста и освобождения... Документ мне необходим для пересмотра пенсии... Прошу выслать быстрее, мне 92 года, можно не успеть!».

В УПРАВЛЕНИЕ УГБ СССР по Свердловской области на этой неделе поступил письменное заявление от ранее репрессированного еще в не раздвинутых Писемках в долине, горюшко в пространстве, оплетенной за мгновения в бурлящие завихрениях реверсива, — он будет со всем доверием стрел. Справедлив об этом, человек, Бранд, человек, по судьям доверия провозгласил статусом репрессива.

И, до сих пор в котором ни чего не знаю. И поэтому я пишу Вам письмо и обращаюсь с просьбой — реабилитуйте меня, что о нем известно. Может, он так и не знает, что у него есть родственники. Укажите Вас, родственники так это же в чем не сомневаюсь, помогите мне! Мы должны жить и еще, хотя он не знает. Может, человек Вд. дедушка, да в прошлом был в лагерях. Будем ждать ответа.

Через меня 1988 г. ответственности лично делавшемуся заключенным, на основании, — «однажды от воли».

«В июне 1987 года против вас была наведена «лишняя дедка. Посмотрите, куда обратились».

Можно ли оставить равнодушным, приняв эти заявления? Да, конечно же нет! — переживая судьбу, трагедия, несправедливую, доказать рано. Тогда пусть, во всем, искренность, безусловно, обратились, за нас, сформулировав, реабилитацию, родственники, по-прежнему, не разговаривают, и выживает, чуждым, сестрички и сестры. Солд. В каком-то, реабилитация, не только, но и в глубине, убеждены — подобие, никогда не должно повториться.

УКГБ комментирует, информирует...

«Воору Вас вылет, мне известно о нем, реабилитация и освобождения после войны в конце лет в УГБ, с учетом даты ареста и освобождения... Документ или наблюдение для завершения процесса. Проще вылет, быстрее, мне 92 года, можно не устать».

«А лично «бронированный рабочий» в течение фамилии Герасимов. С учетом в доме и своей матери и притом ей. Вы не можете себе представить, что произошло Корнилов Николай Николаевич, 1913 года рождения, до ареста работы достигли не исключено. Моего сына попросил Наталью и о работе — это брат моей любимой мамы».

«3 марта 1980 года в багаже обнаружено 150 килограмм РВК Свердловской области. По приказу Сталина мы все выключили спецслужбам и так это тогда произошло, — новость. В связи с реабилитацией сведения о нем мне необходимо предоставить в соответствующие органы».

«Этот стилистический вариант, я так же. Нечего возмущаться, исправьте, трезво. Теперь мы все больше... Выясните причину в реабилитации и причину нарушения закона. Почему не мы сталкивались. Многие пострадавшие от репрессий».

«Государство, которое не защищает граждан, само должно наказываться».

Сидя два года назад в УКГБ по Свердловской области, я узнал, что в 1987 году на основании 1980 Терроризма 8797 для по нем реабилитирован 19891 человек. Удалось установить 830 реабилитированных реабилитированных, но арестована группа с реабилитацией, возмущаются: переживая, родственники. Но более 5000 родственников в реабилитацию, люди реабилитированные, не удалось еще не установить личности».

Реабилитация — непростительная ошибка, которую не исправит никто. Все люди, пострадавшие, нуждаются от того, что удалось доказать, за реабилитацию, но пострадавшие все больше».

Газетная статья из цикла «Реабилитация – трудная дорога к справедливости». Фото из архива автора

«...В газете «Уральский рабочий» я встретила фамилию Гиршфельд. С газетой я пошла к своей матери и прочитала ей. Вы не можете себе представить, что произошло! Гиршфельд Николай Иванович, 1915 года рождения, до ареста работал десятником лесозаготовок Марсятского леспромхоза Надеждинского района – это брат моей любимой мамочки, до сих пор о котором мы ничего не знаем. И поэтому я пишу Вам письмо и обращаюсь с просьбой – сообщите нам все, что о нем известно. Может, он жив и не знает, что у него есть родственники. Умоляю Вас, разыщите нам его, ни в чем не повинного человека, помогите нам! Мы должны знать о нем, жив он или мертв. Может известно Вам место, где он проживает. Мы с нетерпением будем ждать ответа...»

Спецдетдом Наркомпроса, середина 30-х годов. Фото из открытых источников

«...В марте месяце 1943 года я была мобилизована Иселькульским РВК Омской области. По приказу Сталина, мы все огульно стали спецпоселенцами и, как нам тогда говорили, – навечно... В связи с реабилитацией советских немцев мне необходимо подтверждение вышеизложенных фактов».

«...Этот сталинский режим тирании отнял у нас все. Нанес невосполнимую моральную травму. Теперь мы все больные... Выслали справку о реабилитации и какую-то мизер-

ную помощь (двухмесячный оклад – прим. автора). Можем ли мы пользоваться льготами пострадавших от репрессий?».

«...Государство, совершившее тягчайшее преступление против гражданина, само вольно назначать меру своей ответственности: почему двухмесячная зарплата, а, скажем, не однодневная, – ведь однодневная меньше?!...»

«...В июне 1943 года пропал без вести наш дедушка. Посоветуйте, куда обратиться...»

Можно ли было остаться равнодушным, прочитав эти письма-исповеди. За каждым из них непростая судьба, трагедия, незаживающая душевная рана. Такие письма, их боль, искренность буквально лавиной обрушивались на нас, сотрудников госбезопасности, родившихся много позднее после репрессий, и вызывали чувство сострадания и ответной боли. В комитете госбезопасности не только осуждали инициаторов и исполнителей произвола, беззакония, но и были глубоко убеждены – подобного никогда не должно повториться.

Причины и механизм репрессий

Перебирая архивные дела, искал я, прежде всего, истоки репрессий. Меня поражало, как быстро в те годы решалась судьба человека, любого человека, будь он «шпион», «троцкист» или «кулак». Буквально несколько листочков в деле: протокол одного допроса, анкета арестованного, обвинительное заключение на полстранички, такой-то гражданин является «агентом германской разведки», или «троцкистом», или еще кем-то антисоветским и подтверждает это показаниями; постановление тройки УНКВД, Военной коллегии Верховного Суда СССР, узенькая полоска бумаги справки о приведении приговора в исполнение...

И все. Человека нет...

Переселенческий лагерь. Фото из открытых источников

Поначалу еще полагал, что этой подлой «работой» занимались карьеристы без чести и совести, которые получили разрешение сверху. Потом, обсуждая конкретные случаи по уголовным делам, и я, и мои молодые коллеги не переставали удивляться колоссальному объему и жестокости репрессий 30-40-х годов, что были скрыты от всего народа и, конечно, от нас, действующих чекистов начала 90-х годов страшного XX века, завесой зловещей тайны. Методично искали мы в архиве исходящие из Центра директивы и приказы, которые послужили источником репрессий. Хотелось понять всю их картину в целом.

Через мои руки прошли сотни архивных уголовных дел

НКВД, позднее много прочитал материалов о репрессиях в прессе и в интернете и пришел к выводу, что механизм террора был запущен по прямому указанию Сталина, в марте 1937 года выступившего на Пленуме ЦК.

В его выступлении было сформулировано основание для будущей кампании террора: «Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств... Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты... Мы наметили далее основные мероприятия, необходимые для того, чтобы обезвредить и ликвидировать диверсионно-вредительские и шпионско-террористические вылазки троцкистско-фашистских агентов иностранных разведывательных органов... Спрашивается, чего же не хватает у нас? Не хватает только одного – готовности ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие, свою собственную политическую близорукость»⁴.

Фактически это выступление Сталина, опубликованное в газете «Правда», стало сигналом к началу Большого террора. В прежние времена советские карательные органы действовали только против т. н. антисоветских элементов: бывших белогвардейцев, бывших членов конкурирующих социалистических партий, против людей, имевших определенное положение в дореволюционной России. То есть против

---

⁴ <https://istmat.org/node/29839>

«классовых врагов». Но теперь было сформулировано понятие врага совершенно в ином ключе. Враги, как отметил Сталин, теперь были внутри партии, на ответственных постах, они затаились и ждут своего часа.

В одном из архивных дел мы обнаружили Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Это был приказ НКВД СССР от 30 июля 1937 года⁵. Именно руководствуясь им с августа 1937 года по ноябрь 1938 года была проведена операция НКВД СССР по «репрессированию элементов, продолжающих вести активную антисоветскую подрывную деятельность». В отличие от открытых показательных процессов над советской элитой, операция по приказу № 00447 касалась рядовых граждан, среди которых были крестьяне, рабочие, сельское духовенство, асоциальные элементы, уголовники и бывшие члены оппозиционных партий.

Приговоры выносились республиканскими, краевыми и областными тройками НКВД. Поскольку планировалось пропустить через судебный конвейер огромные массы населения, никакие суды не справились бы с возросшим в тысячи раз потоком дел и, если бы каждое дело рассматривалось как положено по закону, на их рассмотрение ушло бы несколько десятилетий.

Для упразднения судебных формальностей и ускорения

---

⁵ <https://alexanderyakovlev.org/> Личный архив А.Н. Яковлева

процессов судебные полномочия передавались специальной созданным органам – «тройкам». Эти тройки создавались на областном и республиканском уровнях. В их состав входили три человека, поэтому они и получили такое название. В обязательном порядке в состав тройки входил начальник областного или республиканского НКВД, прокурор области или республики и секретарь обкома или первый секретарь.

Механизм работы троек заранее был обкатан на т. н. «милицейских» тройках, появившихся за несколько лет до этого, чьей функцией было упрощённое рассмотрение дел о нарушениях паспортного режима. Никакого суда тройки не проводили. Следствие велось НКВД, после чего с определённой периодичностью материалы со всей области или республики приходили в областной или республиканский центр, где рассматривались тройкой. Как показывают документы, в 99 % случаев решение тройки строилось на признательных показаниях подозреваемых.

Председателем тройки был обычно представитель НКВД, который после краткого ознакомления, занимавшего не более нескольких минут, выносил приговор, ставя на странице дела букву «Р», что означало «расстрел». После этого прокурор и партийный секретарь ставили свои подписи в знак согласия. Рассмотрение дел проводилось без присутствия обвиняемого и, разумеется, без адвокатов, которые подсудимым не предоставлялись ни в ходе следствия, ни на импровизированном суде. Приговоры троек обжалованию не под-

лежали. Тройка имела в своём распоряжении только два вида наказания: расстрел и отправка в лагерь.

Существовали определённые группы населения, принадлежность к которым (в прошлом или на момент рассмотрения дела) практически гарантировала попадание в списки для репрессий. Это были бывшие кулаки, дореволюционные полицейские, священнослужители и вообще люди, занимавшие хоть какие-то посты в империи; бывшие военнослужащие белых армий (даже насильно мобилизованные на короткое время); бывшие активисты любых политических партий, члены партии большевиков, некогда сочувствовавшие тем или иным фракциям внутри партии («рабочая оппозиция», «троцкисты», «зиновьевцы» и т. д.), коммунисты с дореволюционным партийным стажем; лица, что хоть раз выезжали за границу; бывшие эмигранты, вернувшиеся в СССР в 20–30-е годы; руководители разных уровней по состоянию на лето 1937 года (на их место было много желающих); советские граждане иностранного происхождения (по умолчанию считались агентами буржуазных разведок), бывшие или настоящие сотрудники Коминтерна.

Если человек попадал в руки НКВД, у него было два варианта будущего: либо расстрел, либо лагерь. Как только человека арестовывали, он исчезал для всего мира. К нему не допускали ни родственников, ни друзей, ни адвокатов. Практически все безвинно арестованные считали, что произошла какая-то чудовищная ошибка и товарищ Сталин не в курсе

творящегося беззакония. Чудовищно и то, как отмечено в отдельных архивных делах, что люди умирали под пулями с возгласами: «Да здравствует Сталин!», «Да здравствует коммунизм!»»

Следователь НКВД имел, по сути, лишь одну задачу – получить признательные показания. Если человека арестовывали независимо от всех других (не в группе), он сам должен был проявить фантазию и дать показания на себя. Некоторые следователи заранее расписывали показания и требовали только подписать их. В большинстве случаев заключенного регулярно избивали до тех пор, пока он не сдавался и не подписывал признательные показания.

Жертвы. Фото из открытых источников

Большинство сдавалось уже после одного-двух избиений. Как видно из материалов архивных дел, в некоторых случаях не требовалось и этого. Когда репрессии коснулись уже простых трудящихся, среди которых было много малограмотных людей, следователям ничего не стоило обдурить их и обманом добиться подписи на показаниях. Как правило, им обещали, если те подпишут бумагу, то тут же будут отпущены домой.

Если же человек ни в какую не соглашался подписать при-

знательные показания, к нему применяли весь комплекс мер: избиения, угрозы посадить или расстрелять близких, долгое пребывание в карцере, игра в «добраго и злого следователя», инсценировку расстрела и подобные вещи. Многие не выдерживали и подписывали любые признания, надеясь, что на суде они от них откажутся и расскажут партийным товарищам всю правду об избиениях, но этот метод не работал.

Чаще следователи сами «создавали» разветвлённые троцкистско-зиновьевские группы, состоявшие из десятков человек. Как правило, в этом случае от арестованного просто требовалось получить признание, что он в эту подпольную группу был завербован. Как только несчастный арестант начинал давать нужные следователю показания, его участь сразу же смягчалась. Его больше не били, напротив, могли улучшить его условия в тюрьме. Почти всегда следователи обещали сохранить жизнь в случае признательных показаний, но это была уловка. В действительности сразу же после соблюдения всех формальностей с показаниями они теряли интерес к заключённому. Да в любом случае они никак не могли повлиять на приговор тройки.

После Большого террора 1937-38 годов в Союзе практически полностью обновился партийный аппарат и аппарат НКВД, в которых почти не осталось людей с дореволюционным партийным стажем. В Свердловской области было расстреляно по три состава обкома партии и Свердловской железной дороги. Почти целиком был обновлён руководящий

состав РККА. Власть Сталина упрочилась настолько, что более ни один из партийных деятелей не рисковал не то, что выступить против, а хотя бы просто недостаточно хвалебно отозваться о вожде. Мне кажется, что этот страх и стал основой «культы личности» Сталина.

Теперь уже точно известно, что более 40 тысяч человек были репрессированы на основе подписанных лично Сталиным и его ближайшим окружением списков, подготовленных в НКВД; люди были осуждены по 1-й (высшая мера наказания) или 2-й категориям (заключение в ИТЛ). В период резкого усиления репрессивной политики сотрудники оперативных отделов Главного управления государственной безопасности готовили для Сталина и почти всегда для членов секретной пятерки (Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов и Ежов) ежедневные сводки важнейших показаний арестованных. Появление таких сводок связано с тем, что огромное количество протоколов допросов не позволяло высшему руководству государства внимательно знакомиться со всеми показаниями арестованных. Наиболее частые обвинения предъявлялись в ведении шпионской, террористической и вредительской деятельности, то есть в преступлениях, расследуемых органами госбезопасности.

В Особом отделе Главного управления государственной безопасности (ГУГБ НКВД) несколько сотрудников занимались только тем, что обрабатывали протоколы допросов и увязывали показания одних арестованных со словами дру-

гих, так что в результате абсурдные показания были взаимосвязаны и логичны, дополняли друг друга.

Генеральный прокурор СССР в те годы – Вышинский Андрей Януарьевич – выдвинул и реализовал тезис, который «теоретически» оправдывал репрессии против «врагов народа». Именно ему принадлежит идея, согласно которой на самом обвиняемом лежит бремя доказывания оправдывающих его обстоятельств⁶. Как один из организаторов и активных участников сталинских репрессий Вышинский за свирепость в отношении «врагов народа» заслужил прозвище Андрей Ягуарьевич...

Как-то я познакомился с документом, который показывал, как планомерно и совершенно в то время работала государственная репрессивная машина. Планировалось не только количество выплавляемого металла, добычи угля или зерна, планировались и репрессии. Этот документ – оперативный приказ начальника УНКВД по Свердловской области Дмитриева от 1 августа 1937 года. Он составлен по директиве наркома внутренних дел Ежова⁷. Таких директив были десятки. Они ложились в основу приказов начальников областных управлений НКВД.

---

⁶ <https://yandex.ru/video/preview/?text=речь+вышинского+на+процессе+1938+года&path=wizard&parent-reqid=1644669930349435-9479201588739520935-vla1-2700-vla-l7-balancer>

⁷ <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=6891905372447484544&text=оперативный+приказ+начальника+УНКВД+по+Свердловской+области+Дмитриева+от+1+августа+1937>

Так вот, приказ начальника УНКВД области начинался так: «Начальнику участка. Только лично. Совершенно секретно. В соответствии с директивой центра начало производства операции – 5 августа 1937 года в 24 часа».

За месяц-два до этого приказа на места спускались несколько указаний, и все под грифом «совершенно секретно, вскрыть немедленно...» Было приказано создать особый штаб, подготовить арестные помещения, до человека были расписаны чекистские силы для проведения операций. Получается, что организовывались силы для облавы на людей; до августа 37-го года тоже непрерывной чередой шли репрессии, но не так планомерно, не была вот так обнажена тайная государственная машина убийства. Ведь заранее расписано было, сколько человек в эту ночь взять: «...по вашему району следует изъять 50 преступников. У вас имеется арестное помещение на 30 человек, излишек арестованных в количестве 20 человек подлежит отправлению в Свердловскую тюрьму. Порядок отправки будет дан особым распоряжением».

По приказу Дмитриева всех арестованных следовало разделить на два потока. К первому относились особо «враждебные», они подлежали расстрелу. Ко второму – «менее враждебные», их ожидало заключение или ссылка на 10–20 лет. На каждый район спускался план по количеству «враждебных» и «менее враждебных». То есть ни в Свердловске, ни на местах ничего изменить было нельзя. Либо всех по

плану изъять и расстрелять, либо сгнать самому.

В этом документе все настолько четко было расписано, что он помог позднее ответить на вопрос: где искать места захоронений репрессированных? Место массовых расстрелов было найдено на 12-м километре автотрассы Свердловск – Первоуральск. Но оставалось сомнение: не расстреливали ли в Тагиле, Ирбите, других городах? Ответ в директиве Ежова: «Всех арестованных по I категории направлять в Свердловск», и было расписано несколько маршрутов.

В апреле 1938-го года Дмитриев докладывал Ежову, что с начала операции репрессировано свыше 42 тысяч человек, получается где-то по 5 тысяч в месяц... Они стремились к равномерности, чтобы «машина» работала ритмично, без накоплений. В этом же докладе Дмитриев просит разрешения на выселение семей репрессированных, указывает, что сейчас на территории области проживает около 30 тысяч семей, главы и члены которых арестованы.

В одном из докладов Дмитриева в Москву я обратил внимание на такой пункт отчета: «Нами сформировано 6 групп по 20 человек детей, которые направлены в детские дома». И чернилами ниже сделана приписка: «Группы укомплектованы таким образом, чтобы в каждой из них не было родственников и знакомых». В семьях тогда было по пять-шесть детей, и все они были направлены в разные группы и в разные города. Комментировать это просто нет сил. Многие из них так и не узнали ни своих родителей, ни имени, ни отчества,

ни где родились.

В. Киеня (справа) и журналист местной газеты на 12 километре Московского тракта, где при строительстве дороги было вскрыто захоронение жертв политических репрессий 30-х годов. Фото из архива автора

Ладыжников Петр Павлович
Неизвестный автограф Горького

1
1
~~Вс~~
~~1921 год~~
1921 г. 21 авг

Дорогие товарищи!
Очень прошу Вас принять
меры к освобождению и контро-
льному лагерю бывшего са-
моземского Петра Павловича Ло-
дифеникова.
Хотел бы сказать по договору
по делу его, как я знаю - он
сейчас и ни в чем он не ви-
новат.
Очень прошу товарищи, будь-
те справедливы!
Искренне
А. М. Горький

Собственноручная записка А.М. Горького. Фото из архи-
ва автора

«Уважаемые товарищи! Очень прошу Вас принять меры к освобождению из контрационного лагеря бывшего священника Петра Павловича Ладыжникова.

Хотя он посажен по приговору, но дело его, – как я знаю – чистое и ни в чем он не виноват.

Очень прошу товарищи, – будьте справедливы!

Приветствую. М. Горький» (орфография сохранена – *прим. автора*)⁸.

Судьба даровала Максиму Горькому большой литературный талант и всемирную славу. Среди его творческого наследия романы, пьесы, рассказы и очерки, многие из которых экранизированы. И сегодня ранние романтические рассказы М. Горького изучают в российских школах, а знаменитая пьеса «На дне» идет не только в театрах России, но и Германии. Любителям литературы широко известны «Легенда о Данко», «Песня о Буревестнике», «Мещане», «Дачники», «Дело Артамоновых», «Жизнь Климса Самгина» и другие. Писатель вошел в историю не только как романтик и реалист-бытописатель, но и как революционный деятель, пролетарский писатель с непростой судьбой. При этом до сих пор обнаруживаются неизвестные ранее записки Горького и его высказывания, оставленные на бумаге.

Один из таких артефактов, ранее исследователям жизни и творчества Горького неизвестный, мне удалось обнаружить

---

⁸ Впервые опубликовано: Киеня В.А. *Неизвестный автограф М. Горького // Уральский следопыт. 1990. № 7. С. 12.*

в архиве управления КГБ по Свердловской области в начале 90-х годов прошлого века среди нескольких тысяч дел, подготовленных к реабилитации, когда тридцать лет назад сотрудники УКГБ по Свердловской области вели кропотливую и шоковую для них работу по реабилитации граждан, невинно осужденных в годы политических репрессий.

Алексей Максимович Горький. Фото из открытых источников

Письмо было отправлено Горьким на Средний Урал, ве-

роятно, в самом конце 1920 года. Листок бумаги, представляющий историческую ценность, находился в деле священника церкви города Режа Свердловской области Петра Павловича Ладыжникова (1871 г.р. – точная дата смерти неизвестна, но после 1938 года).

Отец Петр второй раз был арестован 26 августа 1937 года и обвинен в том, что «...участвовал в контрреволюционной подпольной организации церковников на Урале и систематически вел пропаганду против политики партии и Советской власти, высказывал контрреволюционные намерения». Более конкретных обвинений в деле нет.

Москва. Пролетарскому поэту Максиму ГОРЬКОМУ.

Уважаемый Товарищ ГОРЬКИЙ!

В ответ на Ваше письмо об освобождении священника ЛАДЬМИНОВА Петра Павловича, сообщаем:

ЛАДЬМИНОВ арестован нами 9-го августа 1920 года за контр-революционную деятельность во время нахождения на Урале белогвардейцев.

Произведенным по делу расследованием, фактически установлено, что три белых ЛАДЬМИНОВ вел среди масс усиленную травлю против Совработников в частности коммунистов, лично сам организовал боевую белогвардейскую дружину и руководил ею, принимал активное участие в отобрании от Уральских мужиков земли, коей наделена ~~я~~ Соввласть и ~~в~~ заключении, при отступлении белогвардейцев, сбежал вглубь Сибири.

7-го октября мы его судили и приговорили безсрочно в концентрационный лагерь с применением принудительных работ.

28-го декабря дело в порядке применения амнистии пересмотрели и сбавили наказание до 2-х лет, считая со дня осуждения. В данный же момент, получив Ваше письмо, ~~пересмотрели~~ ~~дело~~ ~~вновь~~ и пришли к заключению, что ЛАДЬМИНОВ, находясь на свободе, принесет Соввласти вреда значительно больше, чем пользы, посему и решили, чтобы он досаждал и умел. ~~В~~ чем считаем своим пролетарским долгом поставить Вас в известность.

С Коммунистическим Приветом:

Искренне:

Зам. Предгубчека

Штампетер

Катеринбург

14 января 1921г.

Начальник Секретно-Оперативного Отдела

Красильников

*Ответ-отказ Предгубчека Штольберга Горькому на его записку-просьбу об освобождении Ладыжникова, 1921 г.
Фото из архива автора*

По документам, хранившимся в тонкой папке, последним из которых было постановление Тройки при УНКВД по Свердловской области от 13 октября 1937 года, видно, что Ладыжников был приговорен к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 10 лет. Из протокола допроса становится понятно, что Петр Павлович категорически отрицал свою причастность к «повстанческой организации церковников» и отрицал правдивость показаний епископа Петра Савельева, якобы вовлекшего в контрреволюционную деятельность в числе многих и режевского священника.

Словам П.П. Ладыжникова не было придано особого значения, да и на суде Петр Павлович не присутствовал, он уже был отправлен в Темиртау Кемеровской области. Последнее письмо семья от него получила в январе 1938 года. Больше об отце Петре ничего не известно. В 1943 году, когда отношение властей к русской церкви несколько смягчилось, дочь Валентина написала письмо Патриарху Московскому и Всея Руси Сергию, где просила узнать о судьбе отца и ходатайствовать о его освобождении ввиду преклонности лет. Патриарх наложил резолюцию: «У меня нет никаких сведений».

След священника Ладыжникова так и затерялся в Сиблаге НКВД. В соответствии с Указом Президиума Верховного

Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30 – 40-х и начала 50-х годов» П.П. Ладыжников по делу 1937-го года был реабилитирован полностью. Справка о реабилитации и сведения о судьбе были переданы внуку Петра Павловича Е.В. Ястребову, проживавшему в тот момент в городе Мытищи.

Аресты 37-го. Фото из открытых источников

Напомню, что о действии этого Указа в центральной печат-

ти сообщалось в начале 90-х годов в основном в связи с реабилитацией видных партийных и военных деятелей. А сколько было простых рабочих, крестьян, конторщиков, даже домохозяек, пострадавших в годы репрессий... Смотрел записи в своей записной книжке: по материалам, подготовленным сотрудниками только одного Свердловского областного управления КГБ за 1989 год, было реабилитировано более 10 тысяч человек. А сколько их было на всей территории Советского Союза! Тяжелейшая, но незаметная обычным гражданам работа шла тогда по всей стране, и за каждой справкой о реабилитации – возвращенное детям, внукам честное имя отца, деда, матери, брата. Жизней безвинно осужденных, увы, не вернешь...

От этой мысли, поверьте, боль чекистов «андроповского призыва», которые верой и правдой служили своему народу, была не менее острой, чем боль членов семей погибших. Для работников КГБ невыносимо больно и страшно было узнавать, что творили их предшественники в НКВД. Страх репрессий 30 – 40-х годов еще долго сковывал души наших людей, о них не говорили. При председателе КГБ СССР Юрии Владимировиче Андропове (1967–1982 гг.) очень строго и системно стала контролироваться работа и быт всех сотрудников, чтобы не было нарушений социалистической законности...

Однако вернемся к письму А.М. Горького, неожиданно обнаруженному в деле священника. Как попало оно из 1921

в 1937 год? Ниточка поиска повела в начало 20-х годов.

Тогда Петр Павлович Ладыжников, еще священник села Красноярского Камышловского уезда, был Екатеринбургской губчека арестован за то, что годом раньше он в селе Ключевском Шадринского уезда «...Проклинал с амвона Советскую власть, приветствовал приход белых войск и даже вступил в их боевую дружину, прогоняя мужиков с отданных им помещичьих земель».

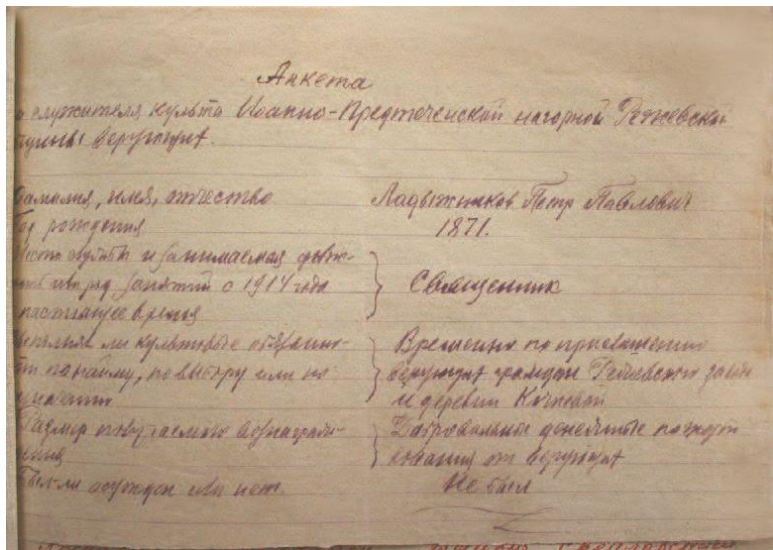
С отступающими белыми священник ушел в Сибирь, но через какое-то время вернулся на Урал, уже в другой уезд, подальше от прежних мест. Сегодня мы понимаем, что священник в 1919 году действовал по законам своего класса, но у молодой власти рабочих и крестьян были уже свои законы, и по этим новым законам Петр Павлович Ладыжников был осужден справедливо, хотя и жестоко: бессрочное заключение. Тогда и вступился за отца Петра известный писатель Максим Горький.

П.П. Ладыжников с женой (в одних источниках она Кокосова, в других – Косова). Фото из открытых источников

Наверное, многим из нас хотелось бы думать в духе современного детектива, что вмешательство знаменитого пролетарского писателя спасло тогда провинциального священника, но жизнь, как всегда, оказалась и сложнее, и проще литературы. Еще до того, как письмо Горького добралось до Урала, дело П.П. Ладыжникова 1920-го года было пересмотрено, срок заключения сокращен до минимального – до двух лет, считая со дня осуждения. Уже через год отец Петр был на свободе, принял церковь в Реже.

Интересный факт: в архиве Администрации Режевского городского округа хранится анкета священника Ладыжникова Петра Павловича, написанная им собственноручно 4 мая 1931 года. На вопрос анкеты: был ли под судом, Ладыжников отвечает, что не был.

Собственноручная анкета П.П. Ладыжникова. Фото из открытых источников

Думается, что такое непродолжительное наказание священника несколько не умаляет цену благородного поступка Алексея Максимовича Горького. Известно, что писатель в первые годы Советской власти не раз ходатайствовал за конкретных людей, доходя до В.И. Ленина, добиваясь освобождения или смягчения наказания.

Откуда же «пролетарский» писатель узнал о судьбе камышловского священника и почему решил помочь? Объяснение этому простое: младший брат Петра Ладыжникова

Иван Павлович был при царе в политической эмиграции, жил за границей вместе с А.М. Горьким. Даже существует версия, что именно на квартире Ивана Павловича Ладыжникова с А.М. Горьким познакомился В.И. Ленин. По всей видимости, Иван Павлович и попросил писателя вступить за брата в далеком 20-м году. Таким вот образом письмо Максима Горького оказалось на Урале и потом в 1937 году перекечвало в новое уголовное дело священника, которого повторно(!) осудили за очень давние дела.

К слову, с 1936 года после до сих пор до конца не понятной смерти А.М. Горького, Иван Павлович Ладыжников работал в комиссии по приемке его литературного наследия и переписки, был научным консультантом Института мировой литературы; умер Иван Ладыжников в 1945 году, похоронен на Новодевичьем кладбище.

А брат жены Петра Павловича Иван Иванович Кокосов, член партии с дореволюционным стажем, до 1930 года был одним из руководителей в наркомате труда РСФСР, а позднее возглавлял Московский Промстройпроект. Но в то страшное время ничье ходатайство, как правило, не помогало, и далеко не каждый рисковал обращаться с просьбой смягчить судьбу арестованного...

Семья Ладыжниковых. Фото из открытых источников

Сын Петра Павловича Сергей Петрович Ладыжников, 1895 г.р., окончил Камышловское духовное училище, затем Пермскую духовную семинарию, а в 1917 году – Киевскую школу прапорщиков. Был арестован 25 октября 1920 года Екатеринбургской губчека в селе Красноярском Камышловского уезда. 03 ноября 1920 года осужден к заключению в концлагерь, поскольку в период Гражданской войны участвовал в белом движении, служил поручиком в Верхотурском Сибирском стрелковом полку. Срок заключения неизвестен. Есть данные, что в 1921 году Сергей Петрович находился в

Рязанском концлагере. Дальнейшая его судьба, как и судьба Петра Павловича Ладыжникова, неизвестна. Сергей был реабилитирован в 1993 году Курганской областной прокуратурой.

Вот так прошла жизнь типичного простого православного священника Петра Павловича Ладыжникова. Нелогично и незаконно наказывать человека за одно и то же деяние дважды, как сделали это в 1937 году.

А неизвестному ранее автографу А.М. Горького, конечно же, должно быть место в музее писателя, куда мы его и отправили...

Конвоируют новую партию арестованных «врагов народа». Фото из открытых источников

Шубин Семен Петрович Вернуть из неизвестности

Работая в группе сотрудников УКГБ по Свердловской области, знакомясь с очередным архивным уголовным делом, делом ученого Шубина Семена Петровича, репрессированного и погибшего в Магадане в 1938 году, решил тогда, что надо обязательно написать о нем персонально⁹. Наше поколение чекистов просто было обязано показать людям, что направили наши предшественники по отношению к отдельным гражданам государства, чтобы загубленная судьба молодого талантливого ученого стала уроком для будущих поколений «силовики».

Статью о Семене Шубине принес я в 1990 году заместителю редактора газеты «Вечерний Свердловск» Левину Александру Юрьевичу. Познакомились и пообщались мы тогда в его кабинете. Он опубликовал в газете «Вечерний Свердловск» мою статью о Шубине «Вернуть из неизвестности», не тронув текста, но дописав в подзаголовке «Кровавые страницы одного архивного дела полувековой давности». И с той поры, несмотря на взлет Александра Юрьевича по карьерной

---

⁹ *Впервые опубликовано: Киеня В.А. Вернуть из неизвестности. Кровавые страницы одного архивного дела полувековой давности // Вечерний Свердловск. 02.06.1990. № 177.*

лестнице до уровня пресс-секретаря губернатора, директора департамента администрации области, мы иногда перезванивались.

Позднее я часто советовался с ним, просил обрабатывать самостоятельно принесенные интересные материалы, несколько работ он опубликовал. Сегодня Александр Юрьевич Левин – председатель Союза журналистов Свердловской области, председатель областной общественной палаты. А тогда я с его легкой руки стал внештатным корреспондентом не только «Вечернего Свердловска», но и газет «Путевка», «На Смену!», «Уральский рабочий», где публиковались наиболее интересные мои статьи.

С.П. Шубин. Фото из открытых источников

Привожу в книге эту газетную статью «Вернуть из неизвестности. Кровавые страницы одного архивного дела полувековой давности» практически без изъятий.

«С утра до вечера изучаю дела репрессированных в 1930–1940 годы. Никак не могу привыкнуть к неумолимой жестокости машины уничтожения безвинных людей. Обвине-

ния в делах не только примитивно фантастичны, но и шаблонны: «...причастен к разведывательным органам одного из иностранных государств», «...является активным участником контрреволюционной-повстанческой-шпионской-диверсионной организации.

Статья в газете «Вечерний Свердловск» 2 августа 1990 г. о Шубине. Фото из архива автора

Юридических доказательств «преступлений» в делах практически нет. Разве что самооговоры, оговоры, которые получены методами циничного обмана и унижения подсудимых. «Мы знаем, что вы преданный Советской власти гражданин, подпишите этот заранее составленный протокол, и страна получит золото у иностранных государств, а вас немедленно освободим». Некоторые верили подобным заверениям и подписывали. Подписывали сфальсифицированные следователями-карьеристами НКВД показания не только на себя, но и вписывали в эти документы десятки родных и знакомых. Верили, что им тоже не будет ничего плохого. Верили до той минуты, когда самих внезапно не уводили на расстрел. Но были и те, кто сохранял мужество и честь до самого конца, не поддавался провокациям, несмотря на все ухищрения оборотней.

Свердловск 1 мая 1936 года. Фото из открытых источников

Откроем обычное архивное уголовное дело № 16654-П по обвинению Шубина Семена Петровича, 1908 года рождения, уроженца города Лиепая Латвийской ССР, беспартийного, с высшим образованием, проживавшего до ареста в Свердловске на улице Шейнкмана, дом 19, квартира 108.

Он обвинялся в том, что «...являлся активным участником контрреволюционной троцкистской организации, поддерживал организационные связи с участниками контрреволюционной троцкистской террористической группы в Первом Московском государственном университете...», то есть в преступлениях, предусмотренных ст. 58–10 и 58–11 УК

РСФСР (в редакции 1926 года – *прим. автора*). По постановлению Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР к С. П. Шубину были применены карательные меры. Он умер в возрасте 30 лет. Что совершил этот молодой человек, кем он был? Ответы содержатся в документах, аккуратно подшитых к делу. Опущу документы лживые, состряпанные в 1937–1938 годах...

Из жалобы Генеральному прокурору СССР тов. Руденко от жены и детей С. П. Шубина от 23 января 1955 года: «Наш муж и отец Шубин Семен Петрович 24 апреля 1937 года в г. Свердловске был арестован органами НКВД. Был осужден на 8 лет заключения в исправительно-трудовом лагере. Отбывал наказание на Колыме, где, по присланной справке, 28 ноября 1938 года скончался на лесоповале близ местечка Атка в Магаданском крае...

...Вернувшись в 1930 году из ссылки, отбытой им за антипартийную деятельность, он ничем не запятнал своей жизни, оставался верным и преданным сыном нашей Родины, занимался исключительно плодотворной научной деятельностью. Эта деятельность Шубина, польза, которую он приносил и еще мог принести Советскому государству и обществу, отражены в прилагаемом к нашей жалобе отзыве видных советских ученых-физиков, лично близко знавших его и работавших совместно с ним на научном поприще. Его уже нет в живых. Но чистота его имени имеет для нас... огромное политико-моральное значение...».

Как видно из архивного уголовного дела, девятнадцатилетний Семен Петрович Шубин в 1927 году участвовал в демонстрации так называемого «троцкистского блока» в Москве, за что был наказан: исключен из комсомола и в 1929 году Коллегией ОГПУ сослан на Урал, через год из ссылки был освобожден. Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 23 февраля 1930 года ему было разрешено свободное проживание на всей территории СССР.

...Третьего мая 1937 года в УНКВД Свердловской области Шубину повторно было предъявлено обвинение, но на неоднократных допросах он виновным себя не признал. Показал, что до 1929 года действительно примыкал к троцкистской оппозиции. В 1930 году по окончании ссылки он никакой враждебной деятельностью не занимался, а если и встречался случайно с бывшими троцкистами, то исключительно на бытовой основе.

В 1937 году следователям НКВД наверняка казалось, что Семен Шубин, в юном возрасте побывавший на Лубянке, быстро даст нужные «признательные» показания. Но они просчитались. Семен Петрович и раньше вел себя достойно: не лгал, открыто отстаивал свои убеждения, не оговаривал товарищей. Вот фрагмент протокола от 17 января 1929 года допроса С. П. Шубина в Москве (это его первый арест): «В настоящее время мои убеждения полностью соответствуют оппозиции большевиков-ленинцев, и в условиях настоя-

щего партийного режима считаю правильным ведение фракционной работы и тактику оппозиции считаю правильной. Также считаю правильным выпуск нелегальных листовок. На вопросы о моем участии в фракционной работе и о том, какую работу я вел, отвечать отказываюсь. Также отказываюсь говорить о лицах, с которыми я имел фракционную связь. От кого получил обнаруженный у меня документ «Преображенского» я говорить отказываюсь, Шубин».

Произведенной в 1956 году сотрудниками КГБ тщательной проверкой установлено, что никаких организационных связей с троцкистами или фактов какой-либо враждебной деятельности, кроме участия в демонстрации, со стороны С. П. Шубина не было. Наоборот, как выяснилось, Семен Петрович проводил после 1929 года весьма плодотворную научную работу, однако был арестован и повторно осужден.

Семен Петрович Шубин – основоположник теоретической физики на Урале, яркий молодой физик-теоретик. Родился Семен Петрович 31 июля 1908 г. в городе Либаве (сейчас Лиепая – *прим. автора*) в Латвии в семье журналиста. Уже в ранней юности он проявлял большие способности и интерес к науке, особенно к математике и физике. В 14 лет он окончил школу и в 15 лет поступил на физико-математический факультет Харьковского университета. В конце 1923 года семья переехала в Москву, и Семен Петрович перешел учиться на физический факультет Московского государственного университета, который с отличием окончил

всего в 19 лет.

Дипломной работой Шубина было оригинальное исследование по теоретической физике. По рекомендации академика Л.И. Мандельштама, Семен Петрович поступил в аспирантуру МГУ.

В 1932 году Шубин С.П. был направлен на работу в город Свердловск, где тогда создавались первые научные институты: Уральский физико-технический (ныне Институт физики металлов Уральского отделения Академии наук) и Уральский физико-механический институт, отделом теоретической физики этого института и заведовал Семен Петрович до ареста в апреле 1937 года.

Почтаamt Свердловска 30-х годов. Фото из открытых источников

Для провинциального Свердловска приезд в 1932 году молодого ученого, интеллигента, было целым событием в культурной жизни. Ведь это был человек не только больших научных способностей, но и высокой общечеловеческой культуры. Кроме физики и математики Шубин С.П. серьезно интересовался содержанием всех наук, как в области естествознания, так и в области социальных и гуманитарных дисциплин; он хорошо знал историю России и зарубежных стран, любил и разбирался в искусстве; в компании читал наизусть стихи А.С. Пушкина, А. Блока, В. Брюсова, К. Бальмонта...

Семен Петрович был не только высококвалифицированным ученым, но и талантливым педагогом. Его лекции, к которым он всегда тщательно готовился, неизменно были целым событием культурной жизни физико-технического и физико-механического институтов.

Семен Петрович был хорошо знаком с первым секретарем Свердловского обкома ВКП(б) Иваном Дмитриевичем Кабаковым, который также в 1937 году погиб в застенках сталинских казематов, было ему тогда 45 лет.

За пять лет жизни в Свердловске Семен Шубин оставил значимый след в жизни тех, кто имел счастье общаться с ним.

...Последние полтора года своей жизни С.П. Шубин провел в свердловской тюрьме и в лагерях на Колыме. Как удалось узнать его семье, собирая по крупицам сведения от людей, сидевших с ним в лагере и по счастливой случайности оставшихся живыми, он в тяжелейших условиях застенков, благодаря своему общительному характеру, светлому и ясному уму, продолжал делиться знаниями о науке и культуре со своими товарищами по несчастью. Переноса со своими сокамерниками ужасы тюремного быта, он пытался облегчить их существование, читая наизусть большими отрывками «Евгения Онегина» (вот когда пригодилась ему любовь к поэзии) и популярный курс физики. В лагерях Колымского края известность профессора Шубина разносилась по приискам и лесоповалам. В частности, один из выживших и попавших на свободу заключенный Магаданских лагерей, рассказывал позднее, что, когда профессор Шубин умер, из лагеря в лагерь передавалась эта горькая весть. Только горстка магаданской земли, что привезли из местечка Атки две его дочери и прикопали в могилу матери – супруги Семена Петровича Любви Абрамовны – осталась от будущего светила российской науки...

На лесоповале. Фото из открытых источников

К Генеральному прокурору с требованием пересмотра дела Семена Петровича Шубина 1 марта 1955 года обратились и его коллеги-ученые. «Мы, нижеподписавшиеся: академик И. Е. Тамм, академик И. К. Кикоин, академик Г. С. Ландсберг и член-корреспондент Академии наук СССР С. В. Вонсовский, – считаем своим общественным и научным долгом дать настоящий отзыв о научной деятельности покойного доктора физико-математических наук профессора Семена Петровича Шубина, о реабилитации которого в настоящее время возбуждается ходатайство.

С. П. Шубин в 1923 году поступил и в 1927 году окончил физический факультет Московского государственного университета... Как обладающий большими способностями и талантом в области теоретической физики и уже имевший опыт самостоятельной творческой научной деятельности, С. П. Шубин после окончания с отличием университета по рекомендации академика Л. И. Мандельштама был оставлен при университете в качестве аспиранта по теоретической физике...

...В своих последующих научных работах С. П. Шубин занимался исследованием квантовой теории твердого тела. Среди его наиболее выдающихся работ следует отметить исследование по квантовой теории фотоэлектрического эффекта в металлах (1931 г., совместно с акад. И. Е. Таммом), которое положило начало современной теории этого весьма важного физического свойства металлов. Результаты этой работы вошли во все монографии по атомной теории металлов. Большой интерес представляют работы С. П. Шубина (а позже и его учеников) по теории оптических свойств металлов и полупроводников по полярной модели металлов (1935 г.), которая впервые позволила с единой точки зрения подойти к объяснению электрических, оптических и магнитных свойств металлов, по атомной теории ферромагнетизма, по основным вопросам статистической механики и ряду других вопросов теоретической физики.

Ценность содержания научной деятельности С. П. Шуби-

на была столь очевидна, что в 1935 году ему присуждена без защиты диссертации ученая степень доктора физико-математических наук и ученое звание профессора теоретической физики в возрасте 27 лет...

...В последние годы его жизни он начал также усиленно работать в области квантовой теории поля, он был полон творческих замыслов в этой важной области современной физической науки.

С. П. Шубин не был ученым-одиночкой. Он всемерно старался передать свои знания молодежи. Обладая большим педагогическим талантом, он воспитал большую группу молодых физиков-теоретиков и экспериментаторов в Уральском физико-техническом институте (УФАН СССР) и в Уральском индустриальном институте (ныне УПИ). Идеи и направления исследований в области атомной теории твердого тела, заложенные С. П. Шубиным в 1933–1937 годах, продолжали и продолжают развиваться многочисленным коллективом физиков-теоретиков, его учеников и учеников его учеников на Урале в Свердловске, в Киеве и других городах Советского Союза.

Крупные научные дарования С. П. Шубина и полученные им за короткий срок важные научные результаты показывают, что в лице С. П. Шубина мы потеряли первоклассного ученого.

Полная общественно-политическая реабилитация С. П. Шубина не только явилась бы актом справедливости по от-

ношению к покойному ученому, но открыла бы возможность широкого использования его научного наследства, что несомненно явится ценным приобретением для советской науки...»

...Академик Игорь Евгеньевич Тамм был не только учителем Семена Петровича Шубина, соавтором их известной работы по квантовой теории фотоэффекта металлов и незаконченной монографии по квантовой теории металлов, но и его наиболее близким научным коллегой и другом. В семье Шубиных бережно сохранилось одно таммовское письмо, в котором Игорь Евгеньевич пишет о своем отношении к Семену Петровичу. Письмо написано было осенью 1953 года в ответ на поздравительную телеграмму от семьи Шубиных после избрания Игоря Евгеньевича академиком АН СССР.

С.В. Вонсовский, С.П. Шубин, Л.А. Шубина. Фото из открытых источников

Приводим письмо И.Е. Тамма Любови Абрамовне, Тане, Зине и Андрею Шубиным полностью.

«Москва, 26.10.53 г. 17 53. Дорогие Любовь Абрамовна, Таня, Зина и Андрей! Только что, заехав на минуту домой, я получил Вашу телеграмму, отправленную 2,5 часа тому назад, и отвечаю на нее первую – я никому еще не отвечал. Из всех полученных мною поздравлений – Ваше самое для меня дорогое. У всякого человека, прожившего такую долгую, разнообразную и нелегкую жизнь как моя, постепенно создается свой собственный незримый Пантеон. В нем Семен Петрович занимает совсем особое место. Во-первых, я всегда считал его самым талантливым не только из моих учеников – а я ими избалован – но из всех наших физиков, по своему возрасту соответствующих моим ученикам. Только в последнее время появился Андрей Сахаров – трудно их сравнивать и потому, что времени много ушло, и потому, что научный склад у них разный, и потому, что Сахаров полностью сосредотачивает все свои душевные силы на физике, а для С.П. физика была только «*prima inter pares*» (первая среди равных, прим. автора) – и поэтому можно только сказать, что по порядку величины они сравнимы друг с другом. Но помимо всего этого С.П. был одним из самых близких мне людей по своему душевному складу – хотя мы были очень разные люди, но ни с кем из моих учеников – а я многих из них очень люблю – у меня никогда уже не создавалось такой душевной близости. И поэтому из всех ушедших примерно

одновременно мне всегда острее всего в памяти двое – мой брат и С.П. Я знаю, Вы поверите мне, что мне действительно очень хотелось бы Вас повидать, что я пишу это не просто из любезности. С Вами, Любовь Абрамовна, меня связывает много и радостных, и горьких воспоминаний, а ведь за очень долгий промежуток времени мы с Вами виделись всего лишь раз почти мельком, осенью 42-го года. А с вами, Таня, Зина и Андрей, мне очень хотелось бы познакомиться – ведь видел я вас еще малыми детьми, и знакомиться нам надо заново. А мне очень, очень хотелось бы познакомиться с вами и приглядеться, как отразились и преломились в вас отцовские черты. Вряд ли мне придется скоро попасть в Свердловск, но теперь, когда Сергей Васильевич (Вонсовский – *прим. автора*) член-кор., может быть, вместе с ним и Вы все или кто-нибудь из Вас соберетесь в Москву в одну из его поездок – а тогда Вы обязательно зайдете ко мне, я на это рассчитываю. Ваш Иг. Тамм».¹⁰

Вот такого человека, интеллектуала, ученого-физика, который мог еще очень многое сделать для науки и экономики страны, раздавила машина политических репрессий 30-х годов.

---

¹⁰ *Использованы материалы из статьи «Интеллигент в провинции», «Известия Уральского университета» за 1997 год*

Рабский труд. Фото из открытых источников

Сотрудники управления НКВД по Свердловской области Варшавский, Ревин и Парышкин, принимавшие непосредственное участие в расследовании дела С. П. Шубина в 37-м году, выбивавшие из него признание вины, впоследствии были осуждены судом за грубейшие нарушения социалистической законности и фальсификацию следственных дел.

Определением Военного Трибунала Уральского военного округа № 209 от 7 февраля 1956 года Семен Петрович Шубин был посмертно реабилитирован полностью. В опре-

деления сказано: «...С. П. Шубин был арестован и заключен в ИТЛ безвинно... Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 9 апреля 1938 года в отношении Шубина Семена Петровича отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления».

Всегда считал, что реабилитация безвинно пострадавших не может ограничиться только юридическим актом (хранящимся где-то на полках архива, следовательно, в неизвестности), удостоверяющим, что человек не совершал никакого преступления. Реабилитация должна носить комплексный характер, включая и восстановление общественно-политических и моральных прав личности. Свежий ветер перемен смыл в 90-е годы с названий улиц и городов имена многих, причастных к злодеяниям. Но не должны бесследно исчезнуть имена незаконно репрессированных граждан. В газетной статье я предложил тогда на доме, где жил Семен Петрович, установить мемориальную доску, и одну из улиц Екатеринбурга – города, где он так много успел сделать для Отечества за короткую и яркую жизнь, назвать его именем.

Лагеря и тюрьмы НКВД в те мрачные годы сломали судьбы миллионов людей. Они могли бы сеять хлеб для страны, варить сталь, уничтожать врагов на полях сражений. Рубили под корень и самых талантливых. Что это было за время?! И не будет ли возврата к старому? Вопросы кувалдами стучат в висках, не давая покоя.

В один из приездов в тогда еще Свердловск председатель

КГБ СССР В. А. Крючков на совещании как-то обронил: «Я недавно прочел несколько таких дел. У меня остатки волос поднялись дыбом».

Это сказал опытнейший профессионал, руководивший советской разведкой, человек, умудренный немалым жизненным опытом. А что же мы, сотрудники госбезопасности молодого и среднего поколений?

Вышка охраны в лагере. Фото из открытых источников

Для нас кровавые страницы архивных дел полувековой давности также явились чудовищным открытием, провер-

нувшим душу. Читали и оставались один на один с собой... Надо было все вытерпеть, переосмыслить, сделать выводы на будущее, чтобы то, о чем сейчас лишь читаем, никогда не повторилось.

Сегодня в Екатеринбурге увековечены в названиях улиц имена многих ученых: академиков Сахарова, Вонсовского, Губкина, Семихатова, Бардина, Шварца, Павлова и других. Но улицы Шубина так и не появилось, хотя он много успел сделать для Отечества за короткую и яркую жизнь¹¹.

На следующий день после выхода «Вечерки» с моей статьей о Семене Петровиче Шубине в кабинете раздался телефонный звонок. Звонил академик Вонсовский Сергей Васильевич, который назвал меня по имени и отчеству и пригласил на следующий день в 12 часов пообедать вместе, он на машине заедет за мной. Конечно, я согласился.

Следующим днем в 11–55 Сергей Васильевич позвонил и сказал, что подъехал на серой «Волге», номер, кажется, 00–98, и ждет у подъезда Управления КГБ Свердловской области на улице Вайнера, 4. Уселся я на свободное переднее сиденье машины, и мы направились в сторону озера Шарташ, где у академика была дача. За рулем сидел сухощавый, немолодой, как оказалось потом 80-летний мужчина, с ясным взглядом больших голубых глаз, который как-то по-молодо-

---

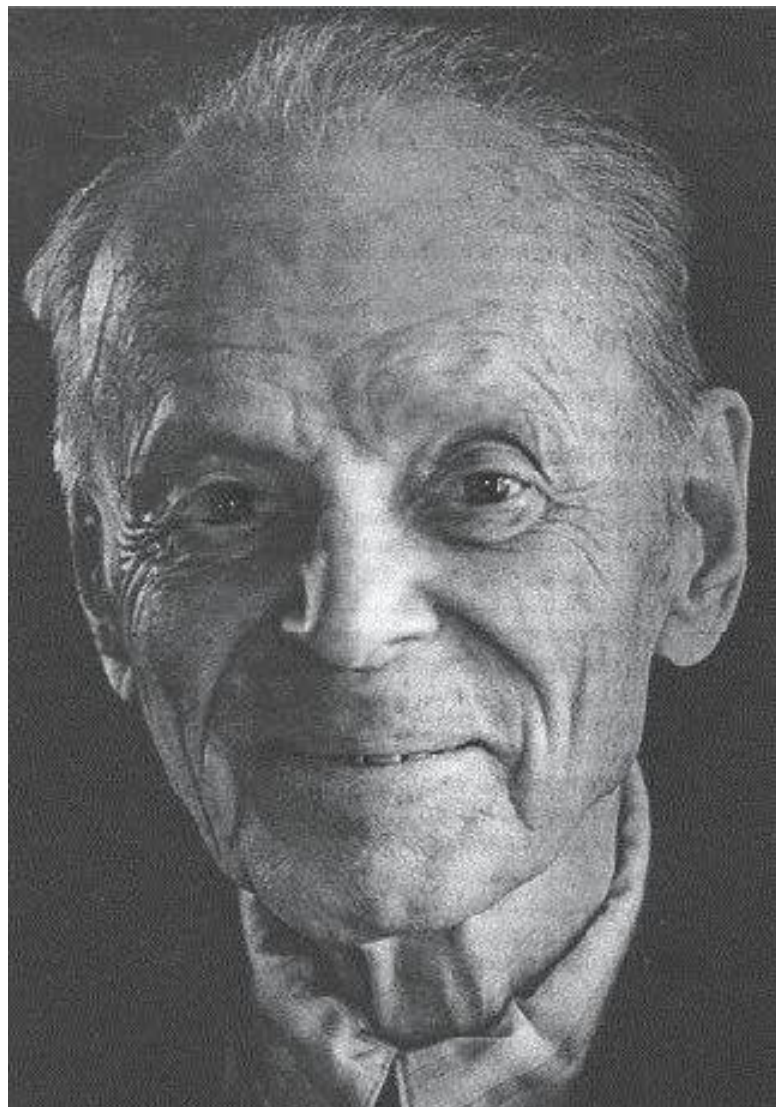
¹¹ 10 августа 2016 года в Екатеринбурге на фасаде дома 19 по улице Шейнкмана был установлен мемориальный знак «Последний адрес» Семена Петровича Шубина

му сразу рванул машину с места. На заднем сиденье находилась дочь Шубина – Зинаида Семеновна с маленьким внуком. Мы о чем-то с ней стали говорить, но я все время был напряжен: боялся, что мы попадем в ДТП, потому что Сергей Васильевич очень быстро разгонялся, лавировал между машинами впритирку, резко тормозил так, что между капотом «Волги» и задним бампером остановившейся впереди нас на светофоре машины оставался зазор не более 10 см. Так я ни с кем и никогда не ездил и каждую минуту с ужасом ждал, что мы врежемся в кого-нибудь... Подъехали на берег Шарташа к большому деревянному дому-даче. На лужайке у дома был накрыт стол. У каждой тарелки лежало по несколько ножей и вилок, я поначалу растерялся, но, глядя на других, начал обедать. Поразило, что арбуз, оказывается, надо разрезать на мелкие кусочки и вилкой отправлять в рот...

Зинаида Семеновна и Сергей Васильевич расспрашивали об архивном деле С. П. Шубина, хотели узнать детали, которых не было в статье, уточняли, по чьей инициативе статья была написана, просили рассказать о себе... Я рассказал о себе, своей семье, о том, что статью написал по собственной инициативе, считая это долгом уважения к памяти Семена Петровича и его загубленной моими бывшими коллегами жизни. Мой рассказ никак не комментировали, молча принимая информацию к сведению. Через час после обеда Сергей Васильевич доставил меня на работу живого и невредимого. Где-то лет через пять Сергей Васильевич пригласил

меня в институт математики на улице Софьи Ковалевской и подарил свою книгу о Шубине С.П., который был в середине 30-х годов его научным руководителем. Вторую такую же книгу он подписал губернатору Свердловской области Росселю Э.Э. и попросил меня ее передать. Он не знал, что расстояние от рядового гражданина до губернатора, как до солнца... Книгу я передал А.Ю. Левину – пресс-секретарю губернатора.

Мало, кто знает, что Сергей Васильевич после гибели Шубина женился на его вдове – Любови Абрамовне и воспитал троих ее малолетних детей.

Академик С.В. Вонсовский. Фото из открытых источников

Сергей Васильевич Вонсовский умер через 7 лет после первой нашей встречи, до конца своей жизни он лихо управлял автомобилем к восхищению и страху знавших его людей.

Карпеко Кирилл Григорьевич

Виновным себя не признаю

Более восьмидесяти лет прошло с тех пор, как каток репрессивной машины прокатился от края и до края нашей огромной страны. В грозное предвоенное время нож репрессий рвал налаженные связи экономики, обескровливал армию, науку, транспорт. До сих пор не подсчитаны полные потери – политические и материальные. Но кто и когда смог бы подсчитать горе людское; слезы отцов, матерей, жен и детей, их искалеченные и сломанные судьбы, разбитое вдребезги человеческое счастье?

Нельзя забыть тех, кто стоял у истоков государства, кто не жалел сил и здоровья, целеустремленно шел сам и вел за собой других к великой цели – построению государства свободы, равенства и братства трудящихся, как бы мы сейчас к этой цели не относились... Нельзя забыть тех, кто сложил голову в трагические годы репрессий. Только в этом случае появится гарантия неповторения впредь прошлого произвола и беззакония.

Хочу рассказать о Кирилле Григорьевиче Карпеко¹², ко-

---

¹² Впервые опубликовано: Киеня В.А. Виновным себя не признаю. Начало. / Киеня В.А.//газета «Путевка» № 31 от 19.03.1991 года. Киеня В.А. Виновным себя не признаю. Окончание /Киеня В.А.//газета «Путевка» № 34 от 23.03.1991 г.

торого не сломили допросы, запугивания, который не признал абсурдных обвинений и никого не оговорил. Родился Кирилл Григорьевич в 1894 году в местечке Погорельцы Черниговской области в семье рабочего железнодорожника. Самостоятельно стал трудиться с тринадцати лет столаром-плотником. На военную службу был призван в 1915 году в железнодорожный полк. С декабря 1917 года служил в Красной гвардии, с ноября 1918 по 1921 год – начальником штаба, политруком батальона, комиссаром бригады.

«ВИНОВНЫМ СЕБЯ НЕ ПРИЗНАЮ...»

(Продолжение)
(Выход в № 30).

Высокопарный человек, дал подполковнику объяснение, почему не признает себя виновным. Вспомнил, как в 1937 году в Москве, в Кремле, в кабинете Сталина, он был обвинен в изменении Родины и в предательстве интересов Советского Союза.

Вспомнил, как в 1938 году в Москве, в Кремле, в кабинете Сталина, он был обвинен в изменении Родины и в предательстве интересов Советского Союза.

Вспомнил, как в 1938 году в Москве, в Кремле, в кабинете Сталина, он был обвинен в изменении Родины и в предательстве интересов Советского Союза.

Вспомнил, как в 1937 году в Москве, в Кремле, в кабинете Сталина, он был обвинен в изменении Родины и в предательстве интересов Советского Союза.

Вспомнил, как в 1938 году в Москве, в Кремле, в кабинете Сталина, он был обвинен в изменении Родины и в предательстве интересов Советского Союза.

Вспомнил, как в 1938 году в Москве, в Кремле, в кабинете Сталина, он был обвинен в изменении Родины и в предательстве интересов Советского Союза.

Вспомнил, как в 1937 году в Москве, в Кремле, в кабинете Сталина, он был обвинен в изменении Родины и в предательстве интересов Советского Союза.

Вспомнил, как в 1938 году в Москве, в Кремле, в кабинете Сталина, он был обвинен в изменении Родины и в предательстве интересов Советского Союза.

Вспомнил, как в 1938 году в Москве, в Кремле, в кабинете Сталина, он был обвинен в изменении Родины и в предательстве интересов Советского Союза.

Вспомнил, как в 1937 году в Москве, в Кремле, в кабинете Сталина, он был обвинен в изменении Родины и в предательстве интересов Советского Союза.

Вспомнил, как в 1938 году в Москве, в Кремле, в кабинете Сталина, он был обвинен в изменении Родины и в предательстве интересов Советского Союза.

Вспомнил, как в 1938 году в Москве, в Кремле, в кабинете Сталина, он был обвинен в изменении Родины и в предательстве интересов Советского Союза.

В ВИННИЦЕ, октябрь 1928 г. СССР. В Старозинаковской области, в родном селе Кирилл Григорьевич. Фото из архива автора.

Газета «Путевка» за 23.03. 1991 г. с материалом автора о К.Г. Карпеке. Фото из архива автора

После увольнения в запас, по призыву к бывшим железнодорожникам вновь вернуться на транспорт, Кирилл Григорьевич работал председателем Казатинского Учкпрофсоюза (участковый комитет профсоюза железнодорожников – *прим. автора*), ответственным секретарем дорпрофсоюза на Юго-Западной дороге, заместителем начальника южного округа путей сообщения и уполномоченным Народного комиссариата путей сообщения (НКПС). Год учился на курсах высшего состава железнодорожного транспорта в Москве. С октября 1928 года – заместитель председателя Белорусско-Балтийской, затем директор Рязанской железных дорог. С 1 мая 1937 года – ревизор НКПС по безопасности движения на Свердловской железной дороге. Член ВКП(б) с октября 1917 года, в 1936 году награжден знаком «Почетному железнодорожнику».

Кирилл Григорьевич Карпеко был арестован 13 декабря 1937 года в Свердловске, где по улице 8-го Марта, 2-й дом Советов, квартира 21 проживал с семьей: женой Еленой Никоновной и сыновьями Владимиром и Маратом, школьниками. Старший сын Николай в это время уже был самостоятельным и жил в Харькове.

Архивные документы скупы и не передают психологического и эмоционального состояния членов семьи в день ареста. Владимир Кириллович – средний сын – вспоминал: «В этот день долго ждали отца с работы. Поздно вечером он по-

звонил и сказал, что задерживается, будет партсобрание. Часов в одиннадцать, не дождавшись отца, мама уложила нас спать. Глубокой ночью мы все проснулись от долгого, настойчивого звонка. Мама бросилась открывать дверь, но это был не отец – пришли с обыском...

Я не мог поверить: мой отец – враг народа? Мой отец – активный участник революции, комиссар бригады в гражданскую войну, коммунист с 1917 года и враг?!

Свердловск 30-х годов, площадь 1905 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Клуб Учкпрофсожа

Н. К. П. С.

Членский билет.

1986

МОСКВА.

Членский билет Учкпрофсожа. Фото из открытых источников

Через какое-то время мама получила письмо. На конверте не было обратного адреса. В нем лежали две махорочные обертки, исписанные карандашом. На одной слова: «Доброму человеку, если такой найдется, отправьте по адресу...» И наш адрес. Нашелся добрый человек, подобрал выброшенный из вагона пакетик, да обратный свой адрес побоялся по тем временам написать, так что и поблагодарить было некого. Я не помню всего отцовского послания, но одна фраза врезалась в память: «Леночка! Об одном молю, чтобы дети не вырастали в ненависти и в злобе». Вот о чем думал, о чем заботился коммунист, обреченный на смерть. И это стало заповедью, навсегда поселившейся в моем сердце».

О том, насколько объективно велось расследование по делу, о поведении следователей, свидетелей, судей, самого Кирилла Григорьевича красноречиво свидетельствуют материалы архивно-следственного дела, выписки из которого предлагаются вниманию читателя этой книги.

Свердловский вокзал 30-х годов. Фото из открытых источников

Вот извлечение из протокола допроса Кирилла Григорьевича Карпеко от 20 января 1938 года, вопросы задает следователь:

– Вам предъявлено обвинение в принадлежности к антисоветской правотроцкистской организации на железной дороге им. В. В. Куйбышева и в подрывной диверсионной деятельности. Признаете ли вы себя в этом виновным?

– Виновным себя в принадлежности к правотроцкистской организации и в контрреволюционной деятельности не признаю, ибо в антисоветской организации я не состоял и не знал о существовании таковой на железной дороге имени

Куйбышева.

– Скрыть антисоветскую деятельность и уйти от наказания вам не удастся, ибо следствие располагает достаточным количеством материалов, уличающих вас как одного из активных участников троцкистской организации, существовавшей на железной дороге имени В. В. Куйбышева.

– Следствие не может располагать материалами, которые уличали бы меня в какой бы то ни было антисоветской деятельности, ибо я всегда стоял на позициях генеральной линии партии и принимал активное участие в борьбе с оппортунистами и контрреволюционерами всех мастей.

– Это ваше заявление следствие рассматривает как очередное двурушничество, как попытку продолжать борьбу с Советской властью и со следствием. Заявляю, что вам не удастся это, ибо в принадлежности к антисоветской правотроцкистской организации вы уличены не только проводимой вами практической подрывной деятельностью, но и показаниями арестованных участников антисоветской организации. Настаиваю, говорите правду.

– Двурушником я не был и не пытаюсь вести борьбу со следствием, ибо я не контрреволюционер, а преданный Советской власти и партии большевик-коммунист. Если следствие и располагает на меня показаниями, то это могут быть только клеветнические показания...

А вот извлечение из протокола допроса Карпеко К. Г. от 22 января 1938 года:

– На предыдущем допросе вы упорно пытались отрицать вашу принадлежность к антисоветской правотроцкистской организации, существовавшей на железной дороге им. В. В. Куйбышева. Сегодня вы намерены давать об этом правдивые показания?

– Я честно говорю следствию, мне нечего рассказывать о принадлежности к антисоветской организации, ибо я в ней не состоял.

– Вы продолжаете упорствовать. Материалами следствия вы изобличены в принадлежности к антисоветской организации и преступной деятельности на железнодорожном транспорте. Настаиваем говорить правду!

– Я и говорю правду. Не состоял в антисоветской организации.

– Прекратите запирательство. В принадлежности к антисоветской организации вы уличаетесь показаниями арестованных участников правотроцкистской организации. Следствие вынуждено будет изобличить вас очными ставками.

– Я согласен на очные ставки.

– Вам будет дана очная ставка с обвиняемым М.

Вероятно, в это время вводили обвиняемого М. После взаимного опознания и выяснения отсутствия личных счетов между обвиняемыми задавался вопрос обвиняемому М.

– Вы подтверждаете данные вами показания от 5 декабря 1937 года о вашей принадлежности к правотроцкистской организации и подрывной деятельности на железной дороге

им. В. В. Куйбышева?

– Да. Подтверждаю (это отвечает арестованный М.).

– В этом же показании вами в числе других участников назван Карпеко Кирилл Григорьевич. Это вы тоже подтверждаете?

– Да. Подтверждаю.

Теперь вопросы задаются обвиняемому Карпеко:

– Вы подтверждаете показания обвиняемого М. о вашей принадлежности к антисоветской правотроцкистской организации и проводимой вами подрывной деятельности?

– Категорически отрицаю. Еще раз заявляю, что участником правотроцкистской организации я не являлся и не проводил подрывную деятельность. Показания М. сплошной оговор.

И так было каждый раз: вопрос – ответ, вопрос – ответ. Были многократные очные ставки с другими обвиняемыми, уже сдавшимися и наговаривавшими и на себя, и на других... Некоторые сдавались не сразу, как, например, обвиняемый Ж., который упорно отрицал все выдвинутые против него обвинения, но сломленный, он вдруг «признает» свое участие в «контрреволюционной организации» и дает показания на 44 (сорок четыре!) «соучастника». Далее в архивно-следственном деле подшиты копии протоколов, в которых «обвиняемые» называют разное количество «участников»: 27, 40, 95 и даже 105. В числе участников «контрреволюционной организации» был кем-то назван Кирилл Григо-

рьевич Карпеко... Его же на железной дороге все знали.

Репрессивная машина, для поддержания собственной жизнедеятельности которой ежедневно требовалось «сырье» – людские жизни, не могла допускать простоев. Ей требовались новые и новые тысячи жертв. Их возраст, служебное и семейное положение, образование и убеждения ее не интересовали. «Признавшимся» коварно обещали не арестовывать семью, малый срок заключения в «хорошем месте» и даже свободу; им устраивали свидания с родными и разрешали передачи...

«Расстрелять». Единогласно. Фото из открытых источников

Внезапно попадая из мира семьи и работы на конвейер

бесперывных допросов и очных ставок, подследственные выслушивали поток чудовищных обвинений, в том числе и из уст вчерашних хороших знакомых, сослуживцев и товарищей и, конечно, испытывали нравственные и физические муки. Потрясенные, они со временем понимали, что обречены, и многие из них оговаривали себя и десятки, сотни невинных, которых теперь ждала та же участь, что и их самих...

Задумывался ли кто-либо в то время: может ли быть в действительности такое количество «врагов народа» и чем грозит государству устранение в предвоенные годы тысяч и тысяч специалистов своего дела. Теперь мы знаем, что репрессии проводились практически во всех отраслях народного хозяйства и в Красной Армии.

Почему же меч правоохранительных органов, обязанных защищать народ, превратился в топор палача? И только ли сотрудники НКВД во всем виноваты? Противодействовать репрессиям могли, обязаны были и прокуроры по спецделам прокуратур областей, краев, автономных республик и выше, основной служебной обязанностью которых являлся надзор за законностью следствия подразделений НКВД. По закону они могли присутствовать на любой стадии следственных действий, на очных ставках. Могли принять любое решение по делу, вплоть до освобождения невинного человека. В исправительно-трудовые лагеря и на смерть, помимо печально известных «троек», «двоек» и «коллегий», невинных людей отправляли и суды, особенно выездные сессии Военной

коллегии Верховного суда СССР.

Митинговая эйфория 30-х годов в борьбе с «врагами народа» также сыграла роковую роль, как и некоторые публикации в прессе и сообщения по радио. Более того множество прокуроров и судей, пытавшихся честно выполнять свой долг, было так же точно незаконно репрессировано.

Сотрудники НКВД, причастные к массовым репрессиям, навеки запятнали себя народной кровью. Но и тогда в НКВД работали не только слепые и бездумные исполнители-карьеристы. Сотни честных чекистов пытались противодействовать репрессиям всеми доступными средствами. Это тоже факт.

24 января и 14 февраля 1938 года обвинительный уклон изнурительных допросов К.Г. Карпеко не изменился. Следователь НКВД продолжал требовать у него признания в участии в «контрреволюционной организации». Были проведены множественные «очные ставки», но результат оставался прежним: «царицы доказательств» – признания – следователь так и не добился. Несмотря на постоянное психологическое давление со стороны следователя, его грубость, лишенный свободы подследственный был тверд и непреклонен. Он так и не оговорил себя и других невиновных лиц...

Из приговора:

«Именем Союза Советских Социалистических Республик выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР в составе: председательствующего А.Д. Горячева, членов:

диввоенюриста (дивизионного военного юриста – *прим. автора*) Б.В. Миляновского и бригавоенюриста А.Н. Микляева, при секретаре военном юристе I ранга И.П. Кондратьеве, – в закрытом судебном заседании в гор. Куйбышеве 19 мая 1938 года рассмотрела дело по обвинению Карпеко Кирилла Григорьевича по ст. 58-7, 58–11 и 58-8 через ст. 17 УК РСФСР. Подсудимый виновным на суде себя не признал. Свои показания на предварительном следствии подтвердил. Заявил, что оглашенные ему показания М., Н., Ж., Д., Р. не соответствуют действительности. В последнем слове заявил, что участником контрреволюционной организации он не был.

Приговорить Карпеко Кирилла Григорьевича к тюремному заключению сроком на 15 лет, с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией всего личного принадлежащего ему имущества. Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит».

Поселок Мальдяк. Магадан. С 1937 до начала 50-х годов на Мальдяке функционировал один из крупнейших лагерей системы ГУЛАГа, заключенные которого трудились на приисках. В Мальдяковской долине находилось 6 лагерных зон, в каждой по 2000 заключенных, которые работали на примитивных промывочных установках, из забоев подвозили на тачках золотосные пески. В результате такого каторжного труда на полигонах погибли тысячи узников. На довольно большой площади каждого лагеря были разбиты в шашечном порядке длинные брезентовые палатки с одним входом на продольной стороне. Изнутри стены палаток бы-

ли «утеплены» большими листами фанеры, между фанерой и брезентом никакого утепляющего слоя не было. Тепло в палатке поддерживалось двумя железными печами из бочек от горючего. Каждый заключенный, возвращаясь из забоя или промывки песка, обязан был принести древесины, чем больше, тем лучше.¹³

7 октября 1939 года, находясь в местах отбывания наказания, Кирилл Григорьевич умер в возрасте 45 лет от роду, захоронен на кладбище лагерного пункта в поселке Мальдяк Сусуманского района Магаданской области. Реабилитирован Карпеко Кирилл Григорьевич был посмертно определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 апреля 1957 года.

В августе 1990 года в ходе работы по реабилитации жертв репрессий Управлением КГБ СССР по Свердловской области была направлена информация в Свердловский областной комитет КПСС для восстановления Карпеко К.Г. в членах партии. Одновременно было принято решение о занесении его имени на пилоны Мемориала участникам революции и гражданской войны, который тогда планировали соорудить в городе Свердловске. Ныне это Мемориал жертвам политических репрессий на 12 километре Московского тракта.

---

¹³ <https://magadanmedia.ru/news/458356/>

*Заключенные в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ).
Фото из открытых источников*

Как капитан НКВД Шариков «разоблачил» царского поручика Булгакова

В 1937 году для демонстрации своего рвения некоторые сотрудники НКВД Свердловской области придумали две крупные контрреволюционные организации, «вражескую деятельность» которых якобы «раскрыли». Я внимательно изучил эти оба дела. Первое «разоблачение» было в Коми-Пермяцком округе, входившем тогда в границы Свердловской области. Там арестовали около 2000 человек, часть из них расстреляли.

Вторая организация, т. н. «Уральский повстанческий штаб», была «вскрыта» непосредственно под Свердловском.

Победную реляцию, что на Урале существует такой штаб, начальник УНКВД области Дмитриев отправил буквально через два месяца после начала волны репрессий 1937 года. Он писал, что вся область этим «штабом» делилась на шесть округов. В каждом округе были «повстанческие полки, батальоны, изъято столько-то оружия». А родился этот «повстанческий штаб» в одну из командировок капитана госбезопасности Шарикова в город Нижний Тагил, где местные сотрудники, по мнению начальства, плохо работали над выполнением плана по борьбе с «врагами народа».

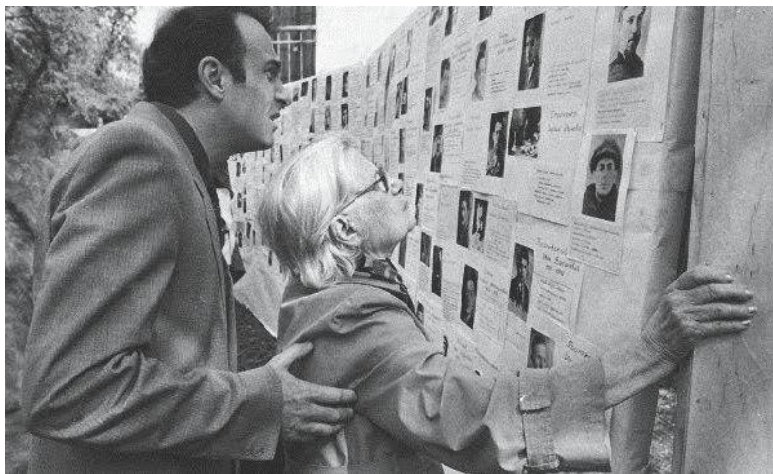
В Тагиле в то время был арестован поручик царской армии Булгаков, который отказывался от всех обвинений в свой адрес. По материалам архивного дела видно, что вдруг, после встречи с Шариковым, его показания в один день резко поменялись. Он сообщил, что был начальником штаба глубоко законспирированной организации – «Уральского повстанческого штаба», и показал в первом же протоколе допроса, в отличие от рукописных многих других, напечатанном на машинке на 38 листах, что у него дома хранятся списки «повстанцев» на 1360 человек. Списки эти «нашли», и начались аресты...

Уже в 39-м году в ходе следствия по делу Шарикова, который был расстрелян за фальсификацию следственных дел, выяснилось, что мысль о «тайной организации» и список лиц с компроматом, который хранился в Нижнетагильском отделе НКВД, дал поручику Булгакову именно он – капитан НКВД Шариков, посулив свободу за «разоблачение врагов народа». В этот штаб якобы входили организация церковников во главе с митрополитом Холмогорцевым, шахтеры Богословских копей, военнослужащие и начальник штаба Уральского округа Василенко.

Булгаков был, конечно же, расстрелян в числе первых, а Дмитриев в 37-м году за проведение этой и других операций был награжден орденом Ленина и стал депутатом Верховного Совета страны.

Вот так формировался механизм массовых незаконных

арестов, избиений, «признаний», расстрелов и ГУЛАГа...

Родственники реабилитированных лиц на Мемориале памяти жертв репрессий. Фото из открытых источников

Капралов Михаил Иванович

Мысли, прочитанные после смерти

Вот еще одно имя, которое мы могли и не узнать, не вспомнить, если бы не кропотливая целыми сутками работа чекистов-сотрудников подразделения Леонида Плотникова Управления КГБ СССР по Свердловской области. С их непосредственным участием были восстановлены честные имена более чем 11 тысяч безвинно пострадавших; было выявлено место массовых захоронений репрессированных на 12 километре автотрассы Свердловск – Первоуральск: совместно с обществом «Мемориал» была подготовлена «Книга памяти жертв репрессий».

Начальник охраны Свердловской железной дороги (с 1934 по 1937 годы) Капралов Михаил Иванович¹⁴.

...Его доставили в сопровождении вооруженного конвоя в здание, где дело должна рассмотреть выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

О чем он думал в последние минуты перед вызовом в зал суда? Наверное, в нем теплилась надежда, что страшная ошибка вот-вот развеется как дым, и он выйдет отсюда вновь

---

¹⁴ Впервые опубликовано: Киеня В.А. Мысли, прочитанные после смерти. I часть/Киеня В.А.//газета «Путевка» № 116(8108) от 11.10.1990 г., 2 часть/Киеня В.А.//газета «Путевка» № 117(8109) от 14.10.1990 г., Окончание/Киеня В.А.//газета «Путевка» № 120(8112) от 21.10.1990 года

свободным, вдохнет полной грудью горьковатый запах тополиных листьев на главном проспекте города. Свобода восстановит силы быстрее любых лекарств. А дома, совсем недалеко – на улице Челюскинцев – ждут его любимая жена Мария Александровна и дочь Нина. Он обязательно пойдет пешком до самого дома, чтобы выветрился из одежды этот ненавистный тюремный запах, которым за год пропиталось все тело...

– Встать! – резко, как выстрел, прозвучала команда, и все вытянулись молча вдоль стены. По длинному коридору, глядя далеко вверх голов, с непроницаемыми лицами цепочкой прошли судьи и скрылись в зале суда. Замыкал шествие следователь НКВД с нетолстым делом в руке. «Садись!» – последовала вновь команда, и в коридоре установилась тревожная тишина...

...В чем его могут обвинить?! Позади чистая, честно прожитая сорокавосемилетняя жизнь. Еще далеко не осень. Много и долго можно работать для социалистического Отечества, рожденного в муках и крови. Он стоял у истоков его рождения. Вся автобиография укладывается в полстранички текста.

Родился Михаил Иванович Капралов в Риге в семье рабочего. Не окончив трех классов начальной школы, пошел работать на табачную фабрику, где уже трудились мать и две сестры. Потом рабочий на паркетном заводе. Был призван в армию, в империалистическую войну получил в награду четыре степени Георгиевских крестов (Георгиевский

крест причислялся к военному ордену Святого Великомученика и Победоносца Георгия, был наградой нижних чинов за выдающиеся подвиги храбрости и самоотвержения против неприятеля в бою – *прим. автора*).

В феврале семнадцатого в Петрограде Михаил Иванович был уже подпрапорщиком лейб-гвардии Волынского полка. Того полка, который первым поднял восстание и участвовал в свержении самодержавия. За это получил первую награду от Советской власти – значок красногвардейца. После демобилизации поехал к родственникам в Орловскую губернию, так как Рига была занята белыми. В 1918 году от крестьян деревни Алисово Карачаевского уезда был избран уездным военным комиссаром и председателем революционного комитета...

Неужели не вспомнят в суде, как тяжело вел борьбу с дезертирами, был ранен, на него самого неоднократно организовывали покушения, о чем писали в «Правде» или «Известиях», за давностью времени он уже и забыл...

◆ СКОРБНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

МЫСЛИ, ПРОЧИТАННЫЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ

(Окончание.
Начало в № 116, 117).
ИЗ ПРИГОВОРА:

«...Ноемьня Коллегия Верховного Суда СССР... приговорила Капаралова Михаила к амьшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискации всего личного принадлежащего имущества. Приговор окончательный и в силу постановленна ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года надлежит немедленно ему исполнению.

Председательствующий:

Подпись: Зырянов.

Член:

Подпись: Алексеев.
Подпись: Зайцев».

СПРАВКА:

«Приговор о расстреле Капаралова Михаила Ивановича приведен в исполнение в гор. Свердловске 13 августа 1938 года».

В ноябре 1938 года Мария Александровна получила ответ: «Ваш муж — Капаралов Михаил Иванович выслан в лагерь сроком на 10 лет, без пра-

вону лучше отвести к жене тюрьму, так много пережившей и пострадавшей без всякой вины перед Родиной».

Определяется Военной Коллегией Верховного Суда СССР от 5 ноября 1963 года Михаил Иванович Капаралов, 12 февраля 1890 года рождения, уроженец г. Чиги, русский, член ВКП (б) с мая 1917 года, жевот, проживавший до ареста в г. Свердловске, ул. Челищницкая, дом 2, квартира 85, реабилитирован полностью (посмертно).

Начальник управления уголовного розыска Свердловской области Дмитрий Плоткин, сотрудник Шавринов, Арзов, Алексеев причастные в расследованном уголовном деле, за грубые нарушения социалистической законности приговорены к расстрелу. За фальсификацию следственных дел Соломатина осужден к 6 годам лишения свободы, с лишением звания

уча в трагической судьбе отца. Для восстановления его в чинах были информированы Свердловской обком КПСС. Направили информацию в Музей истории комсомольских организаций Среднего Урала, где готовится выставка «Грига памяти жертв репрессий».

Мирные имена невинно пострадавших от репрессий железнодорожников еще предстоит открыть. Наш моральный долг перед памятью этих людей — сделать все, чтобы их один хотя бы не посчитало бесследно в многостраничной истории государства, а главное, чтобы подобное не повторилось никогда. На личном уголовном деле Михаила Ивановича стоит гриф «Хранить вечно». Надо, чтобы на памятнике жертвам репрессий, который будет открыт в нашем городе, были слова: «Помните имена!».

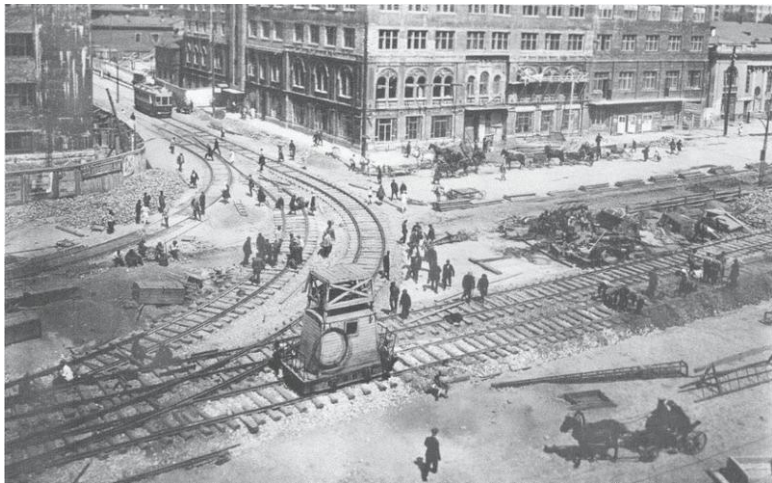
Подполковник
В. КИМЕНЯ,
сотрудник УГИБ СССР
по Свердловской области.

Когда материал был

В годы гражданской войны тоже было жарко. В 1919 году он работал губвоенкомом в Орле, в апреле 1920 года как коммунист был мобилизован на железнодорожный транспорт в распоряжение ЦК компартии Украины и направлен учполитом на станцию Лихая Северо-Донецкой дороги. В этом же году работал председателем учпрофсожа в Луганске и принимал участие в защите города от наседавших банд Каменюки и других врагов революции.

С 1922 по 1934 год работал в должности начальника охраны сначала Северо-Донецкой, а затем Южной железной дороги в Харькове. В 1934 году партия предложила перевестись в Свердловск начальником охраны Свердловской железной дороги...

Свердловск 30-х годов (перекресток Ленина-Толмачева).

Фото из открытых источников

Но если это перечисление должностей покажется судьям недостаточно убедительным, пусть внимательно посмотрят его личное дело. Там наверняка отмечено, что в 1932 Народный комиссар путей сообщения наградил золотым боевым оружием, а в 1936 году аттестовали в звании полковника.

Он никогда не боялся смерти. Не боится и сейчас, прямо скажет судьям, что ни в чем не виноват, произошла чудовищная ошибка, никакой он не «враг народа». Эта мысль придала уверенности, и Михаил Иванович успокоился и стал вспоминать, как все это произошло.

Стоял август 1937 года. Что-то на Свердловской железной

дороге творилось неладное: арестовали начальника дороги, его жену, начальников служб, отделов и многих других... Многих Михаил Иванович хорошо знал как людей трудолюбивых и ответственных, честных людей.

23 августа в момент заседания партбюро управления дороги его внезапно вызвал в коридор оперуполномоченный УНКВД Свердловской области Соломатин, предъявил ордер на арест и обыск. В сопровождении других сотрудников увел на квартиру. Улучив минуту, Капралов сказал жене Марии, чтобы она немедленно написала в ЦК партии об аресте и просила защиты.

С тех пор следствие ведется уже целый год. За это время (за год!) допросили только три раза. На первом допросе в день ареста спросили о личных знакомых и отношениях с ними. Спустя долгие два месяца следователь – все тот же Соломатин – вдруг заявил: «Вы обвиняетесь в участии в контрреволюционной фашистско-офицерской организации. Признаете себя виновным?».

«Бред какой-то! Соломатин обмолвился, что в партии он всего несколько месяцев, а я в ней уже 20 лет – с мая 1917 года – и он смеет бросать мне такие обвинения! Да еще зачитывать какие-то лживые протоколы допросов морально сломленных людей». Конечно, Капралов категорически отверг эту фантастическую ложь.

Вторую и последнюю попытку сделать из Михаила Ивановича «врага народа» Соломатин предпринял спустя еще

некоторое время, но тоже безуспешно. С тех пор восемь месяцев ни обвинений, ни вызова на допрос, ничего...

Через несколько минут все окончательно выяснится, правда все равно восторжествует, и он, честный человек Капралов Михаил Иванович, еще расскажет про черные дела, которые творятся в НКВД...

Конвоир прервал на полуслове дальнейшую мысль и приказал, заложив руки за спину, войти в зал суда. Капралов встал и шагнул навстречу судьбе. Часы на стене показывали 17 часов 25 минут.

Было 13 августа 1938 года.

Михаил Иванович не знал многого. Что на всех 115 листах его уголовного дела нет ни одного положительного отзыва о его жизни, а содержатся лишь сведения, которые обвиняют в совершении самых тяжких преступлений против Родины: участие в антисоветской организации, террористической группе, вредительство. В деле подшиты копии несуществующих протоколов допросов «свидетелей», многие из которых не соответствуют их подлинникам, находящимся в других делах, а его фамилию спешно допечатали в состав «контрреволюционной организации». Некоторые «свидетели» под влиянием угроз и запугиваний стали на путь оговора. Следователь Соломатин добился от одного из них таких «показаний», постоянно требуя «пожертвовать собой, на три дня потерять совесть и на очной ставке разоблачить Капралова».

Свердловск 1936 год. Дом партактива. Фото из открытых источников

Михаил Иванович также не знал, что после ареста его дочь Нину исключили из комсомола как «дочь врага народа». Семью выгнали из квартиры, жену на работу нигде не принимали. Она с дочерью вынуждена была уехать в Орел к дальним родственникам и продолжала писать письма по всем инстанциям. В ходе следствия Мария Александровна уже несколько раз писала в ЦК партии, лично Сталину. В одном из писем к Сталину приложила крохотную на папиросной бумаге записку с неясным текстом: «...до конца останусь честным членом партии». Вероятно, Михаилу Ивано-

вичу как-то удалось переправить эту записку жене...

Как и большинство советских людей, он не знал, что правовой механизм государства уже практически разрушен. В репрессии против собственного народа втянуты как НКВД, так и прокуратура, и судебные органы. Военные Коллегии Верховного Суда СССР стали так же точно беспощадны и скоры на расправу, как и заочные «тройки», Особое совещание при НКВД СССР. У него не было ни одного шанса, чтобы уцелеть, но он этого не знал.

Вот извлечения из протокола суда. В 17 часов 30 минут председательствующий объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению Капралова Михаила Ивановича в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58–16, 58-7, 58-8 и 58–11 УК РСФСР. Секретарь доложил, что подсудимый находится в зале суда и что свидетели в суд не вызывались. Председательствующий удостоверился в личности подсудимого и спросил его, вручена ли ему копия обвинительного заключения, на что подсудимый ответил... (это место протокола не заполнено – *прим. автора*).

Арест. 30-е годы. Фото из открытых источников

Подсудимому были разъяснены его права на суде и объявлен состав суда. Подсудимый ходатайств не высказал и отвода составу суда не заявил. По предложению председательствующего секретарем было оглашено обвинительное заключение. Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил, признает ли тот себя виновным, на что подсудимый ответил, что он виновным себя не признает.

Судебное следствие закончено в 17 час. 45 мин. В послед-

нем слове подсудимый снова утверждает, что ни в чем не виновен.

А вот выписка из приговора:

«Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Капралова Михаила к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего лично принадлежавшего имущества. Приговор окончательный и в силу постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года подлежит немедленному исполнению.

Председательствующий: Подпись: Зырянов.

Члены: Подпись: Алексеев. Подпись: Зайцев».

Справка из уголовного дела: «Приговор о расстреле Капралова Михаила Ивановича приведен в исполнение в гор. Свердловске 13 августа 1938 года», т. е. сразу после судебного заседания.

В ноябре 1938 года Мария Александровна получила ответ на один из своих многочисленных запросов: «Ваш муж – Капралов Михаил Иванович выслан в дальние лагеря сроком на 10 лет без права переписки». Ее отчаянию не было границ, и начались бесконечные поездки в Москву за правдой. В 1946 году из ГУЛАГа ее известили, что «муж жив и здоров». В 1948 году ей, наконец, сообщили о гибели мужа. А ведь он был расстрелян уже десять лет назад... По чьей команде организовывались эти мытарства родственников расстрелянных? Зачем?

Стадион Динамо. Свердловск 30-е годы. Фото из открытых источников

Честное имя мужа было восстановлено почти тридцать лет спустя после обращения Марии Александровны к Н.С. Хрущеву. В обращении к нему она писала: «... так погиб кристально чистой души и несгибаемой воли большевик – мой муж Капралов Михаил Иванович. Приговор по делу истинного врага человечества, презренного Берии, 16 лет купавшегося в моих слезах, открыл мне глаза на то, кто был истинным убийцей моего мужа... Прошу чутко отнестись к моему горю, так много пережившей и пострадавшей без всякой вины перед Родиной».

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 5 ноября 1965 года Михаил Иванович Капралов, 12 февраля 1890 года рождения, уроженец г. Риги, русский, член ВКП (б) с мая 1917 года, женат, проживавший до ареста в г. Свердловске, ул. Челюскинцев, дом 2, квартира 85, реабилитирован полностью (посмертно).

Начальник Управления НКВД по Свердловской области Дмитриев-Плоткин, сотрудники Шариков, Арров, Алексеев, причастные к расследованию настоящего дела, за грубейшие нарушения социалистической законности были приговорены к расстрелу. За фальсификацию следственных дел Соломатин осужден к 6 годам лишения свободы с лишением звания «лейтенант госбезопасности». Но разве от этого легче...

Дочь Михаила Ивановича Капралова – Нина Михайловна, узнав о нашей работе по реабилитации, написала из города Орла, где проживала, в Управление КГБ по Свердловской области, просила сообщить ей достоверные сведения о трагической судьбе отца. На запрос она получила подробный ответ, ее также проинформировали, что для восстановления Капралова М.И. в членах партии материалы переданы в Свердловский обком КПСС, дополнительно была направлена информация в музей истории комсомольских организаций Среднего Урала для включения имени Михаила Ивановича в «Книгу памяти жертв репрессий».

Тогда, в конце 80-х, мы, чекисты подразделения по реабилитации, понимали, что многие имена невинно пострада-

давших от репрессий железнодорожников, священнослужителей, домохозяек еще предстоит открыть. Понимали, что наш моральный долг перед памятью этих людей – сделать все, чтобы ни одно имя не исчезло бесследно в многострадальной истории государства, а главное, чтобы подобное не повторилось никогда. На архивном уголовном деле Михаила Ивановича Капралова стоит гриф «Хранить вечно». Но надо не просто хранить, надо помнить вечно!

Когда в газете «Путевка» появился мой материал о трагической судьбе Капралова Михаила Ивановича, которого не сломило коварство следователя НКВД, он не подписал ни одного признательного показания, не назвал ни одного имени, чтобы невинные не пострадали, в «Путевку» пришло вот такое письмо:

«С волнением прочитала в «Путевке» материал о моем отце Михаиле Ивановиче Капралове. Тяжело было читать. Владимир Александрович Киеня написал серьезную, правдивую, но очень горькую для меня статью.

Мне всегда мучительно было представить, что пережил отец за этот страшный год после ареста, как он надеялся, что справедливость восторжествует. Не дождался, и как я вижу из статьи «Мысли, прочитанные после смерти», не сломался, не опорочил своего имени, погиб честным коммунистом.

Я и моя семья бесконечно благодарны начальнику подразделения КГБ СССР Л. Плотникову, В. Киене, всем сотрудникам за ту работу, в результате которой имя Капралова Ми-

хаила Ивановича будет занесено на пилоны памяти будущего Мемориала жертв репрессий. У меня, его дочери, а также его внучки и правнука появится возможность поклониться этому святому месту. Н. Миронова».

*Мемориал на 12 км. Московского тракта. Екатеринбург.
Фото из открытых источников*

П Р И К А З

НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ:

О порядке изъятия конфискуемого имущества у лиц привлекаемых к уголовной ответственности.

г. Свердловск.

№-1351

29 сентября 1937г.

За последнее время отмечены случаи, когда отдельные оперработники УГБ, проведя обыски, опечатывают квартиры с имуществом арестованных и никого об этом не ставят в известность, в результате квартиры остаются без надзора, что не исключает возможность хищения имущества из этих квартир. В связи с этим, -

П Р И К А З Н В А Е:

1/ При опечатывании квартир с имуществом арестованного немедленно ставить в известность об этом Начальника 8-го Отдела УГБ.

2/ Начальнику 8-го отдела вести точный учет опечатанных квартир.

3/ Начальнику АХО обеспечить своевременную реализацию имущества по приговорам в фонд.

Приказ об'явить всем сотрудникам УГБ.

НАЧАЛЬНИК УНКВД ПО СО
/Подпись/

ВЕРНО: СТ ИНСПЕКТОР АХО УНКВД ПО СО
БРАГИН /Подпись/

*Вскрытие
опечатанных
квартир
21/09-37г.*

Приказ начальника НКВД по Свердловской области № 1351 от 29 сентября 1937 года о конфискации имущества

арестованных. Фото из архива автора

«Руководствуясь революционной совестью, предлагаю расстрелять». Лунегов и Абрамов

Работая в подразделении, которое занималось проблемами репрессированных, реабилитированных и их родственников, я тщательно изучал архивно-следственные дела бывшего областного управления НКВД. И как-то в руки мне попал старый-престарый фотоальбом, который случайно обнаружили в архиве дел НКВД в предназначенном на слом письменном столе. Надпись на обложке гласила: «Дела Особого отдела ВЧК за 1921 год». Около половины альбома занимали фотокарточки русского офицерства, а также священников, купцов, предпринимателей. Были и снимки их с женами и детьми. Все фотокарточки пронумерованы красными чернилами и под каждой на пишущей машинке напечатаны воинские звания, фамилии, реже – имена и отчества тех, кто изображен на снимке. Как я понял, этот фотоальбом использовался сотрудниками ВЧК для «розыска контрреволюционеров». И к нему наверняка существовал какой-то пояснительный том, где содержались подробные сведения о каждом разыскиваемом, но увы, такого тома обнаружить не удалось. Будучи болен после Афганской командировки, без особого интереса я вглядывался тогда в лица на фотокарточках, но

внезапно был поражен...

...Потом, кому бы я ни показывал альбом, все мои товарищи испытывали те же чувства, что и я. Конечно, никакого сравнения с лицами 37-го года! Там в делах на фотокарточках в основном потухший, морально сломленный, бедно одетый рабочий народ. Здесь – сразу видно – настоящие дамы и господа жизни. И независимо от возраста, должности, звания и происхождения – князь ли, граф, прапорщик, полковник, либо надзиратель, мировой судья... Огромное разнообразие одежды: военной и штатской, аккуратные усы, бороды, прически.

Но главное – глаза! Качество фотокарточек, несмотря на прошедшие к тому времени 70 лет, поразительно высокое. На меня смотрела незнакомая Россия – гордая, красивая и спокойная, о которой я, оказывается, практически никогда и ничего не знал! Полулживые книги и кино не в счет. Ясный глубокий ум, огромное чувство собственного достоинства в каждом – без единого исключения – взгляде, повороте головы, осанке. Это настоящая русская порода – генотип Отчества. Какие необычные и полузабытые фамилии: «Офицер Туган-Барановских-Бучацкий, поручик Шоломский, княгиня Шаховская, граф А.Д. Шереметьев, купец Сахи-Гарей-Янович Ямбаев, М. и Ф. Кутеповы, Павел Парфентьевич Лунегов...».

В марте 2017 года этот фотоальбом я лично вручил для хранения в Музее начальнику УФСБ Центрального военного

округа генерал-майору Васильеву Александру Васильевичу. Тогда же я нашел архивно-следственные дела только на двух человек из альбома: Лунегова и Абрамова. В отношении последнего полной уверенности нет, так как эта фамилия распространена в России, под его фотокарточкой в альбоме инициалы не указаны, а в архивно-следственном деле нет фото. Но совпадает время розыска ВЧК с его гибелью и возраст. Два этих дела похожи друг на друга, как близнецы. Содержали всего по пять и десять листов, написанных еще в 20-е годы торопливым неразборчивым почерком на пожелтевшей от времени ломкой бумаге. Не все удалось разобрать...

Большая семья. Фото из открытых источников

21 января 1920 года чекистами арестован бывший поручик Абрамов Петр Афанасьевич, 25-и лет, русский, уроженец Каменского завода Екатеринбургской губернии, женат; жена Анна Александровна 22-и лет проживает в г. Камышлове. Поручик Абрамов обвинен «как офицер».

В заключении Особого отдела ВЧК при Совтрудармии № 1 от 30 апреля 1920 года, подписанном следователем с приложением сургучной гербовой печати, сказано: «...Руководствуясь революционной совестью, я предлагаю гр-на Абрамова Петра подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять».

Лунегов Павел Парфентьевич, 26-и лет, уроженец гор. Нытвы Пермской области, русский, беспартийный, со средним техническим образованием, женат, детей нет, бывший младший офицер при канцелярии в 7-м прифронтовом полку в 1916-1918 г.г. Арестован 5 января 1920 года. В заключении того же Особого отдела ВЧК указано: «Осужден к высшей мере наказания, приговор приведен в исполнение».

Ясно, что уничтожили этих молодых мужчин за принадлежность к офицерскому корпусу старого политического режима. Никаких доказательств вины в этих так называемых делах нет. Убили «руководствуясь революционной совестью». На заключении о расстреле Абрамова наискосок красными чернилами написана резолюция на предложении следователя: «Утверждается», напротив её целых три! неразборчивых подписи и дата синим карандашом: «7.5.20». Вот,

оказывается, когда фактически зародились будущие особые «тройки» УНКВД областей. Потом они взматерели, напились и опьянели от народной крови и в 1937 году отправляли на смерть за один прием уже сотни человек.

Петр Афанасьевич Абрамов и Павел Парфентьевич Лунегов до сих пор по закону являются государственными преступниками. И три неразборчивых подписи на заключении Особого отдела ВЧК – желтом листочке размером в четверть обычного стандартного листа – считаются законными.

К середине 90-х годов прошлого уже века повсеместно была почти закончена реабилитация лиц, репрессированных по решениям несудебных органов: «двоек», «троек», «коллегий», которые принимались в 30-40-х и начале 50-х годов; а тогда, в начале 90-х во всех районных и большинстве областных газет опубликованы были предоставленные нашим подразделением по реабилитации краткие установочные данные на реабилитированных. После этого более чем в сотни раз увеличилось количество письменных и устных обращений граждан по вопросам, связанным с репрессиями. Возвратили из безвестности имена людей, которые невиновными были уничтожены в своей собственной стране. И справедливость эта не должна была быть дозированной, выдаваться как в аптеке. И тогда, и сегодня надо понимать, что таких, как Павел Парфентьевич Лунегов и Петр Афанасьевич Абрамов было не единицы, десятки, а сотни тысяч...

гие из тех, кто к нам обращался, через полвека страха и неизвестности узнавали правду об обстоятельствах трагической гибели родителей. Некоторые впервые в жизни видели на фотокарточке лицо родного человека. Дети репрессированных иногда узнавали свою истинную фамилию, имя, национальность, встречались через десятки лет с братьями и сестрами, разлученными после ареста родителей.

До сих пор я убежден, что самые массовые репрессии в стране проводились в стране в период 1937-38 годов. До «перестройки» и «гласности» тщательно охраняемая полная правда о 37-м годе стала для нас перевернувшим душу чудовищным открытием. Каждый из нас, чекистов, в это трудно поверить сразу, как бы пребывал в одиночной камере с огромными толстыми стенами. Каждый знал по работе только то, к чему имел непосредственный доступ и не имел права знать, чем конкретно занимаются его коллеги в подразделении, тем более в другом отделе. Таковы железные законы конспирации любой спецслужбы мира, и их нарушение может стоить немалых страданий, крови, а, может, и жизни преданных Отечеству людей и нанести ему огромный ущерб.

Правда о 37-м годе разрушила дотла наши молодые иллюзии самым неожиданным и болезненным способом! И теперь только наша активная и конкретная помощь сотням и тысячам незаконно репрессированным и их родственникам могла несколько смягчить горечь от причастности к зловещему в прошлом учреждению, в которое когда-то мое поколение

сотрудников госбезопасности входило как в храм – чистый и светлый...

Работая с делами репрессированных, постоянно задавался вопросом: как же формировалась эта установка на расстрелы не по закону, а лишь «руководствуясь революционной совестью»?

В 1930-х гг. в стране возникла парадоксальной ситуации: суды на местах перестали в своих решениях опираться на законы, а руководствовались только так называемым «пролетарским чутьем». В этом словосочетании заключался социальный корень всех жалоб на судебные решения, поскольку «пролетарское чутье» позволяло некоторым «ответственным» товарищам не соблюдать законы.

С этих позиций прокурор СССР А.Я. Вышинский уже в 1934 году вслед за Сталиным назвал советский суд «орудием борьбы за искоренение всех мелкобуржуазных, индивидуалистических пережитков», что было возможно только через продолжение диктатуры пролетариата.

Получается, что воспитательные начала советского суда определили мотивы политики репрессии. Например, «выносить на публичный суд не столько ради строгого наказания, но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных».

Семья священника. Фото из открытых источников

Все общество должно было наконец осознать, что виновный перед советской властью, где бы он ни находился, будет

наказан и расстрелян.

Это слово «расстрел» Вышинский не забывал вставлять во все свои публичные выступления. Понятие расстрела, применяемого к каждому из обвиняемых по уголовному кодексу РСФСР, формировало в общественном мнении ту необходимую для сталинской власти ситуацию, при которой в народе не возникало ни малейших сомнений в необходимости репрессий. Только так можно было развить в обществе привычку беспрекословно подчиняться строжайшей дисциплине.¹⁵

В 1938 году пошли дальше: тот же Вышинский на Всесоюзном совещании по вопросам науки права и государства потребовал судить за отсутствие доносов!!! Отсутствие доносов на тех членов общества, которые теоретически могли бы выражать и высказывать протестные или оппозиционные настроения в отношении власти.

Вышинский понимал, что при подобном подходе из-за допущенных судебных ошибок во время репрессий может погибнуть большое число невиновных людей. Он признавал такой факт, однако заявлял, что в переходный период у правительства нет морального права жалеть кого-то, а есть необходимость усилить работу репрессивных органов.

Мне кажется, что именно благодаря прокурору Вышинскому массовые политические репрессии получили теорети-

---

¹⁵ <https://cyberleninka.ru/article/n/perestroyka-ugolovnogo-zakonodatelstva-1930-h-gg.pdf>/ГЛАГОЛЬПРАВОСУДИЯ/2(8)2014/В.Ю.Тумов/

ческое обоснование.

Долги наши тяжкие

Письмо Сталину

Небольшая моя статья о письме Жени Залецкой Сталину, датированном ноябрем 1943 года, вышла в газете «Уральский рабочий», ей предшествовала встреча в приемной УКГБ по Свердловской области.

Виллерскому дяде «Сталину»

Добрый дядя Сталин приходи
те отпустите мою маму домой,
она очень оней скучная, она не очень
виновата, она такая добрая
так мне очень хочется
навестить. Дядя Сталин у вас
есть дочка Света такая же как я
которую вы любите,
Вспомните же я Вас прошу прика
жите отпустите мою маму
я осталась одна з бабушкой
Живем бедно, ждём Вашей милос
ти, мы дети уральца так вас
любим, до свидания дядя Сталин

Писала уличца 3 кв 8

Жене Залецкой

23/11/42

Писала

Жене Залецкой

Письмо Жени Залецкой «дяде Сталину». Фото из архива автора

«Великому дяде Сталину. Добрый дядя Сталин! Прикажи отпустить мою маму домой, я очень по ней скучаю. Она ни в чем не виновата. Она такая добрая, так меня любит, великие отпустить ее. Дядя Сталин, у Вас есть дочка Света, такая же, как я, которую Вы очень любите. Во имя ее Вас прошу: прикажите отпустить мою маму. Я осталась одна с бабушкой. Живем бедно. Жду Вашей милости. Мы, дети Урала, так Вас любим. До свидания, дядя Сталин. Писала ученица 3б класса Женя Залецкая. 29 ноября 1943 года».

Родителей Жени – десятника шпалопропиточного завода Ивана Прокопьевича Нестерчука и акушерку железнодорожной амбулатории станции Богданович Валентину Абрамовну Залецкую – арестовали в ноябре 1937 года по печально известной 58-й статье. Отца она больше не видела, а с мамой встретилась через долгие двадцать шесть лет.

Девочка Женя Залецкая стала взрослой, пришла она в УКГБ по Свердловской области как Евгения Ивановна Юрцева, приехала из города Асбеста. Привожу по памяти разговор с ней в приемной КГБ.

– К нам пришли четверо, сделали обыск. Что искали – не знаю, но в доме все было перевернуто вверх дном. Родителей увели, а вскоре вернулись за мной.

– Зачем?

– Не знаю. Бабушка со мной на руках буквально бегала вокруг стола (у нас в гостиной был большой стол) и говорила: ребенка я вам не отдам. Только через мой труп. Ничего не

добившись, они ушли.

– Что было дальше?

– Бабушка позвонила нашим друзьям, я уже не помню их фамилии, помню только, что дядя Гриша был зубным врачом. Они с тетей Зоей пришли, завернули меня в одеяло, завязали в скатерть и унесли с собой. Гуляли со мной только по ночам...

– Боялись, что вас снова попытаются забрать?

– Да, но не прошло и года, как тетю Зою с дядей Гришей тоже арестовали. И тогда меня забрал дядя Вася-цыган, в то время там стоял богатый цыганский табор. Потом меня еще передавали машинистам, там тоже были наши друзья, они до сих пор живы. Года через два бабушка наконец забрала меня. Квартира наша была опечатана, мы жили у знакомой женщины, муж которой, кочегар, тоже был арестован по 58-й статье.

– А как складывалась судьба мамы?

– Ей, можно сказать, повезло, она попала в сельскохозяйственный лагерь. Их привезли по этапу в Сибирь, на станцию Юрга вторая. Там она отбывала свой срок, работала с туберкулезными больными. Потом сама сильно болела.

Норильск-лаг. Фото из открытых источников

Труд женщин в ИТЛ. Фото из открытых источников

Сейчас мама живет в Красноярском крае, в девяноста километрах от железной дороги. В деревянном бараке с печным отоплением, воду из колодца приходится носить. В начале этого года я поехала туда, сдала ее комнату с кухонькой в поссовет. Положили ее в госпиталь. Врач сказала, что пролежит она три-четыре месяца. Мне ее нужно обязательно забирать к себе. Но положение у меня такое: семья большая, детей у нас трое да внуков шестеро. Муж больной, да и за мной скоро уход нужен будет. Сдать же мать в дом престарелых или инвалидов я не могу. Ведь столько лет мы жили друг без друга. Кто заплатит мне за то, что нас сделали чужими?

Мы помолчали. Затем Евгения Ивановна Юрцева продолжала:

– Обратилась я с просьбой к нашей власти, чтобы маме нашли, выделили комнатку недалеко от нас, мне ведь за ней доходить надо. И вот уже три месяца хожу по кругу. Но все же добилась приема у заместителя председателя облисполкома Александра Федоровича Небеснова, где меня поняли и послали письмо в наш Асбестовский горисполком, адресованное его председателю Пинаеву Юрию Григорьевичу.

– Вы были у Пинаева, Евгения Ивановна, и каков результат?

– Он мне сказал, что она у нас не проживает, жила бы в области – была бы наша, мы бы могли что-то решить. Нужно срочно ее прописать.

– Но ведь ваша мама не по своей воле оказалась в Сибири. Арестовали ее в Свердловской области, полностью восстановили в правах тоже здесь. Разве это не довод?

– Он посоветовал прописать ее к нам в квартиру, она, мол, приедет к дочери, и мы ничего не будем ей предоставлять. Но сколько же можно на нас все сваливать? В конце концов должен когда-то нормально жить человек! И речь ведь не о нас, а о ней. Я хочу, чтобы маме предоставили маленькую комнатку, в которой она могла бы спокойно дожить свою жизнь. Ей просто нужен покой. А уж мы за ней присмотрим.

БАМЛАГ. Фото из открытых источников

Хочу только одного: чтобы моей матери дали почувствовать, что кто-то в нашем государстве все-таки проявил о ней заботу. Пора уже, наверное, возвращать долги, пусть даже не все то, что было отобрано силой. Я понимаю, что сейчас очень тяжелое время, и, может быть, не стоит соваться с такими вопросами в горисполком и везде. Я все понимаю! Одного не пойму – почему моя мать в свои 80 лет, лишенная государством всего на свете, еще должна стоять в очереди на квартиру? Ведь все понимают, что не дождется. Неужели на это и рассчитывают?

...Такие беседы мне по долгу службы приходилось вести ежедневно. Всем хотелось помочь и немедленно, ведь жизнь немногих оставшихся в живых репрессированных измерялась уже не на десятки лет вперед, часто даже не на годы, а на месяцы. Государство отняло у многих из них почти все: молодость, веру в справедливость, честь и достоинство, любовь, работу, жен и детей, у многих сотен тысяч отняло жизнь, а самое горькое, что иногда и память. На братских безвестных могилах безвинно расстрелянных людей выросли почти вековые деревья.

В общем хоре голосов по поводу острых наших проблем как-то приглушенно звучали голоса людей, переживших страшные годы массовых репрессий. А проблемы этих наших граждан не менее других были болезненны и неотложны. Вот на что я обращал внимание в той газетной ста-

тье конца 80-х: «Основные нормативные акты, связанные с реабилитацией жертв репрессий, устарели и несовершенны. В них имеются существенные пробелы. Нет ответов на некоторые жизненно важные вопросы. Например, имеет ли право государство, незаконно лишившее человека в годы репрессий жилой площади, перекладывать свои обязанности по восстановлению справедливости на плечи его близких?»

Верховным Советом СССР было принято постановление о порядке применения Указа Президента СССР от 13 августа 1990 года «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов». В нем был предусмотрен комплекс мер по восстановлению не только политических, но и многих других прав реабилитированных, в том числе и их жилищных прав, которые они утратили не по своей вине. А тогда, в начале 90-х, не только на словах, но и на деле требовался именно неформальный подход к проблемам пострадавших, их нуждам и запросам.

Все последующие годы Правительство пыталось компенсировать ущемленные в 30-50-е годы права граждан, предоставляя жертвам репрессий и их семьям преференции в различных сферах жизни. На сегодня, когда несправедливо и незаконно пострадавших становится все меньше и меньше, реабилитированным гражданам полагаются такие льготы: пятидесятипроцентная скидка на коммунальные платежи; бесплатный проезд в муниципальном общественном транспорте и раз в год бесплатное пользование железнодорожным

транспортом; безвозмездное получение лекарственных препаратов по назначению врача; пятидесятипроцентная скидка на стоматологические услуги и установку протезов в государственных поликлиниках; пятидесятипроцентная скидка на покупку топлива, если жилье льготника не подключено к системе отопления; содействие при устройстве граждан в дом престарелых; небольшая ежемесячная выплата.

Как важно успевать делать добро! Важно было тогда успеть помочь в каждом конкретном случае, чтобы ушли они, безвинно пострадавшие, в мир иной без ненависти и проклятий нам, живым.

Спектакли 1937 года

Угасли искры поутру

Вот еще одна трагическая история, история короткой жизни молодых людей Татьяны Малиновской и Абрама Субботовского. Их жизни в полыхавшем над страной пламени пожара политических репрессий были не более чем две светлые искорки. Муж и жена погибли обидно молодыми еще задолго до того, как многие из нас появились на свет¹⁶.

Информация в отношении обоих в их следственных делах бывшего Управления НКВД СССР по Свердловской области крайне скупа. Очень уж торопились те, кто сотнями и тысячами стряпал подобные «дела». Количество дел для них было важнее, чем количество жизней. К счастью, в этих двух делах сохранились фотокарточки. Жена – Татьяна Петровна Малиновская, балерина Государственной Свердловской музкомедии (так в то время назывался театр – *прим. автора*). На фотографии – молодое лицо красивой женщины с прямым решительным взглядом, головка на лебединой шее. Муж – Абрам Борисович Субботовский, дирижер этого же театра. Спокойный и глубокий взгляд умного человека. Чуть

---

¹⁶ Впервые опубликовано: Киеня В.А. Угасли искры по утру. /Киеня В.А.//газета «Уральский рабочий» от 4 января 1992 г. № 3(23008). Киеня В.А. Спектакли 1937 года /Киеня В.А.//газета «На Смену!», август 1992 года.

ном царской армии, воевал на германском фронте. В белой армии, с которой отступал до Владивостока, получил чин полковника. Эмигрировал в Китай. В Харбине работал разносчиком и расклейщиком рекламных объявлений. Типичная судьба многих русских офицеров после революции.

«Я была молодой девушкой, меня влекли приключения...», – скажет 7 октября 1937 года на допросе Татьяна Петровна. В пятнадцатилетнем возрасте в 1926 году она с подругой нелегально ушла через границу в Китай. В Харбине служила бонной (воспитательницей маленьких детей в буржуазных семьях – прим. автора), работала продавщицей в магазине. Одновременно занималась в балетной школе. Через год стала выступать в кабаре «Фантазия» и «Мулен-Руж». В 1928 году Татьяна Петровна – балерина в желдорсобе КВЖД (железнодорожном собрании – самодеятельном обществе культуры русских эмигрантов при управлении КВЖД – Китайско-Восточной железной дороги – прим. автора) в Харбине, где она познакомилась со своим будущим мужем. Некоторое время работала в частных кабаре, затем устроилась в профессиональную труппу, что дало ей возможность побывать на гастролях в Японии.

Zonoff Shop, Harbin, ca. 1929

Харбинъ. Китайская ул. съ угла Японской.
Charbin. Chinesische Strasse von der Ecke
Japanische Strasse

Русский Харбин конца 20-х годов. Фото из открытых источников

В 1918 году отец Абрама Борисовича (Борис Моисеевич Субботовский, владелец заводика фруктовых вод в городе Красноярске) «... в связи с началом военных действий благодаря гражданской войне...» вместе с семьей выехал в китайский город Харбин. Там Абрам Борисович так же, как и его будущая жена, рано и самостоятельно начал трудовую деятельность. Работал младшим пианистом в кино «Палас» (напомню читателям, что в то время кино было немым), пиани-

стом в ресторане «Американский бар» и в симфоническом оркестре желдорсоба КВЖД, где в 1927 году он и познакомился с Татьяной Петровной. В 1931 году они поженились и решили возвратиться в Россию. Говорят, на Родине всегда теплее сердцу.

В 1935 году Абрам Борисович вместе с женой Татьяной Петровной, с матерью Бертой Борисовной Субботовской и с братом Львом Борисовичем Субботовским, получив официальное разрешение на въезд в СССР, приехали в Москву, а затем переехали в Ленинград. Но когда последовало приглашение из Свердловска, интересное и выгодное, раздумывать они не стали. 1935 год – год начала работы Абрама Борисовича и Татьяны Петровны в Государственной Свердловской музкомедии. Здесь у них была интересная и творческая работа. Все шло хорошо. Но в стране начала уже действовать чудовищная средневековая система. Виной многих людей тогда становился сам факт их пребывания за границей, ведь и там наши соотечественники находились под контролем сотрудников иностранного отдела Главного Управления государственной безопасности. Молодые супруги были обречены...

Театр Свердловской музкомедии начала 30-х годов. Фото из открытых источников

2 октября 1937 года их арестовали. В ордере № 30 на их арест были указаны два адреса в Свердловске: ул. Ленина, д. 54, корп. 5, первый подъезд, квартира 254, где был прописан Абрам Борисович, и ул. Белинского, д. 70, кв. 5, где они проживали с Татьяной Петровной.

Протоколы в архивных делах помогают оценить не только наглость и коварство некоторых сотрудников НКВД, но и воссоздать духовный облик, характер молодых людей, ин-

теллигентов, совершенно не подготовленных к тяжким испытаниям. Невольно рождается вопрос: а как бы я сам повел себя на их месте? И нет однозначного ответа...

Из протокола допроса обвиняемой Т. Малиновской от 13 октября 1937 г.¹⁷:

– Вам предъявлено обвинение в том, что Вы являетесь агентом японской разведки и проводили на территории СССР шпионскую работу в пользу Японии. Вы признаете себя виновной в предъявленном Вам обвинении?

– Нет, не признаю.

– Вам предъявляется выписка из показаний агента японской разведки Таболиной Людмилы Георгиевны (из этой несчастной женщины следователи НКВД ранее выбрали нужные показания, а выписка из них приобщена к делу Татьяны Петровны – *прим. автора*), которая показывает, что Вы входили в группу шпионов Японской разведки Вологодина в Харбине и направлены им для шпионской работы в СССР? Предлагаю Вам рассказать правду!

– Я говорю правду! что агентом японской разведки я не являюсь. Таболину и Вологодина не знаю.

– Вам предъявляется показание эmissара японской разведки на Урале Бочкарева В.Н., который показывает, что Вы, работая в Свердловском театре, создали там террористическую группу, в которую привлекли до 10 человек, и руководили ею. Вы еще будете продолжать отрицать?

---

¹⁷ листы 13 и 14 следственного дела № 24404/П-41405; (рукописный текст)

– Все это клевета! Ничего подобного не было, никакой террористической группы я не знаю...

– Вам предъявляется еще показание руководителя боевыми террористическими группами Японского агента Калачева (выписка из протокола его допроса от 21.10.37 была приобщена к делу Т. П. Малиновской). Вам предлагается прекратить заперательство и давать правдивые показания.

– И это ложь, ни одного из названных мне лиц я не знаю. Никогда шпионом я не была и террористом тоже...

Записано с моих слов верно, мною прочитано, в чем и расписываюсь. Подпись: Т. Малиновская.

Допросил: Оперуполномоченный 3 отдела сержант гос. без. Подпись: Балацкий.

Хочу напомнить читателям, что тогда, как правило, следствие вели оперуполномоченные и курсанты Свердловской школы НКВД с 4-5-классным образованием.

Не будем анализировать «признания рядовых японских агентов» Таболиной, Вологодина и Калачева. Возьмем из протокола допроса П. Э. Вайнштейна (в 1937 году оперуполномоченного УНКВД, а в 1939 году тоже арестованного – *прим. автора*) его показания о личности наиболее авторитетной – «эмиссара японской разведки на Урале» Бочкарева В. Н. – и обнажим истоки и истинную цену всех «признательных» показаний, механизм получения которых у всех подследственных той поры похож, как две капли воды.

Вот выписка из протокола допроса от 17 апреля 1939 года

арестованного Вайнштейна Петра Эдуардовича.¹⁸

– Какие преступные действия были совершены Вами в оперативно-следственной работе в органах НКВД?

– В начале июля 1937 года я прибыл на работу в УНКВД в гор. Свердловск, где был назначен на должность начальника отделения (Восточного 3 отдела). Через некоторое время я был вызван к замначальника отдела Кричману, который предложил мне подготовить в ближайшие дни для доклада по делу имевшиеся материалы на «харбинцев», так как «харбинцы» на основе имеющихся показаний должны быть арестованы. Я ознакомился с делами и через несколько дней доложил их Кричману. Кричман по некоторым разработкам «Маньчжурский транспорт», «Хинганские тоннели» дал мне указания составить справки и подготовить постановления на арест лиц, проходивших по указанным разработкам...

Вот еще выдержки из показаний арестованного П. Вайнштейна:

«...В числе арестованных «харбинцев» был Бочкарев-Мокин, который продолжительное время проживал в Маньчжурии... Служил в КВЖД и, кажется, в Харбинском агентстве Совторгфлота...

Через несколько дней меня вызвал к себе Кричман и предложил мне допросить Бочкарева... Получив установку Кричмана, я вызвал на допрос Бочкарева, но он мне заявил,

---

¹⁸ лист 50 следственного дела № 2 464577/П-23928 Субботовского А.Б. (машинописный текст):

что никогда резидентом японской разведки не был. О результатах допроса я доложил Кричману, и тот мне заявил: «Бочкарев – резидент японской разведки на Урале, и такие показания он должен дать».

В процессе допроса Бочкарев назвал лиц, проживающих в городе Свердловске и других городах Урала, как своих знакомых, и только. На следующий день я опять доложил Кричману результаты допроса Бочкарева. Кричман сказал, что эти лица, которых Бочкарев называет как своих знакомых, безусловно, являются участниками японской резидентуры, и предложил мне в таком духе составить протокол допроса. Я это преступное распоряжение Кричмана выполнил...

Этот протокол допроса был коренным образом переделан Кричманом и затем перепечатан начисто. Этот вымышленный протокол Бочкарев подписать отказался, но Кричман в моем присутствии заставил его подписать... Лица, в действительности названные Бочкаревым только как его знакомые, но путем фальсификации записанные в протокол допроса Бочкарева как участники японской резидентуры, были впоследствии по распоряжению Кричмана арестованы...»

Газета 30-х годов. Фото из открытых источников

Одновременно с Татьяной Петровной Малиновской велись интенсивные допросы А.Б. Субботовского. Принадлежность к японской разведке он категорически отрицал. Следователи сменили требовательность на «доброжелательность», попросили рассказать о харбинских знакомых, прибывших в СССР. Видимо, Абрам не разгадал коварства и дал сведения на 65 человек, проживавших в четырнадцати городах страны. При этом ни о ком из них он ничего компрометирующего не сказал. Последнее было не главным, обвинение можно придумать. Однако, как ни старались подручные Ежова получить «царицу доказательств» – признание обвиняемого, что «вместе с женой Малиновской принадлежал к контрреволюционной, террористической группе на Урале, и зани-

мался шпионажем в пользу Японии», как ни ухищрались, Субботовский не подписал лживых протоколов.

После паузы в допросах снова последовала психологическая атака на заключенного, но Абрам Борисович был тверд до конца. Не подписал сам никакой лжи и клеветы и вовремя предостерег на этот счет любимую женщину...

Вот сообщение из городской тюрьмы: «23.X.37 года Субботовский Абрам в камере через окно переговаривался с женой во время прогулки и кричал, чтобы «держалась», то есть не подписалась к заявлению о признании. Сам о себе ничего не говорит...»

Так до конца и стояла молодая чета.

Татьяна Петровна и Абрам Борисович были расстреляны в городе Свердловске соответственно 29 октября и 10 ноября 1937 года по решению Комиссии НКВД СССР и Прокуратуры СССР.

За этим непонятным и страшным названием скрывалась так называемая «двойка», в которую входили нарком внутренних дел, генеральный комиссар госбезопасности, секретарь ЦК ВКП(б) и председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Николай Иванович Ежов и прокурор СССР Андрей Януарьевич Вышинский.

Ежов меньше, чем через год пройдет тем же путем смертника, но через мрачно знаменитый «Сухановский застенок» – секретную особорежимную тюрьму НКВД – и через его нового руководителя Л.П. Берия. «Сухановский за-

стенки» располагался на станции Расторгуево вблизи Москвы и был оборудован в помещениях бывшего православного монастыря Екатерининская пустошь, где имелось все, начиная от «черных воронов», закамуфлированных под обычные продуктовые грузовики с надписью «Хлеб», «Молоко», и вплоть до миниатюрного крематория. Ежов испытает то, на что очно и заочно обрекал сотни тысяч соотечественников.

Фамилия: МАЛИНОВСКАЯ /СУББОТОВСКАЯ/

Имя: Татьяна

Отчество: Петровна

Год рожд. 1911

Уроженка: г.Херсона

По показаниям агента японской разведки ТАВОЛИНОЙ Лицилия Георгиевны /след. дело № 1914/ МАЛИНОВСКАЯ Татьяна Петровна входит в группу шпионов агента японской разведки в Харбине и направлена им для японской работы в СССР.

В прен "японской фото-карточке под № 32 ТАВОЛИНА опознала МАЛИНОВСКУЮ являющуюся агентом японской разведки группы ВОЛОГДИНА.

По материалам в "важного дела, имеющегося в ИНО ГУТЬ НКВД СССР МАЛИНОВСКАЯ Т.А. прибыла в Манчжурию в 1927 году нелегально, отец ее бывший офицер царской и белой армии также прибыл нелегально в Харбин в 1930 г. Ее брат Петр Петрович МАЛИНОВСКИЙ служит в Шанхае в французской полиции. Во время возбуждения первого ходатайства о принятии в гр-ство СССР в поданных сведениях сообщила неправдивые сведения о себе /не указала о службе отца у белых, неверный год рождения - 1909 г. и путанные сведения о причинах нелегального перехода границы/. С 1928 г. МАЛИНОВСКАЯ работала в желсобе в качестве бакарины, некоторое время работала в частном кабаре балерниной.

МАЛИНОВСКОЙ по заключению ИНО ГУТЬ НКВД СССР было отказано в выдаче визы на въезд в СССР, как имеющей связи с японскими провокаторами.

МАЛИНОВСКАЯ /ДВОРОВАЯ/ вышла замуж за гр.СУББОТОВСКОГО Абрама Борисовича, директора оркестра и оперетты желсоба.

МАЛИНОВСКОЙ в "важ при повторном ходатайстве в СССР разрешен. Въехала в СССР вместе с мужем в г. Ленинград.

Из родственников в СССР проживает в Гатчине дядя МАЛИНОВСКИЙ Николай Носифович и в г. Одессе тетка ГОВОРОВСКАЯ Евдокия

10

Степановна. Из знакомых проживает в г. Ленинграде артист
ВИТТЛЬС Лев Александрович.

В Харбине проживает отец МАЛИНОВСКИЙ Петр Иосифович, 57
лет и мать МАЛИНОВСКАЯ Любовь Степановна и сестры Мария и
Александра.

Адрес жительства в Харбине: Почтовая ул. д. уг. Манчжурско-
го пр. 115, кв. 7.

ПОМ. НАЧ. ВВО УТВ. УЧКВ МО
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ

Равис /РАВИСИИ/

"21" декабря 1936 г.

Из дела Т.П. Малиновской. Фото из архива автора

Прах второго палача Вышинского спокойно и торжественно хранится в Кремлевской стене. Много десятилетий подряд здесь по праздничным дням ликующие колонны демонстрантов приветствовали очередных руководителей большевистской партии и Советского государства и невольно отдавали незаслуженную дань уважения автору «царицы доказательств», любителю слова «расстрел» и другим организато-

рам и исполнителям массовых репрессий против собственного народа, похороненным здесь же на площади под названием Красная...

Судьба была безжалостна и к другим палачам молодых су-
пругов.

«...Изуверская метода сваливать все «на перегибы на местах», «головокружение от успехов» сказалась и здесь: подписав весной 1937 года решение о применении пыток к подследственным и развязав самые низменные, зверские инстинкты у тех, кому предписывалось любыми средствами добиться нужных следствию показаний, Сталин и его присные недрогнувшей рукой подписывали через два года тысячи смертных приговоров палачам, ставших неожиданно для них самих такими же жертвами»¹⁹.

31 мая 1939 года Военная коллегия Верховного Суда СССР «за необоснованные аресты граждан и фальсификацию следственных дел» осудила Вайнштейна П. Э. к пятнадцати годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях НКВД и Кричмана С.А. – к двадцати годам ИТЛ. Кроме того, четырнадцать карьеристов-фальсификаторов бывшего УНКВД по Свердловской области по решениям судебных органов было расстреляно, в т. ч. Дмитриев Дмитрий Матвеевич (псевдоним; настоящее имя Плоткин Меер Менделевич. – прим. автора), начальник Свердловского УН-

---

¹⁹ Э. Белтов и Д. Юрасов. «1937: Только факты, только имена» – в «Российской газете», 04.01.92, т. 3

КВД, в декабре 1937 года награжденный орденом Ленина, комиссар госбезопасности III ранга (в 1931 году был следователем по делу «союзного бюро меньшевиков», а в 1934 году – помощником начальника следственной бригады по делу об убийстве С. М. Кирова – *прим. автора*) и его заместитель Боярский Наум Яковлевич. Палачи высшего ранга убирали лишних свидетелей их преступлений...

Раскопки на местах расстрелов. Фото из открытых источников

В чем причина стойкого и мужественного поведения Татьяны Петровны и Абрама Борисовича? Ведь до них, как правило, более жизненно зрелые, физически и духовно очень сильные мужчины не выдерживали психологического давления со стороны вайнштейнов и кричманов. А арестованные ранее Калачев, Вологодин, Бочкарев-Мокин и многие другие «харбинцы», которых обманом, угрозами или пытками заставили оговорить себя, родственников, друзей и знакомых, уже были расстреляны. Что давало им силы бороться до конца, не отступив и не предав никого?

Они переживали еще только утро своей жизни. Все должно было к ним прийти: и творческие высоты, и признание публики. И дети. Все мечты угасли враз, как искорки. Умерли и имена этих талантов, их велели забыть так же, как и миллионы других имен, погубленных огнем политических репрессий.

Мы открыли тогда эти имена, чтобы сказать правду. И эта правда не только в том, что произошло, а и в том, что были люди высокой чести и мужества, которых ничто не сломило. Коллектив Свердловского государственного академического театра музыкальной комедии может гордиться своими коллегами Татьяной Малиновской и Абрамом Субботовским.

Останки Татьяны Петровны и Абрама Борисовича, как и тысяч других уральцев, расстрелянных в городе Свердловске, покоятся между 12-ми километрами нового и старого Московских трактов на территории учебно-спортивной базы

«Динамо» и на прилегающей территории.

Вот так, эксгумируя самые отвратительные страницы истории России, сотрудники подразделения КГБ по реабилитации восстанавливали добрые имена невинно погибших, о которых в 90-е годы не помнили даже очень старые сотрудники Свердловского государственного академического театра музыкальной комедии. И нельзя было этого не сделать, глядя в глаза вечно молодым Татьяне Петровне, Абраму Борисовичу и многим, многим другим невинным людям, которые со старых фотографий смотрели на нас с надеждой. Нельзя оставлять в нашей страшной истории никаких «белых пятен» еще и потому, чтобы никому и никогда неповедно было делать что-либо подобное.

когда
он на
датель
ан с у
хотел
0-286
уртес
Врно к
лиресс
н 3-2
нем с
всех
1/2-39
у, ур
ливе
мале
: 1/2-3
ливе
всем
згов
Учит
адмес
табл
н 3 486
отли
идея
при
20/2
Но
ише

Секретно
экз. с действит.

Р3819

25 4 1954

В К И И С К А

на обзорной справке

По архивно-следственному делу
№ 967196 на осужденного БОЯРСКОГО
Наума Яковлевича по ст.ст.
58-7 и 58-II УК РСФСР.

НКВД СССР БОЯРСКИЙ Н.Я. был арестован 1 июля
1938 года.

31 мая 1939 года Военной Коллегией Верховного
Суда СССР БОЯРСКИЙ Наум Яковлевич на основании ст.ст.
58-7 и 58-II УК РСФСР осужден к лишению свободы в ИТЛ оро-
ком на 25 лет, с поражением в правах на 5 лет и с конфис-
кацией всего лично принадлежащего ему имущества.

Предварительным и судебным следствием установлено,
что БОЯРСКИЙ, будучи организационно связанным с одним из
руководящих участников антисоветской заговорщической орга-
низации, существовавшей в органах НКВД-ДМИТРИЕВЫ и явля-
ясь руководящим работником в Управлении НКВД по Свердлов-
ской области, на протяжении 1937-1938 годов по заданию на-
чальника ДМИТРИЕВА, проводил враждебную деятельность, выра-
жившуюся в проведении массовых необоснованных арестов граж-
дан, поджогах и фальсификации в следственной работе.

БОЯРСКИЙ признан виновным в том, что, будучи на-
чальником 3 отдела и помощником начальника УНКВД по Сверд-
ловской области, проводил массовые необоснованные аресты,
путем поджогов, провокационных методов ведения следствия,
создавал следственные дела на несуществующие антисовет-
ские формирования, давал задания подчиненному оперативному
составу вести такими же методами следствие.

На предварительном следствии и в суде БОЯРСКИЙ
виновным себя признал и показал, что он был спровоцирован
на поджоги в следственных делах ДМИТРИЕВЫ бив. начальни-
ком Управлении НКВД по Свердловской области.

БОЯРСКИЙ Наум Яковлевич, 1894 года рождения, уро-
женец гор. Харьков, по национальности еврей, гр-н СССР,
состоит в ВКП/с с 1917 года, до ареста бив. начальник
3 отдела и помощник начальника Управления НКВД по Сверд-
ловской области.

П.п. ПОМ. ВОЕННОГО ПРОКУРОРА УРВО
ПОЛКОВНИК ВОСТИЦЫН-

М. ТИГЧЕНКО.

5 мая 1954 г.

СН. П. БОБОВА

Протокол допроса Боярского в 1954 году. Фото из от-
крытых источников

Мемориал памяти жертв политических репрессий на 12 км. Московского тракта в Екатеринбурге. Фото из открытых источников

Чекисты

Письмо из камеры № 39, посланное из тюрьмы НКВД в Москву

Это архивное уголовное дело свердловскими чекистами было тщательно изучено в ходе работы по реабилитации²⁰. Изучено и снова сдано в архив для хранения, так как проходившие по нему бывшие сотрудники Управления НКВД по Свердловской области Авксентий Гайда, Илладжин Хальков и Николай Харин реабилитации не подлежали. Все трое были осуждены по приговору военного трибунала за провокационные методы следствия и насильственные действия над арестованными.

Но в этом деле мое внимание привлекла тогда копия письма, написанного в условиях тюремного заключения бывшими сотрудниками Управления НКВД по Свердловской области Петуховым, Блиновским и Челноковым. Письмо это было нелегально направлено в Москву. В письме-заявлении арестованные незаконно чекисты обращались к Сталину и его ближайшему окружению. Привлекло мое внимание,

---

²⁰ Впервые опубликовано: Киеня В.А. Письмо из камеры 39, посланное из тюрьмы НКВД в Москву/Киеня В.А.//газета «Вечерний Свердловск» от 3 января 1991 года № 2(10031). 20816. Очень личное исследование темы репрессий на Урале в 1930–1950–е гг. А.П. Казанцев. М. Издательство Перо, 2021.

что, находясь под следствием, оскорбленные чудовищными, необоснованными и стандартными обвинениями в принадлежности к «антисоветской контрреволюционной организации», «немецкой и латвийской разведке», униженные физическими издевательствами, но не сломленные, честные чекисты думали не только о себе.

«Посылая настоящее заявление, – писали они, – мы прежде всего сигнализируем о недопустимых и чуждых советскому строю методах работы, которые стали просачиваться в НКВД...»

Это письмо-заявление – документ пронзительной искренности и веры в высшую справедливость тех, к кому оно обращено. Привожу в книге текст письма в незначительном сокращении, я опустил кровавые страницы пыток, но сохранил главные факты и выводы авторов.

«Членам Политбюро ЦК ВКП(б) т.т. Сталину, Жданову, Молотову, Калинин, Ворошилову, Кагановичу, Ежову
Прокурору Союза ССР тов. Вышинскому
Начальнику управления НКВД по Свердловской области тов. Викторову от бывших сотрудников УНКВД по Свердловской области, содержащихся в тюрьме г. Свердловска

Заявление.

С сентября 1936 года по июнь 1938 года начальником Управления НКВД был Дмитриев Д. М., до этого работав-

ший в Наркомвнуделе (народный комиссариат внутренних дел – *прим. автора*) Союза помощником начальника экономического отдела. Дмитриев входил в оперативную группу НКВД Союза, выезжавшую в 1934 году в Ленинград для расследования убийства С. М. Кирова, был помощником старшего группы.

Старым работникам НКВД известно, что Дмитриев принадлежал к той касте приближенных, которой окружил себя Ягода²¹ и при помощи которой он прикрывал свои преступные дела. Например, бывший начальник 3-го отдела УНКВД Вейзагер однажды так охарактеризовал эти отношения: «Дмитриев – любимец Ягоды».

Несмотря на коренное обновление руководящих кадров НКВД в центре и на местах, Дмитриев в последние два года делает большую служебную и политическую карьеру. Еще Ягодой он назначается начальником Управления по Свердловской области. По службе, вопреки положению о персональных званиях, получает звание комиссара государственной безопасности. Вокруг его имени создается ореол славы.

С начала августа 1938 года из внутренней тюрьмы УНКВД в спецкорпус городской тюрьмы была переброшена (по постановлению коллегии Верховного суда СССР) группа бывших руководящих и оперативных работников УНКВД: М. Плахов – начальник Н.-Тагильского горотдела, капитан гос.

---

²¹ Ягода Генрих Григорьевич – один из создателей карательной системы в СССР.

безопасн., б. член ВКП(б) с 1918 года, в органах НКВД с 1919-20 гг.; П. Костин – пом. нач. 4-го отделения УНКВД, капитан гос. безопасности, член ВКП(б) и чекист с 1921 года; Г. Файнберг – начальник Кизеловского горотдела, старший лейтенант гос. безопасности, член ВКП(б), в органах с 1920 года; И. Другов – начальник Коми Пермского Окротдела, старший лейтенант гос. безопасности, член ВКП(б), старый чекист; И. Сиротин – начальник отделения УГБ, в момент ареста – зам. нач. ОМЗ УНКВД, член ВКП(б) с 1921 года; Н. Куревич – пом. нач. отделения УГБ, член ВКП(б). Все они были арестованы Дмитриевым весной 1937 г.

Внутренняя тюрьма НКВД Свердловской области. Фото из открытых источников

Очутившись в городской тюрьме, Плахов, Костин, Файнберг и Сиротин связались с камерой № 39, где сидят тоже сотрудники УНКВД, и сообщили нам о неслыханном произволе, имевшем место в УНКВД в бытность Дмитриева. Из сообщений (записок) Костина и Файнберга видно следующее: оперуполномоченный 3-го отдела УНКВД Гайда при допросе дал им понять, что Дмитриевым был задуман широкий план уничтожения старых чекистских кадров на Урале. Перечень и имена чекистов, сидящих в тюрьме (и освобожденных уже с приходом тов. Викторова²²), являются реальным подтверждением заявления Гайды.

Осуществление своего плана Дмитриев начал с ареста целой группы руководящих работников обл. аппарата и районов: В. Весновского, А. Казанского, М. Плахова, А. Морякова (который еще в апреле 1937 года на областном чекистском активе в клубе имени Дзержинского выступил с критикой и разоблачением теневых сторон Дмитриева по работе в Москве и вскоре после этого был арестован), Н. Костина, Е. Иоэль, А. Корякина, И. Блиновского и других, составлявших якобы первую очередь плана.

С этим же периодом совпадает самоубийство начальника Пермского горотдела – капитана госбезопасности Л. Лосося. Несколько позже арестовывается новая группа старых чеки-

---

²² Викторов Михаил Петрович – руководитель УНКВД в Свердловской области в 1938 году, освободил около тысячи человек... для того, чтобы снова отправить их в лагерь.

стов: М. Абрамов, Б. Лосев, Н. Петухов, В. Воронов, В. Челноков, А. Самойлов, И. Буланов, В. Колосников, В. Мужиков, С. Варанов (последние пятеро просидели в тюрьме от 10 месяцев до года, некоторые из них были уже осуждены, а с приездом Викторова – освобождены).

Готовились к аресту в порядке последней очереди (осуществлению чего помешало внезапное снятие Дмитриева и арест его заместителя Боярского) остальные старые кадры: пом. нач. УНКВД Е. Богуславский, начальник отдела кадров Н. Энно, начальник 1-го отдела И. Полуянчик, начальник 5-го отдела Г. Граховский, зам. начальника ОМЗ И. Шур, особо уполномоченный Н. Калугин и другие. В общей сложности из старых кадров по области уцелели одиночки, все остальные арестованы и по второму году сидят под следствием в тюрьме. Пересадив старый чекистский костяк, Дмитриев хотел всех огульно опорочить и создать из одних – членов контрреволюционной организации правых, из других – шпионов немецкой и латвийской разведки. Для достижения этого замысла были пущены в ход все средства: от провокации до избиений и инсценированных расстрелов.

Избиения проводились в подвале... Технику физического воздействия они (Сиротин, Файнберг, Костин) описывают так: сначала арестованных помещали в камеры внутренней тюрьмы в КПЗ, в камеры №№ 1, 5 и 6. Это сырые, холодные каменные мешки. Там их предварительно выдерживали, а потом вели в подвал... Им предлагали подписать заранее за-

готовленное заявление о принадлежности к правым или германской разведке. Не согласившимся подписывать грозили побоями, а если это не действовало – начиналось избиение.

Били резиновой дубиной (длиной 0,5 м. квадрат сечения 5×5 см) по ногам, бедрам, спине, предварительно сбив с ног, кроме резины применялся еще железный кастет. Криков и стонов не стеснялись... Избиениям подвергнуты Костин – 6 раз, Файнберг – 2 раза, Плахов, Другов, Бахарев (после побоев Бахарев «сошел с ума» и 16 августа умер в тюремной больнице в Перми) и Курсевиц. До них жестоким физическим издевательствам подвергался Моряков (утверждают, что от побоев он и умер). Над Курсевицем наряду с избиением (ему враз было дано 40 ударов резиной), инсценировали расстрел... После этого его 100 дней держали на режиме смертника. Такую же инсценировку устраивали 11 февраля 1938 года над Плаховым. Добаша держали 56 часов на конвейере (непрерывный допрос разными следователями с целью получения «нужных» следствию показаний), добиваясь подписи под заявлением о принадлежности к германской разведке.

Избивали оперсотрудники 3-го отдела Гайда, Хальков и Харин. Последние двое по представлению Дмитриева награждены орденами. Вокруг них Боярским искусственно создана слава как о «лучших следователях» Управления. Руководили избиениями, но на них не присутствовали: нач. 3-го отдела Боярский и зам. нач. 3-го отдела Литваков (родствен-

ник Дмитриева, которого он привез с собой из Москвы).

После перенесенного позора Файнберг, Плахов, Сиротин и другие пришли к выводу – находясь в КПЗ на положении смертников и будучи лишенными всякой возможности дать знать о себе или кому-либо пожаловаться, чтобы выбраться из подвала, они решили встать на путь дачи заведомо ложных показаний, а при первой же возможности сообщить об этом центральным органам (так они впоследствии и сделали). Таким путем дали показания Файнберг, Плахов, Сиротин, Бахарев, Другов, Греккер.

Костин якобы подписал только заявление, и за отказ дать провокационные показания Литваков и Гайда держали его 10 месяцев в подвале на режиме смертника. Всем им предъявлялись заранее заготовленные протоколы, в которых они должны были признать себя участниками контрреволюционной организации или шпионами. При этом Литваков, Гайда и Хальков настойчиво предлагали им записывать в протокол показания тех чекистов, которые еще не арестованы, и тех, кто уже сидел, но не поддавался провокации.

Так у Костина требовали, чтобы он включил в свои показания Петухова (пом. нач. ОМЗ), Воронова (начальника 4-го отделения Коми-Пермяцкого Окротдела), а от Плахова требовали показания на Челнокова (начальника 3-го отделения Н-Тагильского горотдела). Для большей полноты и объективности картины допросов и методов воздействия воспроизводим сообщение Сиротина. Он пишет: «16 марта 1938

года Литваков и Гайда предъявили мне заявление и показания Файнберга, Костина, Плахова и др. сказали: «Мы знаем, что ты не виноват, но так сложилось дело, что ты должен дать показания. Мы имеем задание получить их любой ценой и средствами, будем допрашивать в подвале...». Когда же я сказал: «Буду жаловаться на вас и расскажу об этом на Военной коллегии», – Литваков, Гайда цинично ответили: «Жалоб мы не пропустим, судись же вас будет не ВК, а Особое Совещание НКВД, ему дано теперь право стрелять».

22 марта меня спустили в КПЗ. Я обдумал свое положение и пришел к выводу, что так и так смерть, и решил «показывать» все, что потребуют. 1 апреля в 2 часа ночи меня вывели в подвал, продемонстрировали все его особенности, предупредили, что кричать бесполезно, и указали на резиновую дубину. 3 часа я стыдил их, но, когда дело дошло до пыток, подписал заявление (о чем тут же, из подвала, было доложено по телефону Боярскому).

По указанию Гайды я подписал также и приготовленный им протокол, в котором были включены фамилии следующих работников УНКВД: Самойлов (бывший зам. нач. Управления, арестован),

Счастливец (бывший нач. 3-го отдела, отозванный для работы в Москву), Богуславский, Энно, Ермолаев, Блиновский и Антонов. Кроме этих лиц Гайда настойчиво требовал записать в показания Петухова, Шур, Абаимова, но зная их близко, я уклонился и в протокол не записал».

Показания, добытые провокацией и резиновой дубиной, окончательно монтировались Боярским, Литваком и Кричманом. Протоколы, доведенные до жуткой фантазии, давались на подпись арестованным, а потом докладывались Дмитриеву. После того, как Плахов, Греккер, Сиротин и Файнберг были переведены из подвала в КПЗ, им удалось нелегально послать жалобу на имя тов. Сталина и тов. Ежова. Они уверены, что эта жалоба из Москвы кем-то была направлена Дмитриеву для расследования, так как Дмитриев и Боярский совершенно неожиданно вызвали их и пытались натравить их друг на друга. Но когда они лично подтвердили Дмитриеву об избиениях, он не придавал этому заявлению особого значения. Не удивился и тому, что Гайда, Хальков и Харин, избивая арестованных, ссылались на Ежова и Политбюро, якобы санкционировавших расправу с врагами народа любыми средствами.

Как видите, наглость этих мерзавцев не знала границ. В результате жалоба осталась не только не расследованной, а ей не придано значение. Это доказывается хотя бы тем, что Ф. Греккер, подписавший жалобу в числе 4-х, не был даже допрошен по ней, а 15 августа его пропустили через Военную коллегия и осудили. Только махровый враг революции мог проводить такую практику, которая имела место в Свердловске.

Сейчас новое руководство УНКВД в лице тов. Викторова как будто добирается до корней вражеской деятельности

Дмитриева и Боярского. Но устранение последствий этой деятельности проводится исключительно медленно. Несмотря на то, что система провокации и подлогов выявлена как в областном аппарате, так и в крупнейших горотделах (Пермь, Н-Тагил, да и Березники не должны составлять исключения в этом), виновники до сих пор остаются на своих местах. Пока дело ограничилось переброской в Москву главного вдохновителя этой системы Дмитриева, да вслед за ним уехал и Литваков. Арестованы же только Боярский и Левочкин (за Пермь). Целая группа работников, принимавших активное участие в этой «Панаме», на сегодня не только не привлечены к ответственности, а даже не отстранены от оперативно-следственной работы. Вот их фамилии: Гайда, Хальков, Харин, Кричман, Ерман (из кабинета которого подследственные выбрасывались на улицу), Морозов, Шумков, Горшков, Арров, Тепышев, Трубачев, Катков, Шейнкман, Мизрах, Сааль, Титов...

Посылая настоящее заявление, мы прежде всего имеем в виду сигнализировать о недопустимых и чуждых советскому строю методах работы, которые стали просачиваться в органы НКВД на рубеже их двадцатилетия. По нашему мнению, эта сигнализация заслуживает именно внимания Политбюро ЦК ВКП(б), так как по сведениям (требующим проверки) такие же перегибы и извращения имели место в Ленинграде (при Заковском), Крыму, Сибири и Лефортовской тюрьме НКВД в Москве. Они неизбежно должны быть в Челя-

бинске, где начальником УНКВД в тот период был Чистов – достойный ученик Дмитриева, до этого являвшийся его заместителем, который еще в Свердловске показывал личные примеры провокации в следственной работе.

Мы твердо убеждены, что, если бы делами Свердловского Управления НКВД занялась специальная комиссия ЦК ВКП(б) и Союзной Прокуратуры, вражеская деятельность Дмитриева вскрылась бы со всей полнотой. Для этого достаточно взять на проверку следственные дела, пропущенные через несудебную тройку, состоявшую из врагов: Дмитриева, Бермана (бывший второй секретарь обкома) и третьего члена тройки – прокурора Урал ВО Шмулевича.

Настоящий документ посылается в несколько адресов потому, что мы не уверены (испытав это на себе), дойдет ли он по назначению, если послать его только в один адрес. Практика последнего года показала, что многие документы, адресованные членами ЦК и Правительства, не доходили до них, а застревали в Свердловске.

В связи с этим больше, чем странным является такой факт: жалоба Плахова, Сиротина, Греккера на беззакония Дмитриева, адресованная Ежову, из Наркомата была направлена для проверки тому же Дмитриеву... И неудивительно, что эта жалоба осталась не только без последствий, но и не увидела света.

Бывшие сотрудники УНКВД Петухов, Блиновский, Челноков.

13 сентября 1938 года г. Свердловск».

Первая публикация статьи «Письмо из камеры № 39...».

Фото из архива автора

Во время ознакомления с материалами дела, мне было неизвестно, дошло ли это письмо-заявление свердловских чекистов в Москву, хотя для того, чтобы это случилось наверняка, авторы, как это видно из текста, приложили немало усилий, целеустремленности и высокого профессиона-

лизма. Я решил тогда, что, вероятно, письмо дошло, потому что маховик репрессий на Урале резко сбавил обороты. В Свердловск прибыла бригада сотрудников следственной части НКВД СССР для «расследования анонимного письма». Его авторы и другие находившиеся в заключении по сфальсифицированным обвинениям сотрудники Управления были освобождены. К сожалению, дальнейшая судьба многих из них неизвестна.

Свердловск 30-х, слева – здание Управления НКВД в Свердловской области. Фото из открытых источников

В архиве УФСБ по Свердловской области есть докумен-

ты, доказывающие, что, находясь внутри репрессивного механизма 30-х годов и осознавая огромные масштабы творимого зла, некоторые уральские чекисты пытались открыто вести борьбу с этим злом.

Так, 4 февраля 1938 года на партсобрании УНКВД выступил чекист, член партии с 1925 года Николай Александрович Черных, 1904 года рождения, который подверг резкой критике практику необоснованных арестов и фальсификации следственных дел. После такой открытой критики он немедленно был обвинен в клевете на органы НКВД, исключен из партии и вскоре арестован. Николаю Александровичу «повезло»: он не был осужден, его освободили. С 1940 года, по архивным документам, он находился в действующей армии, в 1944 году – подполковник, награжден четырьмя боевыми орденами. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Валерий Александрович Весновский, 1900 года рождения, член ВКП(б) с 1919 года, замначальника УНКВД Свердловской области, на партсобрании отдела выступил с осуждением незаконных методов следствия, за что был из органов уволен, а затем по сфальсифицированным материалам 14 января 1938 года был приговорен к высшей мере наказания и в этот же день расстрелян...

Иосиф Альбертович Добош, венгр, 1893 года рождения, служил в органах госбезопасности с 1919 года и был награжден двумя револьверами за безупречную службу, но это не спасло его от политических репрессий.

Заместителю начальника отдела кадров Свердловского управления НКВД Иосифу Добошу, который за раскрытие и ликвидацию реальных шпионско-диверсионных групп имел звание «Почётный чекист», самому предъявили обвинения в организации одной из таких групп²³. В марте 1938 года его арестовали, посадили в тюрьму и с помощью недопустимых мер воздействия пытались выбить признательные показания, но Добош не «раскололся». Наверное, его бы расстреляли или надолго отправили на Колыму, но жена Добоша Анна Васильевна, как настоящая декабристка, стала писать письма Иосифу Сталину. Её старания увенчались успехом: вскоре следователи по делу Добоша были арестованы, обвинение развалилось, и в начале 1939 года его выпустили на свободу. Мужа Анны Васильевны оправдали, но в органах НКВД он больше никогда не работал²⁴. Умер Иосиф Добош в 1954 году.

---

²³ *Документально подтверждено реальное наличие и деятельность диверсионных групп в 20-е и 30-е годы. Еще и двадцати лет не прошло с октября 1917 года, далеко не все население страны приняло революционные преобразования...*

²⁴ *Станислав Мищенко, Облгазета. ru; № 199 от 30.10.2019*

Иосиф Альбертович Добош. Не позднее 1937 г. Удостоверение сотрудника ОПТУ ПП по Уралу И.А. Добоша. 21 июля 1926 г. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Фото из открытых источников

Лосос Леопольд Георгиевич родился в 1899 году. Честно дослужился до звания капитана госбезопасности. По клеветническому доносу был арестован, не вынес унижения, выбросился 31 июля 1937 года из открытого окна кабинета следователя НКВД, разбился насмерть²⁵.

Курсевич Николай Георгиевич, латыш, родился в 1897 году. Был арестован в 1937 году, осужден в 1939-м. Однако сфабрикованное дело было прекращено, Николая Георгиевича освободили. В ноябре 1942 года Николай Курсевич – командир батальона 427 стрелкового полка. Погиб на фрон-

²⁵ <https://newdaynews.ru/НОВЫЙДЕНЬЕкатеринбург25.06.2014>

те.

Курсевич Н.Г., из следственного дела. Фото из открытых источников

В обстановке, когда любое инакомыслие жестоко подавлялось, нужно было обладать незаурядным мужеством, чтобы открыто выступать против репрессий. Настоящие чекисты приняли удар на себя первыми и понесли существенные потери. Невозможно подсчитать, сколько жизней они спасли: десятки, сотни, тысячи. Точная и полная картина репресс-

сий против настоящих чекистов-уральцев до сих пор не установлена.

Через несколько месяцев после публикации в январе 1991 года в газете «Вечерний Свердловск» письма-заявления бывших сотрудников НКВД из камеры № 39, в котором арестованные по надуманным обвинениям чекисты сигнализировали о недопустимых и неоправданно жестоких методах работы НКВД, на мое имя пришло письмо из Тулы от Анны Семеновны Шалагиновой. Как оказалось, Анна Семеновна – жена П. И. Петухова, одного из авторов письма из камеры № 39.

Вот, что она писала тогда: «Газету «Вечерний Свердловск» от 3 января 1991 года мне прислал родственник, сопереживавший трагическим событиям, постигшим нашу семью в то страшное время. Мой муж Петухов Павел Иванович был арестован 24 августа 1937 года по доносу человека, работавшего в управлении и «дружившего» с моим мужем. Их сблизил интерес к литературе. В 1936 году в страну приехал французский писатель Андрэ Жид, его очень хорошо принимали.

По приезде во Францию он написал очерк о своем пребывании в СССР и наряду с разными взглядами на нашу жизнь и настроения людей отозвался о противоестественной фетишизации Сталина. В газете «Правда» по этому поводу была отповедь на отзывы А. Жида... Обсуждая с «другом» эту статью, мой муж высказался о том, что А. Жид прав: «У

нас действительно обожают Сталина». Через несколько дней мужа «взяли», как говорили в то время. Я осталась на седьмом месяце беременности с четырехлетней дочкой...

Знаю, что мой муж виновным себя не признал, заявив, что разговор о книге А. Жида никогда не вел...

Анна Семеновна писала следующее: «Жили мы в Городке чекистов, в соседнем корпусе жили Весновские. По-соседски мы общались, очень уважали их. Несмотря на высокое (по сравнению с мужем) звание, он и она были очень простыми людьми и пользовались всеобщим уважением. У него (Весновского) были ордена – Красного Знамени и другие, еще со времен гражданской войны. Семья их состояла из четырех человек: его старенькая мама, жена и сын шестнадцати лет – Саша. Весновский был арестован раньше мужа.

«Дела» врагов народа. Фото из открытых источников

Аресты шли вовсю. И выходя утром во двор каждый раз узнавали новости: кого-то еще «взяли». Не стоит описывать весь ужас жизни, обрушившийся на меня после ареста мужа. Но невольно общее горе сблизило нас, жен тех, кто оказался в камере № 39.

Долго я ничего не знала о муже, где он и за что сидит. А следователя мне указал Ф. М. Греккер, который продолжал еще работать, я к нему и обращалась сперва, так как знала его хорошо, и муж был его помощником. Но он мне ничем не мог помочь...»

Городок чекистов строится. Свердловск 30-е годы. Фото из открытых источников

Вот информация из архивно-следственного дела: Греккер Федор Мартынович, 1896 года рождения, уроженец усадь-

бы Талтынъ Зельбурской волости Фридрихштадтского уезда Курляндской губернии, латыш, родился в семье сторожа баронского леса. После смерти отца его хозяйство было распродано за недоимки. Мать стала работать по найму у частных лиц (стирала белье, мыла полы и т. п.). С 9-летнего возраста Федор Греккер работал пастухом, в 12-летнем возрасте поступил на фабрику посыльным, учеником и токарем по дереву. В 1915 году призван в царскую армию, где служил до декабря 1917 года. В январе 1918 года поступил в Красную гвардию, с апреля 1918 года член ВКП(б). С июля 1919 года непрерывно работал в органах ЧК – ОГПУ – НКВД. В 1937 году временно исполнял обязанности особоуполномоченного. Был арестован 29 июля 1937 года, осужден 15 августа 1938 года, расстрелян.

Супруга Павла Ивановича Петухова писала: «Знаю, что муж объявлял голодовку, голодал 19 дней. Через несколько месяцев после родов мне объявили, что я получу свидание. Свидание состоялось в кабинете тюрьмы, куда изголодавшегося мужа привели под руки. После этого стали разрешать и передачи. Многие сотни людей толпились в очередях на передачу. Тюремный двор был запружен, и стоять приходилось с 5–6 утра, до 4–5 вечера пока дойдешь до окна, хотя их было несколько. Чтобы прокормить себя и детей и поддерживать передачами мужа, продавала все, что было возможно.

Из жен зеков 39-й камеры я подружилась с Еловских Симой – женой Колесникова В., Бурмистровой Анфисой (фа-

милию ее мужа забыла), встречались и с Весновской. Связь с мужьями мы осуществляли конспиративно: научились разным способам. И вот ко мне приехала из Тагила жена Челнокова, привезла вот это самое письмо, которое передали из тюрьмы с наказом: «Доставить в Москву, ни в коем случае не доверяя почте!».

Из архивно-следственного дела: Челноков Василий Петрович, 1903 года рождения, уроженец Кургана, сын крестьянина-бедняка, русский, с начальным образованием, член ВКП(б) с 1928 года, начальник 3-го отделения Н-Тагильского ГО УНКВД, лейтенант госбезопасности, женат (жена Валентина Георгиевна и трое несовершеннолетних детей) был арестован органами НКВД 13 сентября 1937 года и обвинен в том, что «...имея достаточно компрометирующие материалы на ряд контрреволюционных диверсантов (например, Полумордвинова, Галахова, Никольского), не разоблачил их и не привлек к ответственности. Не раскрыл контрреволюционную деятельность ряда диверсионных групп на Высокогорском руднике и руднике III Интернационала, выхолостил политическую сущность из дела Вахрушина, переквалифицировав преступление этого диверсанта на должностное преступление, не разоблачил вредителя Игошева, поддерживая с ним бытовые отношения и давая прямые установки способствовать ему в работе», то есть в совершении преступления, предусмотренного ст. 58–14 УК РСФСР (контрреволюционный саботаж – прим. автора). В предъяв-

ленном преступлении виновным Челноков себя не признал. В феврале военным трибуналом дело было возвращено для дополнительного расследования, мера пресечения была изменена на подписку о невыезде. Однако, после 21 октября 1937 года о Василии Петровиче нет никакой информации. Вероятно, вновь арестован и расстрелян...

Анна Семеновна Шалагинова писала: «25 марта 1938 года Челнокова предложила отправить паломников с заявлением в Москву, потому что в приемной дежурный чекист сказал, что для этих дел существует почта, что в приемной у них стоит для этих целей ящик. Он нам предложил опустить в него наши письма, мы отказались. Тогда он спросил, не семейные ли мы? И когда мы ответили: «да», «дома дети», этот дежурный чекист заметил иронически: «Жертвами хотите стать?». Мы ушли и по дороге оглядывались, может, уже за нами идут?

Из рук в руки нам (женам Петухова, Морякова и Челнокова) удалось передать пакет с заявлением в приемной М. И. Калинина. Дежурный там выслушал нас, записал, принял письмо и сказал, что ничего не может обещать по существу нашего изложения, кроме того, что пакет будет в канцелярии Михаила Ивановича. Простившись с Моряковой, мы уехали из Москвы и с Челноковой тоже больше не встречались, так как она жила не в Свердловске...

Весновская пережила страшную трагедию. В год ареста ее мужа у нее родилась дочка Оксана, которую отец так и

не увидел. Но горше того – трагически погиб сын Саша, которого исключили из комсомола как «сына врага народа». Она знала, что муж умышленно подписался после пыток подо всем, что ему инкриминировали, ему пообещали жизнь и свидания с женой. Она скрыла от него, что сына уже нет и стойчески выслушивала его поручения: подарить сыну охотничье ружье и болотные сапоги, и чтобы Саша фотографировал Оксану каждый месяц. Весновская приносила ему фотокарточки дочки, говоря, что это делает Саша. Не забыть никогда ту похоронную процессию в Городке чекистов, когда она шла за гробом сына с младенцем на руках. О расстреле мужа она узнала по конспиративному каналу. Она поклялась, что посвятит всю оставшуюся жизнь, чтобы обелить его память. Ведь никто из нас и не думал, что такое время настанет. Похоронив мать мужа, она уехала, кажется, в Кострому. Дальнейшие годы жизни всех нас разбросали...».

Из архивно-следственного дела: 23 сентября 1937 года следствие по делу Павла Ивановича Петухова было закончено. Военный трибунал войск НКВД Уральского округа 10 ноября 1937 года в закрытом судебном заседании в Свердловске на основании ст. 58–10 ч. 1 УК РСФСР (антисоветская агитация – *прим. автора*) приговорил его к лишению свободы сроком на шесть лет, с поражением прав сроком на два года. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 января 1938 года приговор по делу был отменен и дело возвращено на доследование для выяснения взаимо-

отношений Петухова со свидетелями. К моменту доследования дела свидетель, давший показания на П.И. Петухова, сам был арестован и помещен в ту же камеру № 39. В камере он признался, что дал на Петухова ложные показания. Поэтому постановлением военного следователя военной прокуратуры от 16 декабря 1938 года дело на Петухова было производством прекращено. Дальнейшая судьба Павла Ивановича Петухова неизвестна...

Мужиков Виктор Николаевич родился в 1907 году. Был начальником сначала Алапаевского РО УНКВД, затем Исовского РО УНКВД Свердловской области, арестован в должности начальника Исетского РО УНКВД Челябинской области. Вероятная дата смерти 21 октября 1937 года.

Моряков-Флотский Александр Петрович родился в 1899 году. До ареста – начальник Лысьвенского ГО УНКВД Свердловской области. Арестован как враг народа. Осужден к высшей мере наказания. Расстрелян 15 января 1938 года.

Среди граждан, подвергшихся репрессиям, можно встретить людей разного социального статуса: от рабочего Среднеуральского медеплавильного завода, уроженца Кубы Романа Фернандеса до первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) в 1934–1937 годах Ивана Кабакова. Люди того времени не видели разницы между ними и назначали высшую меру наказания без оглядки на заслуги.

Наиболее яркий пример – начальник управления НКВД по Свердловской области в 1934–1936 годах Илья Решетов.

Опытный революционер, комиссар государственной безопасности третьего ранга, до революции он прошел испытания сибирской ссылкой. Но это не помешало его расстрелу в 1937 году за «участие в контрреволюционной террористической организации правых». Позже выяснилось, что обвинение против Решетова было выдуманным, как и сама организация правых. Подчинённые комиссара в Свердловском управлении НКВД тоже не избежали репрессий. Борьба с «решетовщиной» доходила до того, что чекисты из одного подразделения ловили коллег из другого и наоборот. Их тайны до сих пор хранит Городок чекистов в центре Екатеринбурга, построенный в 30-е годы для работников ОГПУ. Лучшие друзья, соседи, родственники порой «закладывали» друг друга по фантастическим для современного человека обвинениям.

Взять хотя бы старшего лейтенанта госбезопасности Александра Казанского, который в 1938 году под давлением коллег собственноручно написал наркому внутренних дел СССР и одному из организаторов массовых репрессий конца 30х годов Николаю Ежову, что он входил в решетовскую контрреволюционную организацию и занимался вредительской деятельностью по линии «чекистско-оперативной работы». За эти расплывчатые обвинения ему дали восемь лет лагерей. Но парадокс в том, что Казанский, бывший родом из семьи священника, искренне не мог понять, почему его обвинили в приверженности правым взглядам: в 1929–1930 годах он лично разгромил в Москве всесоюзную монархическую организацию, реально связанную с польской разведкой. По этому делу расстреляли 300 человек, а когда чекиста Казанского перевели из Москвы на Урал, то, как он пишет, «попы на радостях целые полгода молебны служили»²⁶.

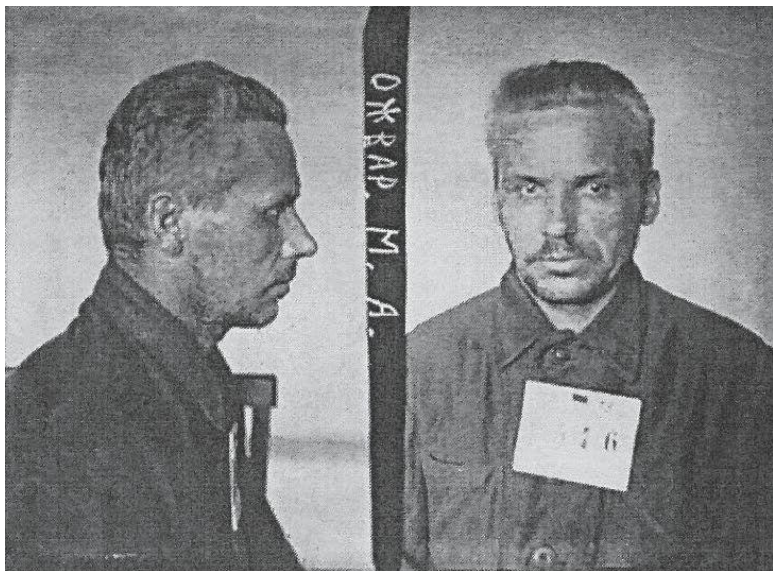
Преследованиям подвергались и гражданские работники Городка чекистов, вот дело Матвея Ожвара. Повар столовой НКВД Матвей Ожвар попал под следствие из-за обвинений в отравлении мышьяком мяса для чекистов. Ожвар – венгр,

---

²⁶ Из интервью с Ильей Демаковым, главным археографом отдела научно-справочного аппарата, использования и публикации архивных документов Государственного архива административных органов Свердловской области; *Областная газета*. ru; № 199 от 30.10.2019

ярый революционер, член ВКП(б). Откуда повар взял мышьяк, следствие так и не выяснило. Дополнительно Ожвара обвинили в диверсии на железной дороге Свердловск-Челябинск и в работе на германскую разведку. Его арестовали весной 1938 года, но через полгода все обвинения с него сняли. Как написал следователь Григорьев в постановлении о прекращении уголовного дела, «показания обвиняемого не соответствуют действительности».

Практически все дела честных чекистов рассматривались так называемыми «тройками», а следствие велось «ускоренно и в упрощенном порядке» по приказу Народного комиссариата внутренних дел СССР от 31 июля 1937 года № 0447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Приказ ставил задачу разгрома «антисоветских элементов» и создание для ускоренного рассмотрения дел такого рода «оперативных троек». В «тройку», как правило, входили местный начальник НКВД, местный прокурор и первый секретарь областного или республиканского комитета ВКП(б).

Матвей Ожвар. Фото из открытых источников

Заседания «троек» проходили в отсутствие обвиняемого, без адвокатов. Признал себя арестованный виновным (читай, оговорил себя) или не признал, никакого значения не имело. Приказ не предусматривал обжалования приговоров, поэтому они исполнялись обычно в день вынесения.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания тройки при Управлении НКВД СССР по МО от „ 9 “ X 1937 г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

96, дело № 7329 по обв.
 ОРЛОВА Александра Василье-
 вича, 1883 г. р. ур. МО, Мелни-
 ского р-на, с. Хонятино,
 священник, в 32г. осужд. тр.
 III ОГПУ МО по ст. 58/10 и
 II УК и 3г. ИТЛ-отбыл.
 Обвин. в том, что вел к
 агитации против сов. в/д
 и ВКП/б/, агитировал людей
 водить детей в церковь.

ОРЛОВА Александра Ва-
 сильевича,

РАССТРЕЛЯТЬ.

Секретарь тройки

Протокол тройки о расстреле священника. Фото из архива автора

Выписка из протокола

судения тройки при УНКВД Свердловской области от 30/ХП - 1937 г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

909. ДЕЛО № 38579 УГВ УНКВД по обвинению ПРОКОПЬЕВОЙ Марии Николаевны, 1903г.р., ур.с.Арамилъ, того же района. дочь кулака. Муж осужден.

Обвиняется в том, что будучи враждебно настроенной по отношению к Советской власти, работая на МТФ проводила к-р вредительскую деятельность в кормлении скота, в результате чего пало 96 голов скота.

Среди населения высказывала к-р террористические намерения по адресу коммунистов и сельского актива.

Угрожал совершением террористического акта над зам.Пред.колхоза ПИ... ..

ПРОКОПЬЕВУ
МАРИЮ НИКОЛАЕВНУ -
РА С Т Р Е Л Я Т Ь
ЛИЧНО ПРИНАДЛЕЖАЩЕ
ИМУЩЕСТВО КОНФИСКОВАТЬ.

Секретарь тройки УНКВД

Верно: Инспектор 8 отд.

КУЗНЕЦОВ/

Протокол тройки о расстреле доярки. Фото из архива автора

Вопрос. Расскажите о своем участии в
крупнейшей деятельности.
Ответ. По предложению моего заказчика в
Санкт-Петербург и совершил губернаторской
аппарат и собрал комиссию следов
для перманентной службы. Работал
в своей области в течение нескольких лет
в 1906 году в должности старшего
инженера. Весной 1906 г. сформировал
сравнительно в организации Буржуазной
Фабричной Коммуны в разобранной из-за
напряжения в работе. В 1906 г. в
Санкт-Петербурге, осенью 1906 г. в собрал
специальную комиссию о состоянии
двигателя. Удалось получить от
этой комиссии я получил много сведений
по этому делу. Задача от
производства лесовосстановительных работ
Управления 1906 г. Матвей Ожвар

Вопрос. Назовите учреждения и организации
в которых вы работали, кем вы занимались
и каковы были ваши обязанности в этих
учреждениях и организациях.
Ответ. Мне много известно, кем вы занимались
и каковы были ваши обязанности в этих
учреждениях и организациях. В
Буржуазной Фабричной Коммуне и в
Временной Комиссии по устройству
электрического завода. В течение 1906 г. в
период работы в Буржуазной
Фабричной Коммуне, кем вы занимались,
каковы были ваши обязанности в
этом учреждении. Матвей Ожвар
Временная комиссия по устройству
электрического завода. В течение 1906 г. в
период работы в Буржуазной Фабричной
Коммуне, кем вы занимались, каковы были
ваши обязанности в этом учреждении.

архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Фото из открытых источников

Вскоре после смерти И. Сталина 5 марта 1953 года, Лаврентий Берия приказал освободить переполненные лагеря ГУЛАГа. 27 марта было освобождено сразу 1 миллион 200 тысяч заключенных, которых не считали угрозой для общества, осужденных не по политическим, а по общим и уголовным статьям. Пересмотр дел продолжился и после ареста Берии 26 июня 1953 года. Специальные комиссии просматривали дела осужденных за «контрреволюционные» преступления. Всего было рассмотрено около 237 тысяч дел по 58 статье УК РСФСР: 53 % приговоров были оставлены в силе, 43 % – значительно смягчены, лишь 4 % приговоров были отменены.

Возвращение из лагерей. 1953 г. Фото из открытых источников

Историки считают, что красный террор начался еще в 1917 году. Но на поток поставил террор против собственного народа Генрих Григорьевич Ягода (при рождении Енох Гершенович), первый в советской истории генеральный комиссар госбезопасности. Троцкий саркастично называл его «усердным ничтожеством», т. к. кроме родства с Яковом Свердловым (троюродный брат) Ягода никакими талантами не обладал, но именно он был создателем системы, которая безжалостно перемалывала всех, независимо от ранга и политических взглядов, и сам он в конце концов стал её жерт-

вой. Ягода был наркомом внутренних дел всего два года, но маховик репрессий успел раскрутить.

Генрих Ягода – человек, одного имени которого в середине 30-х годов XX века боялись и сопартийцы в верхушке власти, и обычные люди. Именно он основал ГУЛАГ, ставший символом репрессивной системы, и заложил фундамент для грядущих массовых расправ над неугодными. Однако ни заслуги перед партией, ни высокий чин не спасли наркома от порожденного им же самим молоха тоталитаризма.

В 1936 году он был снят со всех постов, а в 1938-м расстрелян²⁷. Помимо стандартных и абсурдных обвинений в участии в троцкистско-зиновьевской организации, подготовке государственного переворота и шпионаже в пользу Германии Ягода обвинялся в отравлении Менжинского и Горького и в намерении убить Сталина.

На смену Генриху Ягоде наркомом НКВД был назначен Николай Ежов, заслуживший из-за своей жестокости и низкого роста прозвище «кровавый карлик», он заставил машину репрессий работать круглосуточно. Именно с именем Ежова связаны массовые репрессии 1937-1938 годов²⁸.

Ежов был арестован в 1939 году по обвинению в измене Родине в форме шпионажа; склонении иностранных государств к войне с СССР; подготовке к вооруженному восста-

---

²⁷ <https://24smi.org/celebrity/13491-genrikh-iagoda.html>

²⁸ <https://rus.delfi.ee/statja/95143167/vzryvnoy-harakter-i-strast-k-nasiliyu-kakim-byl-krovavyy-karlik-narkom-nkvd-nikolay-ezhov>

нию и террористическому акту; вредительстве; умышленном убийстве с целью скрыть другое преступление, да к тому же его обвинили в гомосексуализме.

Ежов был расстрелян в 1940 году.

На строительстве Беломорского канала. Фото из открытых источников

А какова же судьба бывших сотрудников УНКВД Свердловской области, которые стали усердными исполнителями провокаций, пыток и расстрелов? Будучи рьяными проводниками известной сталинской позиции: «По мере продвижения к социализму, классовая борьба обостряется», они искали все новых и новых «врагов народа». Лавина репрессий 1937-38 годов их усилиями пережесточила все мыслимые пределы. Поток жалоб и писем-сигналов на творимое

беззаконие со всех концов страны уже ничто не могло сдерживать. В такой обстановке «отцу народов» не реагировать стало невозможно. Потребовалось временное изменение тактики репрессивных органов в государстве, и оно последовало.

Не только на Урал, но и в другие места на периферию были направлены комиссии по проверке положения дел на местах. Из мест заключения на свободу были выпущены многие невинно арестованные. Жернова репрессий повсеместно несколько замедлили свой страшный ход.

Назначенный вместо Ежова Лаврентий Берия провел в НКВД «чистку»: почти четверть всех сотрудников, запачкавших чистые руки чекиста, было уволено со службы в органах. Было заменено почти все руководство НКВД республиканского, областного и районного уровней. Подверглись репрессиям многие представители прокуратуры и члены «троек».

Многочратно проверенным способом (по придуманным обвинениям в принадлежности к «контрреволюционным, изменническим» и другим подобным «организациям») расправились с наиболее кровавыми исполнителями репрессивной политики в центре и на местах. Борьба против палачей, которых привычно называли «вредителями», «шпионами», «врагами», продолжалась теми же самыми кровавыми методами.

Прошла волна судебных процессов и в УНКВД по Свердловской области. Назову только тех палачей, чьи фамилии

постоянно встречались в архивных делах невинно осужденных, тех, кто сознательно пренебрегал законом, вероятно, ради карьеры. Широко известно высказывание И. Сталина, сделанное значительно позднее, в октябре 1951 года: «У чекиста есть только два пути – на выдвижение или в тюрьму». Может, поэтому и значительная часть молодых чекистов стремилась в страшные 30-е годы делать карьеру, самоутверждаться, унижая, растаптывая других, чиня беззаконие, неся горе людям, прикрываясь громкими словами о защите революции от контрреволюционеров, оппозиционеров и диверсантов.

Секретно.

экз. № 1.

53

Протокол № 17
заседания Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам

от 23 сентября 1940 года

Председательствовал - тов. Калинин М.И.

Присутствовали члены Комиссии т.т. Шварцман М.Ф.,
Панкратьев М.И. и Меркулов В.Н.

СЛУШАЛИ:

П О С Т А Н О В И Л И:

По делам Военной Коллегии Верховного Суда СССР

1. Г. Сергей Иванович и
М. Федор Павлович поста-
новлением военного трибунала войск
НКВД Московского округа от 14-15
декабря 1939 года приговорены к
расстрелу по ст. 193-17 п. 6 УК
РСФСР за то, что производили несо-
званные аресты командного и красно-
армейского состава, активно зани-
мались фальсификацией следственных
дел, вели их провакционными метода-
ми и создавали фактивные к/р органи-
зации, в результате чего ряд лиц были
расстреляны по созданным им фактивным
материалам.

Согласиться с приме-
нением расстрела к
Г. С.И. и
М. Ф.П.

2. Давид Иосифович, он же
И. Викентий Мартынович и В.
Владислав Владимирович, он же
Д. Иосиф Максимович постановле-
нием военного трибунала Белорусско-
го особого военного округа от 31 ок-
тября 1939 года приговорены к расстре-
лу: Иванюкский по ст. ст. 68 п. а и
120 УК БССР, Васильковский по ст. ст.
22-68 п. а и 120 УК БССР за воору-
женный нелегальный переход на террито-
рию СССР с целью эмиграции в польщу иностран-
ного государства.

Согласиться с приме-
нением расстрела к И.
Д.И. и В.
В.В.

Протокол о расстреле палачей. Фото из открытых ис-
точников

Входившие в состав тройки УНКВД по Свердловской области в период массовых репрессий 1937–1939 годов тоже были осуждены. Кто они, жертвы репрессивной системы или осознанные палачи? И их перемолола карательная машина...

Борис Берман, второй секретарь Свердловского обкома ВКП(б), участвовал в Первой мировой войне, в 1917 году вступил в РСДРП(б). Участвовал в Гражданской войне, находясь в 1918–1920 годах на подпольной работе в Забайкалье и в партизанском отряде. В 1937–1938 годах – 3-й и позже 2-й секретарь Свердловского обкома ВКП(б). Входил в состав особой тройки. Арестован 28 марта 1938 года, приговорён к высшей мере наказания 28 июля 1938 года. Обвинялся в шпионаже. Расстрелян в день вынесения приговора в Хабаровске. Реабилитирован 25 августа 1956 года за отсутствием состава преступления.²⁹

Михаил Викторов, начальник УНКВД по Свердловской области с мая 1938 по февраль 1939 года, в 1941 году был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР и приговорен к 15 годам ИТЛ как участник «антисоветской организации», якобы существовавшей в органах НКВД. Умер в заключении 09 августа 1950 года в Устьвымлаге.

В 1956-57 годах Главной Военной прокуратурой по делам Дмитриева и Викторова была проведена дополнительная проверка, в результате которой их принадлежность к антисоветской организации подтверждения не нашла. Однако

---

²⁹ <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

в пересмотре дел по тому и другому было отказано в связи с тем, что под их руководством проводились необоснованные аресты, применялись незаконные методы следствия и фальсификация следственных дел.

Викторову в реабилитации было отказано повторно в 1999 году.

Дмитрий Дмитриев (настоящее имя Мейер Менделеевич Плоткин) 7 марта 1939 года Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Обвинялся он в том, что был «участником изменнической, террористической и шпионской организации, действовавшей в органах НКВД», а также в том, что «по заданию агента германской разведки Бермана собирал и передавал сведения о производственной деятельности двух уральских заводов».

Дмитриев в органах с 1920 года, был следователем в деле «Союзного бюро меньшевиков», до лета 1938 года – начальником Управления НКВД Свердловской области. Был председателем «троек», виновен в гибели сотен людей³⁰.

Несмотря на явное и активное участие в репрессиях, Дмитриев был реабилитирован в конце 1994 года, его портрет «красуется» на биатлонной базе «Динамо» Екатеринбурга на 12 километре Московского тракта, в сотне метров от могил его невинных жертв...

---

³⁰ <https://peremogi.livejournal.com/46710446.html>

Уралобком ВКП(б) 30-е годы, Свердловск. Фото из открытых источников

Репрессии в Уральском военном округе

Весной 1990 года в Управлении КГБ СССР по Свердловской области продолжалась напряженная работа по реабилитации жертв политических репрессий. Как уже отмечал, эта работа широко освещалась в местных газетах, по радио и на телевидении. В Управление часто приходили корреспонденты, брали интервью, снимали мрачное здание бывшей тюрьмы УНКВД.

Помню, как однажды посетил УКГБ и несколько дней работал в выделенном ему кабинете корреспондент газеты «Красная звезда» подполковник Коротких Игорь Павлович. Его интересовала тема репрессий против военных Уральского военного округа. Мне было поручено оказать ему помощь, найти и представить архивные уголовные дела. Я отобрал необходимые дела и консультировал его по некоторым вопросам. Коротких воевал в Афганистане, это сблизило нас, мы подружились на долгие годы до его смерти от онкологии в начале двадцать первого века, когда он уже работал пресс-секретарем губернатора Свердловской области.

Тогда по результатам его работы мы за двумя подписями опубликовали в военной газете очерк о репрессиях среди кадровых военных, ведь только за 1937 год в Свердловске

были арестованы как «враги народа» ТРОЕ (!!!) командующих Уральским военным округом. Мы оба испытали эмоциональное потрясение. Было до боли обидно. В то время ни он, ни я еще не знали о существовании директивы Ежова Н.И. о проведении в СССР в 1937 году массовой операции для планового изъятия «контрреволюционных элементов» и расстреле тех из них, кто раньше воевал в царской армии или против красных. Это у нас не укладывалось в голове. Все расстрелянные командующие занимали в стране высшие посты, были награждены высокими наградами. Были преданы Советской власти и перед самой войной были этой властью уничтожены!

Меньше чем за полгода, в январе – мае 1937 года, в Уральском военном округе было уволено по политическим мотивам почти 150 командиров РККА разного уровня, из них было арестовано 56. Арестованные обвинялись в политических преступлениях и были осуждены к высшей мере наказания (расстрелу) или к различным срокам отбывания в исправительно-трудовых лагерях.

Считаю важным отметить, что расстрелы проводились перед самой войной с фашистами, когда, как правило, у немцев командир полка был с высшим военным образованием, с опытом боевых действий Первой мировой войны, а у нас, из-за огромного дефицита кадров, иногда командовал полком старший лейтенант, вчерашний командир роты, без боевого опыта и часто без военного образования. Репрессии кадро-

вых военных, несомненно, были неожиданным и приятным подарком Гитлеру перед войной.

Вот краткая информация о расстрелянных командующих УралВО³¹.

Илья Иванович Гарькавый (19 июля 1888 г., с. Мусиенково Екатеринославской губернии – 1 июля 1937).

Родился в небогатой крестьянской семье, работал учителем в сельской школе. С началом Первой мировой войны мобилизован и отправлен в Одесское военное училище, которое окончил в 1916 году. По окончании обучения прибыл на Румынский фронт, где в звании поручика командовал ротой 260-го пехотного полка.

После Февральской революции 1917 года Гарькавый был избран членом полкового комитета, а затем председателем исполкома солдатских депутатов в Кишинёве. В феврале 1918 года вступил в ВКП(б). Служил комендантом района Особой армии Одесского военного округа, помощником военного руководителя Воронежского губвоенкомата, начальником административного отдела штаба 9-й армии. Участвовал в боях с румынскими и немецкими оккупационными войсками в Бессарабии и на Украине.

---

³¹ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/694073>

Илья Иванович Гарькавый. Четыре «ромба» в петлицах означают воинское звание «командарм второго ранга». Командующий войсками УралВО с мая 1935 по март 1937 гг.

С июня 1919 года Илья Иванович начальник штаба 45-й стрелковой дивизии. С апреля 1921 года начальник штаба командующего вооружёнными силами Украины и Крыма, с июня 1921 года начальник штаба 3-й Казанской стрелковой дивизии. С марта 1922 года помощник командующего войсками Киевского военного округа. В 1923 году окончил военно-академические курсы усовершенствования кадрового состава. Командовал 8-м стрелковым корпусом, затем возглавлял Командное управление Главного управления Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). С мая 1930 по июль 1931 года командовал 14-м стрелковым корпусом. С июля 1931 года заместитель командующего Ленинградским военным округом. В 1932 году возглавлял делегацию РККА на маневрах германского рейхсвера (так назывались немецкие вооруженные силы до 1935 года – *прим. автора*).

В мае 1935 года Илья Иванович Гарькавый был назначен командующим войсками вновь созданного Уральского военного округа и членом Военного совета при наркомате обороны СССР. В ноябре 1935 года ему присвоено воинское звание комкор (командир корпуса – *прим. автора*). Член ВЦИК и ЦИК СССР.

11 марта 1937 года комкор Гарькавый И.И. был арестован вместе со своим заместителем, комкором М. И. Василенко, по так называемому «делу Тухачевского». Он признал себя

виновным (действительно ли был участником подготовки государственного переворота или оговорил себя?). 1 июля был осуждён и в тот же день расстрелян на «Коммунарке» (по другим сведениям, покончил жизнь самоубийством, разбив голову о стену тюремной камеры).

Полностью реабилитирован в 1956 году.

И.И. Гарькавого на посту командующего войсками Урал-ВО сменил член ВЦИК и ЦИК СССР, член Военного совета при наркомате обороны, трижды награжденный орденом Красного Знамени комкор Б. С. Горбачев.

Борис Сергеевич Горбачёв (7 августа 1892 г., село Заболотье Рогачёвского уезда Могилёвской губернии – 3 июля 1937 г.).

Горбачев родился в крестьянской семье. До 16-летнего возраста работал в селе батраком, затем чернорабочим на железной дороге.

Участвовал в Первой мировой войне. После ранения служил унтер-офицером в этапном батальоне в Минске. В феврале 1917 года вступил в РСДРП(б). В 1918 г. встал в ряды РККА. Участвовал в боях с польскими легионерами генерала И. Р. Довбор-Мусницкого и германскими войсками.

С мая 1918 года Борис Сергеевич командовал Особым железнодорожным кавалерийским полком, во главе которого проводил массовые карательные операции против врагов советской власти в Смоленской губернии. Позднее воевал на

Юге России, командовал полком, затем бригадой.

В 1926 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. С декабря 1933 года Горбачев помощник, а через год заместитель командующего войсками Московского военного округа.

Горбачев Б.С., за храбрость в Первой мировой войне награжденный Георгиевским крестом, коммунист с 1917 г., легендарный комбриг Гражданской войны, был арестован 3 мая 1937 года на посту командующего войсками Уральского военного округа органами НКВД и основательно обработан следователями.

Как объяснить иначе, что 28 мая 1937 г. несгибаемый комбриг Гражданской написал заявление на имя наркома внутренних дел Н. И. Ежова с признанием, что отошел от подпольной троцкистской работы в 1925–1926 гг., но «И. И. Гарькавый снова втянул меня в троцкистскую подпольную организацию»?

Борис Сергеевич Горбачев. Командующий войсками Урал-ВО с марта по май 1937 г. Фото из открытых источников

На допросе 31 мая 1937 г. Горбачев подписал заготовленный в отпечатанном виде протокол допроса на 37 листах, где было указано, что он является участником антисоветской военной организации. В протоколе отмечено, что Б. С. Горбачев показал: «Заговор и связанный с ним план государственного военного переворота существовал и несколько раньше, мне же об этом впервые стало известно в середине 1930 г. со слов Гарькавого и Примакова, проведение военного переворота предполагается сочетать с организацией широкого крестьянского повстанческого движения в стране». Или реально существовал план военного переворота???

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 июня 1937 г. Б. С. Горбачев вместе с И. И. Гарькавым и другими командирами и начальниками «за предательство и контрреволюционную деятельность» были лишены орденов. Это означало, что они уже исключены из списков живых.

В суде Горбачев виновным себя не признал, сообщил суду, что его «показания заставили подписать», заявил, что «показания Петерсона, Егорова, Тухачевского, Путна, Корка и Енукидзе считает ложными».

Протокол заседания ВКВС СССР (Военной коллегии Верховного суда – *прим. автора*) под председательством В. В. Ульриха датирован 3 июля 1937 г. Несмотря на явные противоречия и несоответствия в показаниях, Б. С. Горбачев был признан виновным, как записано в приговоре, в том,

что «подготавливал вооруженное выступление в Московском кремле, был организационно связан с врагом народа», и приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 3 июля 1937 г., что подтверждается имеющейся в архивно-следственном деле справкой. Реабилитирован Б. С. Горбачев в марте 1956 г.

Ян Петрович Гайлит (25 мая 1894 г., Вольмар, Лифляндская губерния – 1 августа 1938 г.)

В юности батрачил у латышских богачей. В 1915 году призван в армию, а в 1916 г. окончил школу прапорщиков. Во время Первой мировой войны дослужился до подпоручика.

В 1918 г. вступил в партию большевиков. В мае 1918 г. стал командиром 1-го Латышского боевого отряда. В июне 1918 г. Гайлит Я.П. уже командовал Пензенской группой войск на Восточном фронте. С ноября 1918 г. он начальник штаба 2-й стрелковой бригады, по октябрь 1921 г. начальник 26-й стрелковой дивизии. Отличная карьера для бывшего батрака, значит, отличался храбростью и преданностью советской власти.

Ян Петрович Гайлит. Командующий войсками УралВО с

марта 1937 по август 1937 гг. Фото из открытых источников

В 1933 году Яна Петровича назначают командующим войсками Сибирского военного округа. С 1936 г. он член Военного совета при наркомате обороны СССР. 14 марта 1937 г. переведён на должность командующего войсками Уральско-го военного округа.

Уже через пять месяцев в августе 1937 года Гайлит арестован. 1 августа 1938 года приговорён Военной коллегией Верховного Суда СССР за шпионаж и участие в контрреволюционной организации к смертной казни. Расстрелян в тот же день. Гайлит Ян Петрович реабилитирован в ноябре 1956 года.

Репрессиям подверглись не только высшие командиры, но и их заместители.

Матвей Иванович Василенко (13 ноября 1888 г., с. Подставки Борковской волости Полтавской губернии – 1 июля 1937 г.)

Василенко происходил из зажиточных крестьян. Окончил гимназию, сдал экзамены в Казанский университет, проучился там два года, затем поступил в военное училище. Окончил Тифлисское военное училище в 1909 г. В том же году Василенко уже младший офицер Ахалцыгского полка. В 1912 году произведен в поручики, был командиром роты,

начальником учебной команды полка.

Участник Первой мировой войны, штабс-капитан.

После Февральской революции в марте 1917 года за личную храбрость и справедливость солдаты избрали его членом исполнительного комитета 5-й армии Северного фронта, а в июне делегировали в Петроград на 1-й Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. После Октябрьской революции Матвей Иванович Василенко оставался членом исполнительного комитета 5-й армии, выполнял обязанности начальника штаба.

По Брест-Литовскому мирному договору Советская Россия обязана была провести демобилизацию армии, включая воинские части, вновь сформированные Советским правительством. В числе демобилизованных оказался и Василенко. Его родные места оккупировали немецкие войска, и он остался в Петрограде, а в мае 1917 года окончил ускоренный курс Академии Генштаба. Тогда же академию эвакуировали в Екатеринбург, а потом перевели в Казань. 7 августа белогвардейцы захватили Казань, этот важный стратегический пункт на Волге. Адмирал Колчак восстановил Николаевскую Академию Генштаба и перевел ее во Владивосток для подготовки кадров высшего звена. Так Василенко оказался на какое-то время участником Белого движения.

По дороге на Дальний Восток Матвей Иванович бежал из эшелона, вступил в партизанский отряд и в феврале 1919 года перешёл линию Восточного фронта. Тогда же его назна-

чили командиром бригады, в апреле перевели в распоряжение командования Южного фронта РККА и назначили помощником начальника штаба корпуса, а затем начальником Экспедиционной дивизии.

С июня 1919 г. Василенко М.И. служил начальником штаба Особого экспедиционного корпуса Южного фронта, начальником 40-й стрелковой дивизии, командовал 11-й армией, действовавшей на Царицынском направлении и на Северном Кавказе.

В Астрахани он познакомился с членом Реввоенсовета этой армии С.М. Кировым, за короткий срок была налажена прочная оборона города, проведён ряд успешных наступательных операций.

В 1920 г. Василенко М. И. был отмечен золотыми часами от РВС (Революционный Военный Совет – *прим. автора*) Кавказского фронта и почетным наградным оружием от Совета народных комиссаров Азербайджана. В 1923 г. он получил серебряный портсигар от Омского губернского исполкома.

За свои весомые заслуги в Гражданскую войну в 1924 г. М. И. Василенко был награжден орденом Красного Знамени со следующей формулировкой: «Т. Василенко Матвей Иванович за то, что в наиболее обостренные периоды гражданской войны с марта 1919 г. по сентябрь 1920 г., последовательно командуя IX, XI и XIV Красными армиями, руководил боевыми действиями этих доблестных армий, усиливая

которых неоднократно приводили к решающим для нашего оружия успехам, на побережье Черного моря и по Кавказскому берегу Каспийского моря против войск Деникина и на Украине против банд Петлюры и Врангеля» (Приказ РВС СССР № 44 от 19.02.1924 г. по личному составу армии)³².

---

³² <https://archive.org/details/rkkaawards119201944>

Матвей Иванович Василенко. Заместитель командующего войсками УралВО с мая 1935 по март 1937 гг. Фото из открытых источников

Позднее среди наград М.И. Василенко появилась шашка с грамотой от коллегии ГПУ Украины (Главное политическое управление – прим. автора), а в 1933 г. – ордена Красной Звезды и Красного Знамени Армянской ССР.

Начальник 45-й стрелковой дивизии, командир 9-го стрелкового корпуса, командир 17-го стрелкового корпуса, инспектор пехоты РККА, а с 1934 г. член Военного совета при Народном комиссариате обороны СССР. Это все о Василенко М.И.

Член ВКП(б) с 1932 года. Последняя должность Василенко – с 1935 года – заместитель командующего войсками Уральского военного округа.

Арестован заместитель командующего был 11 марта 1937 г. Список лиц, предназначенных к осуждению по 1-й категории (расстрел), в котором значится Василенко, был подписан Сталиным, Кагановичем, Ворошиловым, Ждановым, Микояном 26 июня 1937 г. Обвинен в участии в военно-террористическом заговоре. Расстрелян в тот же день.

Реабилитирован в ноябре 1956 г.

В 1937-38 гг. был обезглавлен не только штаб нашего Уральского военного округа. Обезглавлены и многие дивизии. Например, командование 65-й стрелковой дивизии в

Тюмени.

Гаврюшенко Григорий Фёдорович³³ (1895 г., Харьковская губерния – 1937 г.)

Родился на станции Моначиновка Южной железной дороги (Купянский уезд Харьковской губернии) в семье кочегара. Окончил начальную школу. До военной службы работал на шахтах Донбасса катальщиком. В мае 1915 г. был призван в армию. В боях Первой мировой войны был ранен. За отличия в боях награжден четырьмя Георгиевскими крестами. После Февральской революции 1917 г. избран секретарем полкового комитета.

В Красной армии Гаврюшенко с марта 1918 г. В боях вновь был неоднократно ранен. После Гражданской войны занимал ответственные должности в Красной армии. В 1930 г. окончил КУВНАС (курсы усовершенствования командного состава – *прим. автора*) при Военной академии имени М. В. Фрунзе. В 1935 году ему было присвоено воинское звание комбрига.

---

³³ Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. *Расстрелянная элита РККА. Комбриги и им равные. 1937/1941. М., 2014, с. 52–53.*

Григорий Фёдорович Гаврюшенко. Командир-комиссар Тюменской стрелковой дивизии с марта 1932 по март 1937 гг. Фото из открытых источников

В сентябре 1931 года нарком К. Ворошилов проверял подготовку воинских частей на Урале, обратив внимание на меткого стрелка, помощника командира 57-й стрелковой дивизии с полным бантом солдатских Георгиевских крестов Григория Гаврюшенко и направил его в Тюмень командиром только что образованной 65-й стрелковой дивизии, территориально принадлежащей к Уральскому военному округу.

С марта 1932 г. Григорий Федорович командир и военный комиссар 65-й Тюменской стрелковой дивизии. Вот как его характеризовали перед аттестацией 1934 года: «С боевым опытом командир. Дивизией командует 3-й год, сформировал, сплотил, вырастил кадры. Гаврюшенко много работает над личным самосовершенствованием как по марксистско-ленинской, общеобразовательной подготовке, так и над расширением оперативно-тактического кругозора. Отличный стрелок из всех видов оружия, служит примером. Награжден орденом Красного Знамени».

Г.Ф. Гаврюшенко был арестован 19 марта 1937 года и приговорен ВКВС СССР (Военной коллегией Верховного суда – *прим. автора*) 1 июля 1937 года по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 1 июля 1937 года. Его жена, Мария Александровна Гаврюшенко, была осуждена на восемь лет лагерей.

Реабилитирован в апреле 1957 года.

Перечитывая старые, пожелтевшие за тридцать лет газеты

с моими публикациями, с горечью отмечаю, что должной памяти нашим без всякой вины загубленным соотечественникам мы так до сих пор и не отдали. Их именами не названы улицы, площади, университеты, корабли и аэропорты. Зато в стране появились сотни памятников человеку, отрекшемуся от звания царя России, прозванному в народе «Николаем Кровавым». В Иркутске стоит большой памятник Колчаку, человеку по горло в крови народной, до сих пор не реабилитированному преступнику. Рано или поздно справедливость восторжествует, я на это очень надеюсь.

Ветераны архивного отделения Управления ФСБ по Свердловской области. Именно они занимались реабилитацией невинных жертв политических репрессий. Фото из архива автора

Сталин

В век интернета любую новость мы узнаем очень быстро, если не мгновенно. В моем детстве только газеты и радио лишь периодически позволяли узнавать новости страны и мира. В каждом доме были черные картонные тарелки радио, они включались, насколько помню, три раза в день: в 9.15 и 14.15 и 21.15. Неразборчивым картонным голосом дикторы рассказывали в основном о новых стройках и достижениях рабочих и крестьян. На улицах городов стояли закрытые стеклом стенды, в которых размещались свежие номера газет «Правда», «Комсомольская правда», областных и редко районных газет. Возле стендов всегда толпились прохожие, читавшие свежие новости.

Вероятно, потому, что информация дозировалась, в молодости я не встречался с фактами политических репрессий. В школе, позднее в институте эти вопросы никогда не поднимались. Фильмы и книги были героического содержания, в основном о трудовых и боевых подвигах советских людей. В Союзе действовала официальная цензура, и о многих событиях в стране и за рубежом мы не знали. О действительной же обстановке руководство страны было осведомлено, как оказалось, правдивая информация систематически докладывалась спецслужбами, в т. ч. НКВД и другими.

Как-то работая в архиве Управления КГБ по Свердлов-

ской области, мы обнаружили толстый том сшитых листов, листов 300, где на каждой странице были напечатаны личные высказывания 5-10 конкретных жителей Свердловской области всех категорий: и рабочих, и сельчан, и интеллигенции. Всего на этих листах были записаны мнения примерно трех тысяч граждан о «сталинской конституции» 1936 года и о личности самого вождя. Я прочитал несколько страниц, потом пролистал весь том и удивился. Это была другая советская действительность, совсем не такая, как я представлял себе в детстве и юности.

Среди тысяч записанных мнений, собранных в этом странном томе, не было ни одного! положительного ни о действительности 30-х годов, ни о Сталине. Вот такой поразительный факт!

Возможно поэтому, зная досконально не парадное единодушие советских людей, а действительное положение дел в нашей огромной стране перед реальной большой войной, Сталин и выступил на мартовском 1937 года съезде партии с тезисом: «По мере продвижения к социализму классовая борьба обостряется». Это означало, что действительное количество враждебных советской власти проявлений увеличивается и будет увеличиваться еще. Была тогда и жестокая борьба за власть в самом государстве, были и реальные заговоры, вредительство, диверсии, и, конечно, хищения, взятки, использование служебного положения в личных целях и т. п. Все это расценивалось по законам того времени, как

и любая критика властей, как действия «врагов народа», и очень сурово наказывалось.

Тезис вождя об обострении классовой борьбы явился основанием для срочных и решительных действий сотрудников госбезопасности, которым вождь беспредельно доверял и, как потом оказалось, плохо контролировал. В НКВД по конкретным количественным запросам региональных руководителей партии срочно составили списки «действительных» и «потенциальных» врагов государства и издали директиву по их изъятию из нормальной жизни.

«Врагов народа» разделили на две категории: «более опасные» и «менее опасные». И нейтрализовали их в преддверии смертоносной войны. Первую категорию расстреляли, вторую отправили в лагеря на 510 лет.

Как объяснить значительное повышение количества расстрелов в 1937–1938 гг. по сравнению с типичным для остального сталинского правления. Применение смертных приговоров в течение этого года примерно в пятьсот раз выше обычных показателей. В предыдущий 1936 год, год «первого московского процесса» над «Троцкистско-Зиновьевским Террористическим Центром», начала репрессий против троцкистов, было приговорено к смертной казни 1118 человек.

В 1939 г., когда шло вычищение из НКВД «ежовских» кадров, когда были возвращены территории Западной Украины и Западной Белоруссии, когда началась вторая мировая

и советско-финская войны, было приговорено к расстрелу 2601 человек.

В военные 1944, 1945, первый послевоенный 1946 год, когда меч возмездия обрушился на головы предателей и военных преступников, когда шла война с лесными бандитами и городскими шайками, было приговорено к смертной казни соответственно: 3110, 2308 и 2273 человек³⁴.

Возможно, это была некая превентивная мера: зачистка любой потенциальной оппозиции для укрепления морально-политического единства народа...

Понятно, что кроме действительных врагов государства пострадали и многие невинные наши соотечественники, вторично привлеченные к ответственности за давние преступления, оболганные доносчиками (например, в 37-м резко увеличилось число доносов от рабочих на инженеров, поскольку заработная плата инженеров стала значительно выше оплаты труда рабочих), обманутые карьеристами из НКВД и принужденные ими к даче ложных показаний на себя и других лиц. Независимо от причины, репрессии эти остались в истории как «сталинские».

Иосиф Виссарионович Сталин был умным человеком, что без лести отмечали многие современники, в т. ч. за рубежом. Он действительно любил созданную и им самим страну – Советский Союз. Мог ли он в борьбе за власть, за «свою» прав-

ду поступать иначе в той конкретной обстановке? Он, несомненно, понимал, что Гитлер, завоевавший пол-Европы, на этом не остановится и сделает бросок на Восток, где по плану «Барбаросса» 85 процентов славянского населения будет уничтожено, а оставшиеся 15 процентов превращены в рабов.

На карту тогда была поставлена судьба и жизнь сотен миллионов наших соотечественников. Результат известен: под непосредственным руководством Сталина И.В. мы выиграли самую жестокую и кровопролитную войну с фашизмом и спасли не только свою государственность, но и все человечество. Это ведь неоспоримый факт. Был ли Сталин жесток, организуя превентивные меры к зачистке Родины от врагов? Как говорил известный писатель Джек Лондон: «Умные люди часто бывают жестоки, глупые люди жестоки сверх всякой меры». Очевидно, что Сталин никогда не был глупым человеком, страна под его руководством после разрухи Гражданской войны сумела превратиться в мощную державу.

Была ли оправдана эта жестокость? Нет ответа...

На Руси издавна народ давал своим правителям прозвища-клички, одним-двумя словами оценивая личность и ее деятельность: Царь Иван IV – Иван Грозный, Царь Николай II – Николай Кровавый, В.И. Ленин – Владимир Мудрый, Н.С. Хрущев – Никита Чудотворец, Кукурузник, Л.И. Брежнев – Леонид Добрый, Ю.В. Андропов – Юрий Долгорукий, М.С. Горбачев – Мишка Меченый, Б.Н. Ельцин – Бо-

ря-Алкаш. В народной памяти Иосиф Виссарионович Сталин остался как «Иосиф Жестокий».

Тема политических репрессий 30-х годов в СССР всегда была мощным оружием в руках США и их союзников для дискредитации Союза и его разрушения. На это Запад затратил фантастические суммы в триллионы долларов. Сегодня страны НАТО, отбросив стыд и совесть, отбросив маску «демократии» и обнажив свою хищническую, циничную суть, как международная стая гангстеров рыскает по планете, чтобы урвать для себя что-то из полезных ископаемых у других, более слабых стран. Развязывают войны, бомбят все и вся, убивают тысячи и тысячи ни в чем не повинных мирных жителей, пока внизу кроме «демократии» ничего не остается, и свои дела-«делишки» они не признают репрессиями.

Советский Союз в последние годы своего существования был не только самой большой страной мира по занимаемой территории. Он имел вторую экономику мира, был индустриальной, ядерной и космической державой. Обладал самой большой в мире степенью социально-политического единства³⁵ (в СССР – примерно 63–65 %, в США – примерно 52–53 %, *прим. автора*). Это было главное наше достоинство и оружие!

Десятки лет США и его западные лакеи рассказывали всему миру, что Советский Союз «империя зла», что за годы

---

³⁵ <http://www.politicwar.ru/politika/240082.html>

Советской власти только тем и занимались, что морили голодом, притесняли и расстреливали свой народ. После организованного ими уничтожения СССР с помощью ЦРУ и предателей из верхушки КПСС они мечтают расправиться с нашей Родиной – Россией. Для этого не жалеют никаких денег, чтобы дестабилизировать обстановку в нашей стране, разделить ее на куски и поделить между собой.

Для раздела и уничтожения России США и их шакалы ведут планетарную информационную и санкционную войну против нас, нагло перевирают перед всем миром нашу сегодняшнюю действительность, героическую историю, очерняя все советское прошлое, при этом специально преувеличивая масштаб прошлых политических репрессий в десятки и сотни раз. Они используют беспрецедентную ложь, опираются при этом на предателей, книги которых у нас почему-то лежат в открытой продаже.

Писатель А.И. Солженицын, например, конечно, пострадавший, прошедший через ГУЛАГ, издавая свои пасквили на деньги ЦРУ, утверждал, что в СССР было расстреляно 60 миллионов человек, а несколько позднее заявил, что 100 миллионов. Понятно, что человек обижен, озлоблен. Но зачем же врать!

Нельзя отрицать, что репрессии в Союзе были, это факт неоспоримый. Но факт и то, что с 1921 по 1953 год в СССР было расстреляно 642 980 человек, а 2 369 222 находились

в местах лишения свободы³⁶.

Осознаю сегодня, что клеймо 37-го года будет висеть над честными чекистами, наверное, еще долго, но отношение людей постепенно меняется. Если в начале работы по пересмотру архивных дел родственники репрессированных с нами общались подчеркнуто настороженно, боялись произнести лишнее слово, то через год-два, уходя из кабинета, по несколько раз искренне и открыто говорили «спасибо».

Люди, которым мы тогда помогли восстановить честное имя родственника, писали благодарственные письма, дарили книги, цветы.

Памяти жертв политических репрессий. Фото из открытых источников

Я привожу в книге множество фамилий не только потерявших от кровавого беззакония, но и их мучителей. Сегодня это открытые сведения. А тогда, тридцать лет назад, к нам приходили и за информацией о палачах, горя желанием мести. Но надо понимать, что месть ничего не могла изменить. Я ведь прочитал тогда огромное количество дел, и в большинстве этих дел обвинение строилось на оговорах и самоговорах. Людей, по-видимому, тогда умели убедить «признаться» и стать членом «контрреволюционной организации», а после признания из них выбивали десятки фамилий членов этой «организации», порой фамилий просто знакомых людей, соседей, сослуживцев. Отец оговаривал детей, дети клеветали на отца. А огромное число доносов! Это тоже факт неоспоримый. Все подтверждено документально, но упрекать этих людей сегодня бесчеловечно...

Человеческая жизнь неповторима, лишение человека жизни другим лицом, тем более государством, незаконным путем является преступлением, не имеющим срока давности. Ушли из жизни многие репрессированные и реабилитированные граждане. Но обида на власть и огромное горе от несправедливости произошедшего еще надолго останутся в памяти их потомков...

Государству и нам, его гражданам, надо сделать все воз-

можно, чтобы восстановить память о каждом невинно пострадавшем советском человеке, оказывать в благородном деле сохранения памяти постоянную помощь и внимание общественным организациям.

В начале 90-х годов мне довелось быть директором Музея управления КГБ СССР по Свердловской области, принимал активное участие в изготовлении стендов музея, посвященных политическим репрессиям и реабилитации их жертв среди настоящих чекистов. Но эта работа была только в самом начале и сегодня, насколько я знаю, так и не закончена, поскольку я был уволен на пенсию по выслуге лет в ноябре 1992 года.

Мне кажется уместно отметить, что в здании Управления ФСБ России по Свердловской области на мраморной доске увековечены имена почти 40 свердловских чекистов, погибших в Великую Отечественную войну. В коридоре второго этажа Управления размещены портреты 15 чекистов, погибших после войны в «горячих точках» планеты. А в годы политических репрессий погибло около 180 свердловских сотрудников НКВД. Надо обязательно разобраться поименно с каждым из них без исключения и отдать должное невинно погибшим и реабилитированным. Их честные имена не должны подлежать забвению...

Давно сданы в архив дела восьмидесятилетней давности. Но есть ли гарантия неповторения тех трагических событий? Эта гарантия, как мне думается, в особом контроле за дея-

тельностью силовых структур России со стороны государства и расширении, где это возможно, открытости в их работе.

Мы предкам своим не судьи; но мы обязаны знать подлинную историю Родины и жить своим умом, а не по указке «партнеров» из США, нельзя постоянно оглядываться на Запад. В Гражданскую войну нашу страну вгоняли в каменный век и грабили представители четырнадцати западных государств, явившихся с оружием на нашу землю, якобы, для помощи белому движению. А я думаю, чтобы разодрать советскую Россию и сделать ее сырьевой колонией.

Мы обязаны исправлять ошибки предыдущих поколений и идти вперед своим собственным путем, реализуя в практических делах наш государственный патриотизм ежедневно и ежечасно.

Честь имею,

подполковник в отставке ФСБ России, ветеран Афганской войны, член Союза писателей России В. А. Киеня

2022 год, Екатеринбург